МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО»

ИНСТИТУТ «ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра истории и теории государства и права

«Актуальные проблемы публичного права: эволюция, современные тенденции и зарубежный опыт»

МАТЕРИАЛЫ X ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА, АСПИРАНТОВ И СТУДЕНТОВ

(17 АПРЕЛЯ 2025 г.)

г. Симферополь, 2025

«Актуальные проблемы публичного права: эволюция, современные тенденции и зарубежный опыт». Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. - Симферополь: Институт «Таврическая академия» «КФУ им. В.И. Вернадского», 2025. – 209 с.

Настоящий сборник составлен по материалам всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, состоявшейся 17 апреля 2025 г. в г. Симферополе. Работы представляют собой комплексное исследование современных проблем юридической сферы, рассматриваемых через призму глобальных изменений и вызовов современности. В сборнике собраны научные работы, посвященные изучению влияния процессов глобализации на эволюцию правовой системы и юридической практики. Особое внимание уделяется анализу правовых инструментов, которые используются для регулирования общественных отношений в условиях глобальных трансформаций. Авторы исследуют, как меняются правовые системы и институты в современном мире, а также рассматривают фундаментальный вопрос о значении права в создании условий для устойчивого развития общества.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1
Теоретико-исторические правовые науки: проблемы, современное состояние и перспективы развития

1. **Змерзлый Б.В., Клименко Е.П. ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ОБЩЕСТВЕННЫМ РАБОТАМ, КАК ФОРМЕ НАКАЗАНИЯ, В 1970-Е ГГ……7**
2. **Филонов А.В. РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ И АНГЛОСАКСОНСКАЯ ПРАВОВЫЕ СЕМЬИ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ИХ ПРИЗНАКИ И ЧЕРТЫ, ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ……...10**
3. **Анохин А.Н. ОБ АСПЕКТАХ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ……..16**
4. **Кондрашов Ю.А., Марцинкевич В.В. КОНСТИТУЦИЯ РФ КАК ГАРАНТ СТАБИЛЬНОСТИ……..19**
5. **Конина Е.Н. ОБЩЕПРАВОВОЙ ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ……..22**
6. **Морозов А.А. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВА НА БЕСПЛАТНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ…….25**
7. **Осипов Р.А. ДЕСТРУКТИВНАЯ ПРАВОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ……..……28**
8. **Пашнева В.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИЧНОГО СТАТУСА ГРАЖДАН В АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЕГИПЕТ……..……31**
9. **Пискунова О.В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ……33**
10. **Нор К.Е. ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ РАЗВИТИЯ В БУДУЩЕМ……..…..36**
11. **Сулименко Н.С. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОСУДИИ: ВОЗМОЖНОСТИ, ВЫЗОВЫ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ……..…….40**
12. **Хрущев Р.С. ОБРАЗОВАНИЕ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА НА ФАРЕРСКИХ ОСТРОВАХ НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. НА ПРИМЕРЕ Г. ТОРСХАВНА……...43**
13. **Чатчаев Э.М. ОТМЕНА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ КАК ЭТАП РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1917-1921 ГГ.)……46**
14. **Берман Д.Ю., Катренко А.И. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……50**
15. **Богданова А.О. КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ……..…..55**
16. **Ибрагимов Э. Р. ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОГЛОСОВАНИЯ ВОЛИ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА……..57**
17. **Неустроева Е.О. ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ……60**
18. **Суховеева Е.К. ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА»: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ……....63**

19. **Теребилов Д.А. ВЛИЯНИЕ ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН НА ФОРМИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ…….……66**
20. **Щигарев Д.Ю. ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОГО ПОЗИТИВИЗМА С ЕСТЕСТВЕННЫМ ПРАВОМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ……68**

Секция 2.
Публично-правовые (государственно-правовые) науки: актуальные проблемы и тенденции развития

21. **Адельсеитова А.Б. ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В США: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ……...71**
22. **Буткевич С.А. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ……...75**
23. **Климова Д.В. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ВЫСЫЛКИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН, НЕЗАКОННО НАХОДЯЩИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ……78**
24. **Костылева Е.Д. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ……..81**
25. **Морозов А.А. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ……..…84**
26. **Сибилева А.Ю. О ПЕРСПЕКТИВАХ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ……..…87**
27. **Ткачёва М.В. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..…..90**
28. **Сильванович Ю.Н. К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ТРУД ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ В РФ, ПРИБЫВШИМИ В ПОРЯДКЕ, НЕ ТРЕБУЮЩЕМ ПОЛУЧЕНИЯ ВИЗЫ……...92**
29. **Андруцкий А.Н. КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ДЕТЕКТИВОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ……...95**
30. **Головко К.А. ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ……..….98**
31. **Данильченко В.В. К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕМЕНТАХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ОМБУДСМЕНА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ……..…..101**
32. **Евграфова А.Г. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОПРОСОВ ОЗЕЛЕНЕНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НА ОСВОБОЖДЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ДОНБАССА И НОВОРОССИИ……..……108**
33. **Калантай Р.Ю. К ВОПРОСУ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ……...112**

34. **Конопелько А.М. ДОКТРИНА ПОДДАНСТВА И ГРАЖДАНСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ…….115**

35. **Легкоступова Н.В. БИКАМЕРАЛИЗМ КАК ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ПАРЛАМЕНТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН……...119**

36. **Агеев А.Д. ПРОБЛЕМАТИКА МЕСТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ……..….122**

37. **Алиева В.А. НАРОД КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕГО ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ…….125**

38. **Бальский А.В. ВЕЩИ КАК ОБЪЕКТЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ……128**

39. **Барабанова П.В., Калачев Д.А. ЗОНЫ С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ……..….131**

40. **Белецкая М.Ю. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЯЗАННОСТИ СЛУЖБЫ В АРМИИ ЖЕНЩИН В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ…….....133**

41. **Бокова В.А. МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ……..……136**

42. **Виноградова С.А. РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ…….....139**

43. **Воробей Д.Э. ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОГО УКЛОНЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ…….142**

44. **Демидькова А.И. О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ИНВЕСТИЦИЙ В СПОРТ И ФИЗИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ……...…145**

45. **Джлавян К.Н., Шмакова Д.Р. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖИВОТНЫХ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ……..….148**

46. **Емельянов И.А. СМИ КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ……...151**

47. **Зотова А.А. ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ……..154**

48. **Киселева А.Д. ПРИНЦИПЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ЭПОХУ АЛГОРИТМОВ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ……..157**

49. **Козырева А.В. СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НОВЫЕ ФОРМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА……..….160**

50. **Конради Г.И. РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН МИРА ……...….163**

51. **Куличенко И.Д., Хабибуллин Д.М. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗЕМЕЛЬНОГО НАДЗОРА…….....166**

52. **Лапко В.Г. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕПАТРИАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ…….....169**

53. **Маслич А.Е. РОЛЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА, ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ……...…..172**

54. **Орлов Е.М. К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ГОРОДЕ КРАСНОЯРСК……..……..174**
55. **Потёмкина У.М. ЛИЧНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА ЕГО КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА……...177**
56. **Ревунов Р.В. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИКИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ…….…180**
57. **Суховеева Е.К. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ СТРАН АЗИИ…….…..184**
58. **Таймазова А.К. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ…….……187**
59. **Ханин Р.Р. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СТАТУСА ЛИЦ С ДВОЙНЫМ И МНОЖЕСТВЕННЫМ ГРАЖДАНСТВОМ В РФ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ…….190**
60. **Харкевич К.А. ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ОСУЖДЕННЫМИ КАК ОСНОВА ИХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ……...…193**
61. **Черниенко В.Д. О ПРОБЛЕМАТИКЕ СУИЦИДАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ……..196**
62. **Четав Д.А. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ТРУДА И ЕЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ……..199**
63. **Чубенко Н.Е. ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД РОССИИ…….…..201**
64. **Шлыкова К.М. КОНСТИТУЦИОННАЯ ЖАЛОБА В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА……...…204**
65. **Юданов Д.Д. ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ПРОЦЕССЕ ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ……206**

Секция 1
Теоретико-исторические правовые науки: проблемы, современное состояние и перспективы развития

УДК 343

Змерзлый Б. В.,
доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор
Клименко Е. П.,
кандидат юридических наук, доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ОБЩЕСТВЕННЫМ РАБОТАМ, КАК ФОРМЕ НАКАЗАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Аннотация. В статье исследуется процесс эволюции нормативного регулирования проблемы общественных работ в европейских странах на основе соответствующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Указано, что общественные работы применялись в СССР и иных странах соцлагеря, а наибольшее развитие в странах западной Европы данная форма наказания получила в Великобритании (1973 г.), Федеративной Республике Германия (1973 г.) и Скандинавских странах, в частности в Дании.

Ключевые слова: общественные работы, правовое регулирование, закон, форма наказания.

Abstract. The article examines the evolution of the normative regulation of the problem of public works in European countries based on the relevant criminal and penal legislation. It is indicated that public works were used in the USSR and other countries of the socialist camp, and this form of punishment was most developed in Western European countries in Great Britain (1973), the Federal Republic of Germany (1973) and the Scandinavian countries, in particular Denmark.

Key words: public works, legal regulation, law, form of punishment.

В первой половине XX в. праве различных стран можно отметить попытки разработать новые уголовные санкции, которые в различной степени могли заменить тюремное заключение. Отдельное внимание было сосредоточено на форме санкций, основное содержание которой заключается в том, что осужденный обязан тратить свое свободное время на выполнение общественно полезной работы без оплаты.

Такая санкция, именуемая далее «общественные работы», в различных вариантах во второй половине XX в. уже использовались в Англии, Новой Зеландии, Западной Германии, ГДР, Дании СССР [1, с. 308-310] и США [2, s. 172-173].

Одной из наиболее известных среди ученых в данном направлении система была создана в Великобритании, где общественные работы как мера уголовного правосудия были введены 1.01.1973 г. поправкой к Закону об уголовном правосудии 1972 г. [3]. Законодательная поправка была впервые реализована в качестве пилотной программы, охватывающей 6 областей пробации. С 1.04.1975 г. по всей стране введены общественные работы (ст. 86). Введение общественных работ было основано на докладе 1970 г. «Наказания, не связанные с лишением свободы, и наказания, связанные с полутюремным заключением» [4].

Целью общественных работ было, среди прочего, создание санкция, которая могла бы заменить тюремное заключение и тем самым стать основой для сокращения числа

заключенных в тюрьмах. Эта цель была особенно подчеркнута во время представления законопроекта правительством в парламенте. Кроме того, были ссылались на ряд совершенно разных взглядов как на основу общественных работ как уголовно-правовой меры реагирования, и часто подчеркивалось, что общественные работы как уголовно-правовая мера реагирования не основываются на каком-либо однозначном восприятии цели уголовно-правовых мер реагирования.

Применимые правила в отношении общественных работ изложены в «Законе о полномочиях уголовных судов» 1973 г. [5].

Законом, к примеру, предусмотрено, что суд не должен выносить постановление о привлечении к общественным работам в отношении любого правонарушителя, если правонарушитель не согласен и суд был уведомлен о том, что существуют договоренности о работе для лиц в районе, в котором правонарушитель проживает или будет проживать. Важная роль в данном вопросе возлагалась на сотрудника службы пробации.

Если суд выносит постановления о привлечении к общественным работам в отношении двух или более преступлений, за которые правонарушитель был осужден судом или перед судом, суд может постановить, что часы работы, указанные в любом из этих постановлений, должны совпадать или дополнять часы, указанные в любом другом из этих постановлений, но так, чтобы общее количество часов, которые не являются совпадающими, не превышало максимума. Постановление о привлечении к общественным работам должно указывать район, в котором правонарушитель проживает или будет проживать, и функции, возложенные последующими положениями настоящего Закона на соответствующего должностного лица, должны выполняться должностным лицом пробации, назначенным или назначенным в район на время, указанный в постановлении (будь то в соответствии с настоящим подпунктом или в силу раздела 17(5) Закона), или лицом, назначенным для целей этих положений комитетом пробации и последующем уходе для этого района.

Перед вынесением постановления о привлечении к общественным работам суд должен объяснить правонарушителю цель и последствия постановления, последствия, которые могут наступить в соответствии с разделом 16, если он не выполнит любое из этих требований и что суд имеет право пересматривать постановление по заявлению либо правонарушителя, либо сотрудника службы пробации.

Суд, вынесший постановление о привлечении к общественным работам, должен немедленно передать копии постановления должностному лицу службы пробации, назначенному в суд, а он должен передать копию правонарушителю и соответствующему должностному лицу [6, s. 60].

Правонарушитель должен отчитываться перед соответствующим должностным лицом и время от времени уведомлять его о любых изменениях адреса, выполнять в течение указанного в постановлении количества часов такую работу в то время, когда ему может быть указано.

В соответствии с разделом 17(1) Закона работа, которую необходимо выполнить в соответствии с приказом о привлечении к общественным работам, должна выполняться в течение 12 месяцев, начиная с даты приказа. Инструкции, данные соответствующим должностным лицом должны быть такими, чтобы избегать любого конфликта с религиозными убеждениями правонарушителя и любого вмешательства в его обычное время работы или посещения школы, или другого учебного заведения, если таковое имелось.

Если в любое время, когда приказ об общественных работах действует в отношении правонарушителя, по информации мирового судьи, действующего в районе мелких сессий в течение времени общественных работ, указанного в приказе, становится известно, что правонарушитель не выполнил какие-либо требования раздела 15 данного Закона (включая

любое невыполнение удовлетворительным образом работы, которую ему было поручено выполнить), судья может выдать повестку, требующую от правонарушителя явиться в указанное в ней место и время, или может, если информация представлена в письменной форме и под присягой, выдать ордер на его арест [5, s. 61].

В Западной Германии общественные работы (gemeinnützige Leistungen) используется как наказание вместо штрафа и как условие для условного осуждения и снятие обвинений (ст. 95). В соответствии с поправкой к УК Германии (StGB) 1973 г., Федеральному правительству были предоставлены полномочия в ст. 28b административно устанавливать правила выполнения общественных работ в качестве наказания. Положение ст. 28b также уполномочивает немецкие земли вводить такие правила в индивидуальном порядке, при условии, что общие правила не будут реализованы на федеральном уровне. Основополагающие правила по этому вопросу никогда не применялись, и только город Гамбург как земля ввел правила о введении общественных работ в качестве штрафа или исправительного наказания посредством постановления от 3.12.1968 г. С 1.01.1975 г. ст. 28 б УК Германии была заменена ст. 293, которая разрешает немецким землям индивидуально создавать основания для выполнения работ в качестве наказания вместо штрафа, так что теперь этот вопрос регулируется исключительно землями [6].

В Дании [7] общественные работы также являются одним из важных средств перевоспитания правонарушителей [8], а максимальное количество часов общественных работ, к которым может быть приговорен правонарушитель в Европе составляет 240-250.

Список использованных источников:

1. Пертли В. А. Исполнение наказаний без изоляции от общества в советский период отечественной истории // Пробелы в российском законодательстве. 2.2010. – С. 308-310. – URL: 10. 1. Исполнение наказаний без изоляции от общества в советский период отечественной истории (дата обращения: 04.04.2025).
2. Af William Rentzmann. Om alternativer til frihedsstraf // NORDISK TIDSSKRIFT FOR KRIMINALVIDENSKAB. – S. 172-173. – URL: Visning af: Indhold (дата обращения: 04.04.2025).
3. Criminal Justice Act 1972 (ikrafttrædelse nr. 1) bekendtgørelse af 1972. – URL: Criminal Justice Act 1972 (Commencement No. 1) Order 1972 - Lovgivning - VLEX 878854435 (дата обращения: 04.04.2025).
4. The Law Reform Commision of Hong Kong. Report Community Service Orders (Topic 7). – S. 5. – URL: rcommunity-e.doc (дата обращения: 04.04.2025).
5. Powers of Criminal Courts Act" 1973. – URL: Lov om straffedomstoles beføjelser af 1973 (ophævet) (дата обращения: 04.04.2025).
6. Bekanntmachung der Neufassung des Strafgesetzbucher (StGB). Vom 2. Januar 1975 || Bundesgesetzblatt. Tel 1. Z1997 A. 1971. Ausgegeben zu Bonn am 7. Januar 1975. №1. – URL: Bundesgesetzblatt BGBl. Online-Archiv 1949 - 2022 | Bundesanzeiger Verlag (дата обращения: 04.04.2025).
7. 12. juni 2014. Straffelovrådets betænkning om samfundstjeneste mv. Betænkning nr. 1545 København 2014. – 384 s. – URL: REU Alm.del Bilag 300: Betænkning nr. 15452014 (pdf-fil til trykning) [DOK1201372].PDF (дата обращения: 04.04.2025).
8. Samfundstjeneste. – URL: Anklagemyndighedens Vidensbase (дата обращения: 04.04.2025).

УДК 341

Филонов А. В.
доктор юридических наук, доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ И АНГЛОСАКСОНСКАЯ ПРАВОВЫЕ СЕМЬИ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ИХ ПРИЗНАКИ И ЧЕРТЫ, ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Аннотация. Данная статья посвящена основным правовым семьям современности, которые занимают доминирующие позиции на правовой карте мира. Показаны исторические этапы их возникновения, эволюционный путь их развития и современное содержание. Кроме того, показаны их признаки, общие и отличительные черты, какие правовые подсистемы входят в каждую из этих семей. Автор показывает какие преимущества и недостатки, по его мнению, характерны для этих правовых семей, в чем их плюсы и минусы.

Ключевые слова: романо-германская правовая семья, англосаксонская (англо-американская) правовая семья, правовые системы, конвергенция правовых семей, компаративизм в праве, интеграция правовых систем.

Abstract. This article is devoted to the main legal families of our time, which occupy dominant positions on the legal map of the world. The historical stages of their origin, the evolutionary path of their development and modern content are shown. In addition, their characteristics, common and distinctive features, what legal subsystems are included in each of these families are shown. The author shows what advantages and disadvantages, in his opinion, are characteristic of these legal families, what are their pros and cons.

Keywords: Romano-Germanic legal family, Anglo-Saxon (Anglo-American) legal family, legal systems, convergence of legal families, comparative law, integration of legal systems.

Правовая семья-одно из центральных понятий сравнительного правоведения. Под этим термином понимается совокупность национальных правовых систем (конкретно-определенных государств) в рамках одного типа права, объединенных общностью исторического формирования права, общностью источников права, схожестью структуры права, правоприменения и понятийно-категориального аппарата юридической науки [1].

Правовая семья включает в себя совокупность правовых систем конкретных государств, а основаниями, на основе которых мы относим ту или иную правовую систему конкретного государства к той или иной правовой семье, относятся такие признаки и черты, как: историческая общность возникновения и развития правовых систем; схожесть источников права, правовых отраслей, институтов; общность принципов регулирования общественных отношений; единство юридической терминологии, юридических категорий и понятий; схожесть в правоотношениях, юридической деятельности, правовой культуре; схожесть юридического образования, подготовки и переподготовки юристов; практически одинаковая система правотворчества, правоприменения и толкование правовых норм и т. д.

Современные правовые семьи и системы в своих трудах рассматривали такие отечественные и зарубежные ученые, как С. С. Алексеев, М. И. Байтин, А. М. Васильев, В. Ю. Войтович, Р. Давид, А. В. Егоров, В. Н. Карташов, Х. Кетц, М. Н. Марченко, В. С. Нерсесянц, А. Х. Саидов, О. Ф. Скакун, В. Н. Синюков, Ю. А. Тихомиров, К. Цвайгерт, В. Е. Чиркин, Н. Эриашвили и др.

Правовые системы большинства стран мира принято относить к той или иной правовой семье, которые выделяются учеными.

Впервые классификацию основных правовых систем предложил в 1880 году французский юрист Э. Глассон, им были выделены следующие группы государств: государства, где особо велико влияние римского права (Италия, Испания, Румыния, Португалия и т. д.); право, основанное на обычаях и варварском праве (Англия, Скандинавские страны и т. д.); государства, правовые системы которых имеют признаки как римского, так и германского права, к этим странам он относил Францию, Швейцарию, Германию и т. д. [2].

Современное представление о классификации правовых систем сформировалось на основе двух главных подходов. Первый из них был сформулирован французским исследователем Рене Давидом, а второй представлен научной школой немецких исследователей Х. Кетца и К. Цвайгерта.

Согласно подходу Р. Давида, необходимо выделить 6 правовых семей, а именно: романо-германская правовая семья, англо-американская правовая семья (или англосаксонская), религиозная правовая семья, социалистическая правовая семья, традиционная правовая семья, некоторые другие правовые семьи [3,с.25-27].

Согласно точке зрения немецких исследователей К. Цвайгерта и Х. Кетца, которые взяли за основу классификации исторически сложившийся стиль правовых семей, выделяют: романскую семью (Франция, Румыния, Бельгия и др.), германскую семью (Германия, Австрия, Швейцария и др.), англо-американскую (Англия, США, Новая Зеландия и др.), Северную (Швеция, Норвегия, Дания и др.), Дальневосточную (Япония, Южная Корея, Тайланд и др.), Социалистическую (Куба, КНДР, Вьетнам и др.) [4, с.195, 196].

По нашему мнению, несмотря на существующее многообразие классификаций правовых семей, наиболее правильно будет выделить четыре основные правовые семьи, такие как: романо-германская (Франция, Германия, Румыния, Австрия и др.); англосаксонская или англо-американская (Англия, Уэльс, США, Австралия, Новая Зеландия, Канада и др.); религиозная правовая семья (Иран, Саудовская Аравия, Оман и др.); семья обычного традиционного права (страны Тропической Африки и Океании); государства, имеющие смешанные правовые системы (ЮАР, Израиль, Малайзия и др.).

В настоящее время насчитывается около 200 национальных правовых систем. Причем, 77 из них относят к романо-германской правовой семье, а 44 государств относят к англо-американской правовой семье [5]. Это подтверждает тот факт, что именно эти правовые семьи современности являются доминирующими на мировой карте мира.

Романо-германская правовая семья является на сегодняшний день самой распространенной правовой семьей во всем мире. Данная правовая семья сложилась в Континентальной Европе, и этот процесс во многом связывают с деятельностью глоссаторов в XII-XIII веках (профессорско-преподавательского состава) Болонского и других европейских университетов, которые начали изучать римское правовое наследие. Основателем школы глоссаторов считают Ирнерия. А затем в XIV-XVI веках рецепция римского права была продолжена школой постглоссаторов, основателями данной школы считают Раймона Луллия и Жака де Равиньи. Именно постглоссаторы систематизировали, обработали и применили на практике в средневековой Европе видоизмененные нормы римского частного права. В XVII веке в Европе формируется школа «естественного права», основателями ее являются Г. Гроций, Б. Спиноза, Д. Локк, Н. Макиавелли, Ж. Ж. Руссо, Дж. Бентам, Б. Констан и др., которые сформулировали доктрину «естественного права», где основным источником права является закон, а в основе закона лежат естественные и неотъемлемые права человека. Именно представителями этой школы было сформулировано публичное право, которое окончательно сформировалось в Европе к концу XVIII века. Кроме того, заслугой этой школы считается выработка концепции о необходимости кодификации права. Именно кодификация права завершила оформление

романо-германской правовой семьи, как целостного явления в XIX веке, сначала во Франции и Германии, а затем в других странах континентальной Европы. Принято считать, что романо-германская правовая семья сложилась как самостоятельная правовая семья в XIX веке в результате выработки и принятия Гражданского кодекса Наполеона в 1804 году Австрийского гражданского уложения в 1811 года и Германского гражданского уложения в 1896 году.

Романо-германская правовая семья.

Романо-германская правовая семья на сегодняшний день остается наиболее распространенной и влиятельной на правовой карте мира, что признают в том числе английские и американские ученые-юристы.

К основным признакам и чертам романо-германского права относятся такие, как: основным источником права является нормативно-правовой акт; право делится на частное и публичное, в свою очередь публичное и частное право делится на отрасли, институты, нормы; в большинстве стран этой семьи основой выступает не публичное, а частное право; право в большинстве своем кодифицировано и имеет приблизительно одинаковую структуру; материальное право преобладает над процессуальным; более высокий уровень абстрактности норм права по сравнению с нормами англо-американского права; во всех странах романо-германского права действуют писанные кодифицированные конституции; правовой обычай как источник права может действовать как «кроме закона», так и в «дополнение к закону»; источники права построены по иерархической системе, где нижестоящие источники должны соответствовать вышестоящим и не противоречить им; схожесть юридической терминологии, методов работы юристов, системы их профессиональной подготовки; наблюдается общий понятийный фонд, т. е. фактическое сходство основных категорий и понятий, которыми оперируют юристы.

Любая правовая семья, а тем более правовая система, по-своему уникальна и самобытна и естественно, что имеет свои преимущества и недостатки в сравнении с другими правовыми семьями и системами. В данной статье мы попытаемся проанализировать: в чем же преимущества и недостатки двух основных правовых семей современности романо-германской и англосаксонской.

К положительным сторонам романо-германской правовой семьи, на наш взгляд, можно отнести то, что: романо-германское право является преимущественно писанным правом и основным источником права является нормативно-правовой акт (законы и подзаконные акты); право четко систематизировано и делится на публичное и частное, имеет деление на материальное и процессуальное, на отрасли и институты, причем большинство отраслей кодифицировано; все страны данной семьи имеют писанные кодифицированные конституции; законодательство построено по иерархической системе, а значит нижестоящие законы не должны противоречить вышестоящим (что сводит к минимуму правовые коллизии и противоречивость права).

Таким образом, романо-германское право отличается четкостью, определенностью, простотой, обозримостью и доступностью для законоприменителя.

К отрицательным сторонам романо-германской правовой семьи, на наш взгляд, можно отнести то, что: наблюдается некоторая оторванность нормативно-правовых актов от юридической практики и реальной жизни; законодатель не всегда успевает за изменениями в общественных отношениях; право не является достаточно «гибким», внесение изменений в законы-довольно сложный и продолжительный по времени процесс (т. е. право зачастую отстает от меняющихся общественных отношений); организация местной власти в континентальной Европе строится на основе континентальной модели организации власти на местах, которая считается менее демократической по сравнению с англо-американской моделью, так как в ней большая часть должностных лиц на местах назначается либо главой государства, либо центральными органами власти, а не избирается населением административно-территориальных единиц как в англо-американской модели

(в европейской модели обычно избираются только: мэры городов, депутаты местных советов, иногда губернаторы).

Таким образом, к основным недостаткам романо-германской правовой семьи исследователи относят тот факт, что рост абстрактных нормативно-типичных начал ведет к недочету, а иногда и противопоставлению с индивидуально-специфическими началами регулируемых ситуаций, что в свою очередь сокращает эффективность и социальную справедливость правового воздействия [6, с.10-12].

Англосаксонская правовая семья.

Англосаксонская правовая семья или семья общего права является второй по значимости и распространенности правовой семьей современного мира. Основы англосаксонской правовой семьи начали складываться в Англии в XI- XV вв., с момента завоевания британских островов Вильгельмом Завоевателем в 1066 году, и окончательно сложились к XVIII веку. В результате активной колонизаторской политике Британской империи англосаксонское право распространилось на все существующие континенты (кроме Антарктики). Сегодня англосаксонская правовая семья включает в себя правовые системы 44 государств мира [7].

На сегодняшний день общее право действует на территории Англии, Уэльса, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Индии и ряда других стран.

Но нужно отметить тот факт, что некоторые страны англосаксонского права, такие как США, Индия и ряд других стран создали собственное общее право, отличное от английского и тем не менее английское общее право занимает особое место в англосаксонской правовой семье.

Таким образом, возникнув и сформировавшись в Англии, англосаксонская правовая семья (семья общего права) получила широкое распространение во всем мире. Нормы англосаксонского права Англия внедряла на территории своих колоний, хотя имело место и добровольная рецепция английского права, например в Канаде и т. д.

На сегодняшний день внутри англосаксонской правовой семьи принято выделять две основные подсистемы данной правовой семьи, а именно:

1. Английская (Англия, Уэльс, Страны Содружества);
2. Американская (США и правовые системы штатов).

Однако, несмотря на некоторые особенности, англосаксонская правовая семья во всех странах, где она распространена, имеет приблизительно похожую структуру и в большинстве своем одинаковые источники права.

В процессе развития у современной англосаксонской правовой семьи сформировались признаки и черты, которые существенно отличают ее от других правовых семей и систем. К ним относятся: природу английского права составляет «судейское право», то есть одним из основных источников права признается судебный прецедент (судебный акт, документ, в котором содержится описание спора и решение по нему, которое становится обязательным для нижестоящих судов при рассмотрении аналогичных дел), тогда как в романо-германских странах прецедент либо вообще не признается как источник права, либо признается с оговорками; право делится на статутное, общее право и право справедливости (последнее в ходе реформ в Англии было объединено с общим правом); англосаксонскую правовую семью еще называют семьей общего права, под которым понимают систему правовых норм, разработанных на основе судебных решений, а не парламентских законов или подзаконных актов органов исполнительной власти; многие страны данной правовой семьи создали собственное общее право, отличное от английского. Это такие страны, как США, Индия и ряд других; на англо-американское право римское право оказало минимальное влияние, право в этих странах преимущественно не кодифицировано (кроме США частично), отсутствует деление на частное и публичное, систематизация права осуществлена в недостаточной степени; отсутствие официального деления права на отдельные отрасли (например, в одном статуте могут содержаться нормы гражданского, уголовного и семейного права), что обусловлено двумя факторами: все суды

в этих странах имеют общую юрисдикцию, то есть могут разбирать разные категории дел, дифференциация и группировка норм права происходит не по отраслям, а по институтам; законы или статуты становятся действующими источниками права только тогда, когда они не однократно будут применены судами при вынесении решений (в противном случае такие статуты считаются «мертвым правом»), все статуты имеют одинаковую силу; повышенное внимание к процессуальным аспектам, поскольку, например, в процессе судопроизводства происходит правообразование (судья, принимая решение по конкретному делу, создает прецедент как источник права для других правоприменителей), по сути, процессуальное право заменяет материальное, то есть в данной семье наблюдается доминирование процессуального права над материальным; возрастание роли статутов (законов и подзаконных актов) как источников англосаксонского права; не признается деление права на конституционное и административное, на гражданское, трудовое, земельное. Однако, выделяется право собственности и обязательственное право; в уголовном праве действует особая классификация преступлений; важную роль как источник права играет правовой обычай, причем в отличие от стран романо-германского права правовой обычай применяется не только в частном праве, но даже в публичном (например, формирование комитетов конгресса в США, согласование монархом в Великобритании всех законопроектов, принимаемых парламентом и т. д.). Без конституционно-правовых обычаев Великобритания превратилась бы сегодня в Абсолютную монархию, на обычай как источник права судьи ссылаются в том случае, если отсутствуют соответствующие статуты и прецеденты; многие юридические понятия и институты, которые применяются в романо-германском праве, в англо-американском не применяются вообще (например, нет такого понятия как «юридическое лицо», оно заменяется понятием «корпорация» и т. д.); до 1998 года права человека в Великобритании внутри страны до 1998 года регулировались исключительно судебными прецедентами и международными актами, внутренний комплексный закон по правам человека был принят в Великобритании только в 1998 году (но без социально-экономических прав и свобод); делегированное законодательство предоставляется парламентом не правительству, а отдельным министрам; особо важную роль в судебном процессе играет лавка присяжных заседателей, решение вопросов факта и права на процессе разделено между присяжными и судьей. Окончательные решения по поводу вины подсудимого на процессе принимаются присяжными, причем, если присяжные выносят оправдательный вердикт в ходе рассмотрения уголовного дела в суде, судья не может повлиять на него; суды имеют общую юрисдикцию, т. е. могут разбирать разную категорию дел (гражданские, торговые, уголовные, арбитражные); для англосаксонского общего права характерна развитость юридического процесса, особое значение в правосудии придается именно соблюдению судебной процедуры; источником права в этих странах признаются доктринальные толкования (высказывания известных английских ученых, философов, юристов- государствоведов). На доктрины, как и правовые обычаи, как источник права, судьи ссылаются на процессе в том случае, если отсутствуют соответствующие статуты и прецеденты (примером правовой доктрины являются комментарии законов Англии Уильямом Блэкстоном в XVIII веке и т. д).

Все вышеперечисленные признаки и особенности характерны в большей или меньшей степени для всех правовых систем стран, входящих в англосаксонскую правовую семью. В большей степени эти признаки относятся к Англии и Уэльсу, и в меньшей степени к США, Канаде, Индии и т. д.

К положительным сторонам англосаксонской правовой семьи, по нашему мнению, можно отнести то, что: англосаксонское право является более «гибким» правом в сравнении с романо-германским, т. е. право этих государств тесно связано с повседневной жизнью и легко приспосабливается к изменившимся общественным отношениям, то есть возможность быстрого приспособления права к изменившейся обстановке. Судья сам оперативно может решить не урегулированный законодательством и прецедентами вопрос. Тогда как в романо-германском праве законы, как основной источник права, не

всегда успевают за изменениями в общественных отношениях, а принятие новых законов или изменение действующего законодательства-это довольно длительный процесс в отличие от прецедентного общего права; в основе англосаксонского права лежат не обязанности личности, а ее права, защищаемые судом, то есть на первом месте находятся не обязанности, а права человека и гражданина; судьи имеют полномочия толковать законодательные акты и решать вопрос об их конституционности; принято считать, что судебный процесс в англосаксонских странах имеет более демократические признаки и черты, и имеет более состязательный характер, когда главную роль на процессе играет не столько судья, сколько обвинение и защита, а также лавка присяжных заседателей (что как показывает статистика, повышает шанс подсудимого на оправдательный приговор суда). Бытует такое мнение, что использование лавки присяжных заседателей максимально демократизирует судебную процедуру; англо-американская модель организации власти на местах также считается более демократической, нежели континентальная, присущая для государств романо-германского права (при англо-американской модели большинство должностей на местах не назначается из центра, а избирается самой громадой, как, например, шерифы и т. д).

К отрицательным сторонам англосаксонской правовой семьи, по нашему мнению, можно отнести то, что: данное право недостаточно систематизировано и является казуистичным, наблюдается излишняя детализированность судебного процесса, придание большего значения ходу процесса, чем разрешению сути спора на нем; наблюдается преобладание процессуального права над материальным, процессуальное право определяет во многом содержание материального права; при рассмотрении сложных дел судебные процессы очень длительны по времени; наблюдается громоздкость источников права; в англо-американском праве отсутствует четкое деление права на частное и публичное, на отрасли и подотрасли, право в большинстве своем не кодифицировано, что создает проблемы для законоприменителя, так как тяжело разобраться в этом огромном нормативном массиве, который четко не систематизирован. Для англо-американской системы права характерен не нормативный, а казуальный тип юридического сознания: факт здесь сравнивается не с нормативной моделью, а с другим аналогичным казусом, судебной и правоприменительной практикой. Поэтому такой тип права называют казуальным, именно на судебное решение, а не на норму закона, обычно ориентируются участники правоотношений [8].

В англо-американской модели формальный приоритет принадлежит законодательству, но фактически все зависит от усмотрения судьи, от того, как он истолкует и применит норму статута или прецедента и какой из прецедентов признает наиболее подходящим для урегулирования соответствующего спора. В Англии продолжают действовать некоторые статуты, которые были приняты еще в период средневековья, любые статуты в Англии начинают действовать не с момента их принятия, а с момента применения их в суде. В некоторых странах англо-американской правовой семьи отсутствуют конституции, как основные законы государства (и зачастую права и свободы закреплены не в законах, а в общем праве). Правовые обычаи регулируют отношения не только в частном праве, но и в публичном, так в Англии правовой обычай регулирует некоторые отношения между парламентом и монархом и т. д.

Таким образом, к преимуществам англо-американского права можно отнести его гибкость, оперативность, быстрое приспособление к изменяющимся общественным отношениям, а к недостаткам его недостаточную систематизированность, казуистичность данного права, недостаточную определенность, а значит сложность для законоприменителя, которому без помощи профессиональных юристов самостоятельно разобраться в огромном правовом массиве англо-американской правовой семьи очень сложно.

Подводя итог всему вышесказанному по данному вопросу, можно сделать вывод о том, что романо-германская и англосаксонская правовые семьи являются наиболее

распространенными на правовой карте мира и при этом несомненен тот факт, что каждая из семей, также как и системы их составляющие имеют свои преимущества и недостатки, в связи с чем на сегодняшний день мы наблюдаем процесс конвергенции, некоторое сближение двух основных правовых семей мира, и скорее всего в XXI веке этот процесс будет продолжаться, а значит отличия между ними будут сокращаться, и негативные черты данных семей будут сведены к минимуму. Но этот вопрос может стать объектом исследования в последующих научных трудах.

Список использованных источников:

1. VRL:https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-pravovye-sistemy (дата обращения:08.04.2025 г.).
2. Glasson E. Le marriage et le divorce dans I'antiquite et dans les principals legislations de L'Europe Paris,1880.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности/Пер. с фр. В. А. Туманова.-М.:Международные отношения, 2009.-456с.
4. Оксамытный В. В. Современные подходы к различению правовых систем государств//Вестник экономической безопасности. 2021 №5 с.194-200 https//doi.org/10.24412/2414-3995-2021-5-194-200. С.195,196.
5. http//www.juriglobe.ca/rus/sys-juri/class-poli/droit-civil.php.(дата обращения: 02.04.2025 г.).
6. Тухватуллина И. И. Роль и место романо-германской правовой системы в правовой жизни современного мира/И. И. Тухватуллина//Человек и закон: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей Междунар. Науч. Практ. Конор., Пенза,-10.05.2018 г.-Пенза: МУНС «Наука и Просвещение», 2018. С.10-12.
7. Статистические таблицы распределения мирового населения по правовым системам//http://www.juriglobe.ca/rus/syst-dumo/index-tablean.php.

Англосаксонская правовая система [Электронный ресурс].-Режим доступа https://diakonov.ru/Bibl/TPG4252.htm (дата обращения:04.04.2025 г.).

УДК 340.111

Анохин А.Н.
кандидат юридических наук, доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь

ОБ АСПЕКТАХ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье исследуются теоретические вопросы аспектов юридического познания в правоприменительной деятельности. Рассматриваются особенности познавательной деятельности на стадиях правоприменительного процесса. Особое внимание уделено особенностям юридического познания в условиях применения регулятивных и охранительных норм.

Ключевые слова: юридическое познание, правоприменительная деятельность.

Abstract: The theoretical issues of aspects of legal knowledge in law enforcement are examined in the article. The features of cognitive activity at the stages of the law enforcement process are considered. Special attention is paid to the peculiarities of legal knowledge in the context of the application of regulatory and protective norms.

Keywords: legal knowledge, law enforcement activities.

Правоприменительная деятельность является интеллектуально – волевой деятельностью и основывается на познании объективной действительности с целью ее преобразования (в рамках управления) либо восстановления существующего порядка в общественных отношениях (в рамках правоохранительной деятельности).

Познавательный элемент означает возможность и необходимость познания государственно-правовой и социальной действительности на уровне научного и профессионального сознания. Научное познание основывается на рассмотрении действительности сквозь призму научной картины мироздания, прежде всего сформированную системой гуманитарных наук. Принципиальными положениями выступают идеи о познаваемости объективной реальности и возможности выявления законов (закономерностей) ее строения, функционирования развития. Данная научная картина объективной реальности служит основой для профессионального познания действительности, осуществляемого непосредственно субъектами правоприменительной деятельности.

Речь идет о том, что указанные субъекты в ходе правоприменительной деятельности занимаются не научным познанием объективной реальности (открытием ее законов), а конкретной прикладной деятельностью по созданию актов применения норм права . В таком понимании профессиональное познание (и сознание субъектов) должно основываться на достижениях научного познания, составляющего его основу.

В научной и учебной литературе подчеркивается, что юридическое познание при применении права относится к специальному, то есть к такому, которое осуществляется в рамках практической деятельности и для нее. Юридическое познание складывается из двух главных разновидностей: во-первых, из познания правовых предписаний, образующих юридическую основу применения, и, во-вторых, из познания фактических обстоятельств дела. В своей совокупности они образуют один из общих, сквозных элементов применения права – интеллектуальную сторону его содержания [1, с.320].

Определенной спецификой обладает познание социологической основы юридического дела в управленческой и правоохранительной деятельности. В управленческой деятельности, где применяются регулятивные нормы, познание направлено в будущее, поскольку урегулированию (индивидуально – правовому) подвергаются ситуации (объекты, состояния объектов), которых еще нет в настоящее время.

Данное познание основывается на теории «опережающего отражения действительности». Она предполагает, что вначале познаются законы и закономерности общественного развития, прогнозируются тенденции их развития в отдаленной, среднесрочной, ближней перспективе, а затем разрабатывается концепция нормативного прогноза, в соответствии с которой определяются необходимые мероприятия (регламентированные в форме актов применения норм права), которые следует осуществить, для возможного преобразования объективной реальности.

То есть данный вид правоприменения ориентирован на перспективу. Отсюда познание связано с конструированием «образа будущего». И если в нормах права «образ будущего» представлен в наиболее обобщенном виде (система норм права - это нормативная модель будущего, поскольку каждая норма права ориентирована на урегулирование ситуаций, которые возникнут в будущем), то в индивидуально – правовых решениях будущее конкретизировано в рамках той или иной сферы (объекта) регулирования. Здесь познание связано с теоретической выработкой механизма перевода «настоящего» состояния объекта регулирования в требуемое «будущее» состояние. В практическом плане, как отмечено выше, это достигается путем теоретического построения обратного движения от «образа будущего» к «настоящему» состоянию объекта регулирования, через решение соответствующих задач. Именно данные «решения задач» и

есть те самые индивидуально-правовые решения , которые впоследствии вырабатываются в ходе правоприменительного процесса.

В правоохранительной деятельности , где применяются охранительные нормы, познание направлено в прошлое, поскольку разрешению подвергаются ситуации, которые имели место в прошлом. Поэтому данный вид правоприменения связан с реконструкцией ситуации, которая имела место в прошлом. Познание предполагает выявление всех необходимых фактов прошлого и конструирование на их основе единой, логически цельной и достоверно «картины» прошлого. Познание идет от «настоящего» состояния объекта (в котором его начинает познавать правоприменитель) к «прошлому». И далее, восстановив «картину» прошлого, правоприменитель в рамках процесса совершает познание уже в «настоящем» времени.

Познание, связанное с необходимостью юридической квалификации социологической основы дела (на второй стадии правоприменительного процесса), предполагает познание и установление нормативного решения (регулятивной или охранительной нормы), направленного на урегулирование либо разрешение рассматриваемой ситуации.

В структуре регулятивного института заложена нормативная конструкция: «норма – цель» - «нормы задачи» - «регулятивная норма». Именно «норма – цель» содержит в себе модель «будущего состояния», которое должно быть достигнуто в конкретной правоприменительной ситуации. «Нормы – задачи» выступают нормативными моделями мероприятий, которые должны быть реализованы для достижения «будущего состояния». И собственно регулятивные нормы служат нормативными моделями будущих индивидуальных решений, фиксирующими нормативный механизм реализации мероприятий.

При познании и установлении охранительных норм юридической квалификации подлежит социологическая основа дела в виде реконструированной ситуации, имевшей место в прошлом, условий, способствующих созданию данной ситуации, обстоятельств, связанных с личностью правонарушителя. Из данной социологической основы выделяются юридически значимые характеристики, которые образуют состав правонарушения. И в соответствии с установленным составом правонарушения определяется конкретная охранительная норма, направленная на разрешение рассматриваемой ситуации в рамках юридического дела.

Познание на третьей стадии правоприменительного процесса носит интегративный характер, выраженный в принятом акте применения норм права. Данный акт содержит в себе решение по юридическому делу, которое сочетает в себе социологический и юридический элементы (установленные в рамках первых двух стадий процесса) и представляет собой механизм урегулирования либо разрешения конкретной юридически значимой ситуации. Именно познание и создание такого механизма (по конструированию и достижению «образа будущего» либо реконструкции и разрешению ситуации имевшей место в прошлом), составляет содержание данной стадии правоприменительного процесса.

Итак, изложенное свидетельствует, что юридическое познание в условиях правоприменительной деятельности является ее необходимым элементом и осуществляется на всех процессуальных стадиях. Основой данного познания выступает научное познание и сформированная им общетеоретическая модель правовой реальности. С методологической точки зрения особая роль в рассматриваемой деятельности принадлежит дисциплинам управленческого цикла, и, в частности, теории управления обществом и социальной инженерии.

Список использованных источников:

1. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т.2 – М.: Юрид. лит. 1982. – 360с.

УДК 342.41

Кондрашов Ю.А.
кандидат юридических наук
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
Марцинкевич В.В.
советник юстиции
Прокуратура города Пятигорска

КОНСТИТУЦИЯ РФ КАК ГАРАНТ СТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу стабильности Конституции Российской Федерации как одного из её ключевых юридических свойств. Рассматриваются особенности текстуальной и формальной стабильности различных глав Основного Закона, включая их защиту от изменений. Особое внимание уделено конституционным поправкам 2020 года, их роли в укреплении суверенитета, социальных гарантий, традиционных ценностей и исторической памяти. Авторы подчеркивают значение эволюционного развития Конституции без радикальных преобразований, а также её влияние на политическую систему и общество. В заключении делается вывод о неисчерпанном потенциале Конституции РФ и её соответствии потребностям современного государства.

Ключевые слова: Конституция РФ, стабильность, конституционные поправки, суверенитет, социальные гарантии, традиционные ценности, историческая память, эволюционное развитие, правовая система, государственное управление.

Abstract. The article analyzes the stability of the Constitution of the Russian Federation as one of its key legal attributes. It examines the textual and formal stability of different chapters of the Fundamental Law, including their protection from amendments. Special attention is given to the 2020 constitutional amendments and their role in strengthening sovereignty, social guarantees, traditional values, and historical memory. The author emphasizes the importance of the Constitution's evolutionary development without radical reforms, as well as its impact on the political system and society. In conclusion, the article highlights the untapped potential of the Russian Constitution and its alignment with the needs of the modern state.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, stability, constitutional amendments, sovereignty, social guarantees, traditional values, historical memory, evolutionary development, legal system, governance.

В доктрине конституционного права стабильность Конституции рассматривается в значении одного из важнейших ее юридических свойств или качеств.

Текстуальная стабильность Конституции РФ обеспечивается усложненной процедурой внесения изменений в Основной Закон.

При этом формальная стабильность различных конституционных положений не одинакова. Так, например, гл. 1, 2 и 9 претендуют на абсолютную неизменность (разумеется, в рамках действующей Конституции), поскольку для их изменения требуется пересмотр действующей Конституции. В отношении гл. 9 это объясняется тем, что в ней закреплен сам порядок внесения возможных изменений в текст Основного Закона. [1, с. 125]

Главы же 1 и 2, закрепляющие соответственно основы конституционного строя и конституционный перечень основных прав и свобод, содержат максимально абстрактные

предписания, которые получают свое регулятивное значение в «подконституционных» источниках права. В этой связи «абсолютная неизменность» гл. 1 и 2 не имеет особого юридического значения, поскольку их содержательные характеристики находятся вне конституционного текста.

Относительно конституционных поправок следует отметить, что они вносились в Конституцию неоднократно, однако имели лишь «косметический» характер, а именно — незначительно меняли «детали» (изменения сроков, механизма формирования органов, состава субъектов РФ, назначения должностных лиц и т. п.), не подвергая коррекции фундаментальные основы и принципы Основного Закона.

С 25 июня по 1 июля 2020 года мы участвовали в поистине историческом процессе – утверждали программу, в соответствии с которой нам нужно будет жить.

Стоит согласиться с Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным, поправки в Конституцию давно назрели, они нужны и полезны для страны, для общества и всех граждан [2].

Как мы видим, все поправки, которые были приняты и одобрены 11 марта 2020 года, направлены на то, чтобы укрепить суверенитет, традиции, ценности, стабильность – все то, что составляет основу нашей с вами жизни.

Поправками были внесено достаточно много изменений, в том числе по вопросам безопасности, суверенитета, территориальной целостности РФ, в части полномочий Президента РФ, Правительства РФ, Федерального собрания РФ, а также судебной системы и прокуратуры, в части федеративного устройства и местного самоуправления.

Однако кроме данных значимых аспектов, важнейшая, по нашему мнению, часть поправок касается социальных стандартов, которые обязательно должны быть закреплены в Конституции.

Индексация пенсий не реже одного раза в год, приравнивание МРОТ к прожиточному минимуму - теперь социальные права в государстве будет защищать Основной закон, и никто не сможет их нарушить. А в случае такого нарушения (невыплата пенсий и социальных пособий, а также их недоплата) это станет антиконституционным преступлением.

Основной закон теперь защищает исторические основы нашего государства, провозглашается, что Российская Федерация признает исторически сложившееся государственное единство, хранит память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога.

Закрепление в Конституции упоминания о Боге, считаем, очень важным, поскольку это не просто формальность, а глубоко символичный акт, отражающий саму душу русского народа. На протяжении веков вера была тем духовным стержнем, который формировал национальное самосознание, вдохновлял мыслителей, писателей и художников на создание бессмертных произведений. Религиозные мотивы звучат в творчестве Достоевского, Толстого, Рублёва — тех, кто раскрывал в своих работах незыблемые нравственные идеалы.

В нашей стране, где веками мирно сосуществуют разные конфессии, духовные ценности остаются фундаментом общественного согласия. Упоминание Бога в основном законе — это дань уважения традициям, которые объединяют народ, напоминают о высших смыслах бытия и укрепляют моральные ориентиры в современном мире.

Стоит согласиться с мнением руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной Думе РФ Сергея Неверова, о том, что упоминание Бога в Конституции не отрицает светский характер государства и не делает одну религию главнее другой [3].

Мы также должны чтить память защитников Отечества, защищать историческую правду. Этот важный момент правильно закрепился в Конституции. Ведь многие сейчас, к сожалению, извращают память о героях, пытаются менять исторические факты, что, конечно же, недопустимо. А попытки перетасовывать исторические факты стоит расценивать как злой умысел.

Разрушение памятников и захоронений защитников Отечества – это вандализм, которому нет оправдания, как абсолютно правильно недавно заметил Вячеслав Викторович Володин. Теперь же это будет требованием Основного закона нашего государства.

В центре внимания также демография нашего государства. Очень важный момент, о котором не забыли в поправках – это семья, дети, а также их духовное и нравственное воспитание.

Дети признаются важнейшим приоритетом государственной политики страны. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Полностью стоит поддержать идею понимания брака как союза мужчины и женщины. Ведь испокон веков брак воспринимался именно как союз двух разнополых людей. Об этом нам говорят традиции, история, а также религиозные нормы. С самого первого появления общества уже создавались семьи, где их главными составляющими были мужчина и женщина, основной миссией которых было рождение детей. Однополые же браки отрицают семейные ценности.

К счастью, наше общество не принимает однополые браки. Ведь разрешив их регистрацию в России, а в следствие и усыновление детей такими людьми, мы можем встать на пороге психически нездорового поколения, ведь эти дети будут тогда подвержены абсолютно разным психологическим отклонениям. Вместе с тем усыновление ребенка такими парами можно рассматривать как нарушение его конституционных прав и свобод.

Ни в коем случае мы не должны коверкать смысл и значение такой ячейки общества как семья, которая состоит из отца и матери, а не родителей под номером один и два.

Вместе с тем, если отклоняться от традиционных ценностей семьи, то это повлечет к снижению рождаемости, а соответственно к демографическому кризису, который может привести к исчезновению человечества.

Поэтому в Конституции нашей страны, правильно, были закреплены идеи защиты семьи, материнства, отцовства и детства; защиты института брака как союза мужчины и женщины; а также создавать условия для достойного воспитания детей в семье.

Запрос граждан на существенное повышение уровня и качества жизни, стабильности в государстве реализовывается, в том числе, благодаря, принятию поправок в Конституцию России.

Обновленная Конституция предоставила нам возможность для более динамичного развития нашего государства, особенно в социальной сфере.

Принятые поправки призваны сделать политическую систему РФ более сбалансированной, стабильной, с более дифференцированной системой сдержек и противовесов между ветвями власти.

Сам пересмотр Конституции, т.е. принятие нового Основного Закона, представляется нецелесообразным, поскольку глобальное преобразование текста Конституции неизбежно приведет к вопросу о легитимности фактической конституции, которая уже приобрела определенные очертания за более чем 20-летнюю историю Конституции РФ [4, с. 7].

Таким образом, оценивая 25-летний опыт функционирования Конституции России, следует констатировать, что она далеко не исчерпала свой потенциал. Будучи Конституцией, она содержит немалые резервы, которые должны быть воплощены на практике [5, с. 18].

Думается, что стабильность и эволюционное развитие, а не революционное реформирование Конституции отвечают чаяниям общества, имевшего довольно печальный опыт существования в периоды хаоса и кризисов.

Список использованных источников:

1. Савилов, Р. Конституция РФ: теория заказ и реальность / Р. Савилов, А. Каменева, О. Г. Ларина // Ценности и нормы правовой культуры в новой цифровой реальности : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященная 55 летию ЮЗГУ, Курск, 24 мая 2019 года / Юго-Западный государственный университет. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 123-127.
2. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/62964 (Дата обращения: 31.03.2025).
3. URL: http://duma.gov.ru/news/47994/ (Дата обращения: 31.03.2025).
4. Князев С. Д. Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 7.
5. Авакьян С. А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 18.

УДК 340.11

Конина Е.Н.
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов

ОБЩЕПРАВОВОЙ ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ

Аннотация. В статье исследуется сущность общеправового принципа справедливости, которая видится в способности на основе единства личных и общественных интересов разрешать социальные противоречия с помощью права. Данный принцип права отражает общесоциальную сущность права, его нацеленность на достижение компромисса между гражданином, социальными группами, государством.

Ключевые слова: принципы права, принцип справедливости, социальная справедливость, общеправовые принципы права.

Abstract. The article explores the essence of the general legal principle of justice, which is seen in the ability to resolve social contradictions through law on the basis of the unity of personal and public interests. This principle of law reflects the general social essence of law, its focus on reaching a compromise between citizens, social groups, and the state.

Key words: principles of law, principle of justice, social justice, general legal principles of law.

То, что право должно быть справедливым отмечали еще древнеримские мыслители. Это утверждение не потеряло своей актуальности и в настоящее время. Действительно, если мы будем уверены, что предписания правовых норм справедливы, честны, мы будем добровольно их соблюдать. Не будет особой нужды в принуждении, не будет конфликта с собственной совестью, который возможен, когда мы подчиняемся норме права, осознавая ее аморальность, несправедливость и т.д. Справедливость нормы права и справедливость решения, принятого на основе такой нормы – вот залог эффективности правового регулирования, укрепления режима законности.

Понятие справедливости можно отнести к одним из самых сложных, неисчерпаемых, многозначных, вечных. Вот почему его смысл пытались постичь философы, правоведы, религиозные мыслители разных временных эпох.

Самые первые представления о справедливости сформировали представители науки философии. Так, в своем учении о справедливости древнегреческий философ Платон

отмечал идентичность справедливости и законности, указывал на то, что справедливое начало лежит в основе законов и обычаев. Мыслитель оформил идею, не утратившую актуальности и настоящее время, о воздаянии равным за равное.

В правовой науке также нет общепризнанной концепции справедливости. Представители отраслевых юридических наук не сформировали единообразного понятия справедливости, отсутствует соответствующее ему определение правового принципа справедливости.

Иванова С.А. рассматривает категорию справедливости в широком и узком планах. «В широком плане справедливость является социально-философской категорией, выступая сложным феноменом или основой взаимодействия экономики, права, политики и морали, отражая многоплановость общественно-экономических связей и отношений людей. В узком плане, учитывая специфическую моральную составляющую категории «справедливость», содержащей социально-экономический, политический, правовой аспекты отношений между личностью и обществом, справедливость можно считать этической категорией» [1, с. 16].

В силу того, что однозначно сформулировать многозначное понятие справедливости не представляется возможным, закрепить понятие справедливости в юридической норме не получится.

Принцип справедливости не нашел непосредственного закрепления в нормах Конституции РФ, однако можно сделать вывод о его опосредованной фиксации в ст. 46–64 Основного Закона. Также опосредованно он зафиксирован в ряде норм международного права, например, в ст. 10 Всеобщей декларации прав человека зафиксировано право человека на разбирательство его дела независимым, беспристрастным судом с учетом требований справедливости

Так как это предписание отражает общепризнанные нормы и принципы международного права, его можно рассматривать в качестве юридического основания реализации рассматриваемого принципа в нормах внутригосударственного права.

«Сущность правового принципа справедливости составляет его способность разрешать социальные противоречия с помощью права» [2, с. 7]. Противоречия между участниками общественных отношений разрешаются на основе единства индивидуальных, групповых и общественных интересов.

Данный принцип права как нельзя лучше отражает общесоциальную сущность права, его нацеленность на достижение компромисса между гражданином, социальными группами, государством. Характер общественных отношений, на которые распространяет своё действие принцип справедливости, а также социальная направленность правовых предписаний, регулирующих данные отношения, определяют содержание принципа справедливости.

Действительно, специфика имущественных отношений, семейных отношений, трудовых отношений и др. обусловливает различные содержания данного принципа. Посредством прав и обязанностей субъектов общественных отношений, норма права закрепляет меру справедливости, которая определяет качественное своеобразие принципа справедливости. Мера справедливости позволяет участникам общественных отношений соизмерять свои поступки со своими интересами, с интересами других лиц, социальных групп, общества в целом, позволяет обеспечить единство данных интересов.

Как полагает Юнусов С.А. «Структурными элементами правового принципа справедливости являются: участники формируемых им общественных отношений (субъекты конкретного общественного отношения и государство); условия, в которых они находятся (условия могут выражаться в виде не только обстоятельств общественной жизни, но и существующих правовых требований – неприкосновенности собственности, неуклонного соблюдения законности и т. п.); носящие правовой характер функциональные связи между участниками общественных отношений (функциональные связи субъектов общественных отношений в форме взаимных прав и обязанностей и функциональная связь

государства с ними в форме требований правовых норм, регулирующих конкретные общественные отношения)» [3, с. 28].

Принцип справедливости, так или иначе, получил юридическое воплощение в нормах всех отраслей российского права, конкретизируя его требования с учётом специфики предмета правового регулирования каждой отрасли.

Так, справедливость выражается в нормативных предписаниях конституционного, административного права, разрешающих противоречия, имеющие место при наделении участников правовых отношений социальными функциями. Нормы Конституции РФ, определяющие компетенцию главы государства, палат Федерального собрания Российской Федерации, исходят из учёта интересов различных участников общественных отношений.

Возможны социальные противоречия при распределении нематериальных, духовных благ. На справедливое разрешение этих противоречий нацелен ряд нормативных предписаний конституционного права, гарантирующих равенство прав граждан на объединение (ст. 30 Конституции РФ), на участие в управлении делами государства (ст. 32 Конституции РФ), на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (ст.33 Конституции РФ), гарантирующих равенство свободы совести и свободы вероисповедания (ст. 28 Конституции РФ), свободы мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ) и пр. Нормы семейного права фиксируют равенство прав и обязанностей родителей по воспитанию ребенка, общению с ребенком.

Важна для общества и справедливость при распределении имущественных благ. Её достичь можно, в частности, путём сбалансированности интересов субъектов договорных отношений, обеспечивающей эквивалентность материальных благ последних. Такая справедливость получила воплощение в нормах гражданского права, регламентирующих куплю-продажу (гл. 30 ГК РФ), мену (гл. 31 ГК РФ), аренду (гл. 34 ГК РФ), наём жилого помещения (гл. 35 ГК РФ), подряд (гл. 37 ГК РФ), перевозку (гл. 40 ГК РФ) и др.

Принцип справедливости находит воплощение в нормативных предписаниях, регламентирующих различные обременения. Мера справедливости усматривается в уголовно-процессуальной норме, согласно которой «Бремя доказывания обвинения и опровержение доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения» (ч. 2 ст. 14 УПК РФ).

Справедливость предполагает «соразмерность между деянием и воздаянием, между заслуженным поведением и поощрением, между преступлением и наказанием и т.п.» [4, с. 83]. Справедливым будет поощрение за социально полезное, заслуженное поведение и справедливо назначить наказание за социально вредные, общественно опасные деяния. «Работодатель поощряет работников, добросовестно исполняющих трудовые обязанности» (ст. 91 ТК РФ), «лицо, объявившее публично о выплате денежного вознаграждения или выдачи иной награды (о выплате награды) тому, кто совершит указанное в объявлении правомерное действие в указанный в нём срок, обязано выплатить обещанную награду любому, кто совершил соответствующие деяния» (ч. 1 ст. 1055 ГК РФ).

Законодатель стимулирует в ст. 31 УК РФ добровольный отказ от преступления. Справедливость усматривается в равенстве возможностей субъектов общественных отношений на освобождение от уголовной ответственности и от наказания при наличии оснований, указанных в главах 11, 12 УК РФ.

Согласно ст. 43 УК РФ «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости…», это цель связана с принципом справедливости, нашедшим закрепления в ст. 6 УК РФ: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельством его совершения и личности виновного».

Мера справедливости выражается в индивидуальном подходе к назначению наказания, в соответствии тяжести наказания причинённому преступником вреду охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

В нормах административного права и ряде норм других отраслей права можно найти подтверждение справедливости целей и задач юридической ответственности.

Итак, общее правовой принцип справедливости тесно связан с иными принципами права, дополняя и развивая их, определяя пределы их действия, ориентируя на такие морально-правовые ценности, как честность, уважение, справедливость.

Список использованных источников:

1. Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дисс. ...д-ра юрид. наук: 12.00.01, 12.00.03. – Владимир, 2006. – 45 с.

2. Филимонов В. Д. Справедливость как принцип права // Гос-во и право. 2009. № 9.

3. Юнусов С.А. Принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве: вопросы теории: дисс. … канд. юрид. наук.– Рязань, 2014.– 221 с.

4. Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М. 2004. – 245 с.

УДК 342.7

Морозов А.А.
кандидат юридических наук
Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВА НА БЕСПЛАТНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые положения законодательства, регламентирующего право граждан на бесплатную юридическую помощь в Российской Федерации в ключе его исторического развития. Отмечается, что систематизированный характер правового регулирования представляет существенную основу в формировании права человека на бесплатную юридическую помощь как элемента социального государства.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, права и интересы граждан, социальная поддержка, присяжные поверенные.

Abstract. The article examines the key provisions of the legislation regulating the right of citizens to free legal assistance in the Russian Federation at the stage of its historical development. It is noted that the systematized nature of legal regulation represents an essential basis in the formation of the right of society to free legal assistance.

Keywords: free legal assistance, rights and interests of citizens, social support, attorneys at law.

В настоящее время, государство реализуется стратегия по созданию благоприятных условий для достойной жизни и свободного развития личности (статья 7 Конституции РФ). Важным инструментом для достижения этой цели, характерным для социального государства, является система бесплатной юридической помощи. Она представляет собой форму социальной поддержки, направленную на защиту прав и интересов граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, в частности, малоимущих и социально уязвимых слоев населения [1, с. 62].

Закрепление в Конституции РФ права на бесплатную юридическую помощь явилось закономерным этапом становления и законодательного развития этого института. Его история тесно связана с развитием судебной системы, когда защита прав и интересов граждан, особенно нуждающихся в юридической поддержке, стала приоритетом. Судебная

реформа 1864 года послужила началом законодательного закрепления права граждан на бесплатную юридическую помощь [2, с. 38].

Ранее, в сборниках правовых актов XVI-XVII веков упоминалось, что наемные поверенные оказывали юридическую помощь лицам, чьи права были нарушены. При этом не было уточнено, предоставлялась ли эта помощь бесплатно или на платной основе [3, с. 33]. Впоследствии, функции правозаступничества и юридической помощи нормативно закреплялись за институтом присяжных поверенных. Так, к правам и обязанностям поверенного относились ведение дел тяжущихся лиц, не имеющих возможности отстаивать свои права самостоятельно. Как разъясняет судебное установление, присяжный выполнял функцию представителя граждан на безвозмездной основе [4]. При этом запрещалось отказываться от исполнения поручения без достаточных на то причин.

Со временем роль защиты прав и оказания юридической помощи официально закрепили за присяжными поверенными. В их обязанности входило представлять интересы тех, кто не мог самостоятельно защитить свои права в суде. Согласно судебным решениям, присяжные поверенные выполняли эту функцию представительства бесплатно. Более того, они не имели права отказываться от выполнения поручения, если на то не было веских оснований [5].

В положении, регламентирующем деятельность коллегий защитников, бесплатная юридическая помощь определялась как помощь, предоставляемая нуждающимся гражданам по решению суда. Президиум коллегии отвечал за организацию назначения бесплатных защитников для тех, кого народный суд признавал неимущими. Важно отметить, что в советское время оплату труда адвокатов, оказывающих бесплатную помощь, брало на себя государство. В отличие от этого, до революции присяжные поверенные сами несли расходы на юридическую помощь, формируя для этого специальный фонд [6, с. 84].

В более поздних советских нормативных актах, касающихся работы судов и адвокатуры, вопрос о бесплатной юридической помощи не был урегулирован.

С принятием Конституции СССР 1977 года юридическая помощь значительно укрепила свои позиции, став более профессиональной и значимой. В некоторых ситуациях адвокаты оказывали помощь бесплатно [7]. Законодательство четко определяло права юристов и категории граждан, имеющих право на такую помощь. В зависимости от финансового положения человека, принималось решение о полном или частичном освобождении от оплаты юридических услуг. В таких случаях расходы на оплату труда адвокатов полностью покрывались государством.

В 90-е годы XX века российское законодательство претерпело значительные перемены. В условиях масштабных преобразований в стране возникла необходимость в четком правовом регулировании бесплатной юридической помощи. Конституция 1993 года, гарантировавшая право на юридическую помощь (статья 48), стала отправной точкой для разработки более детальных норм, касающихся оказания бесплатной правовой поддержки гражданам. Доступ к юридической помощи квалифицированных адвокатов становится шире. В приоритетном порядке этой помощью смогут воспользоваться социально уязвимые группы населения, ветераны Великой Отечественной войны, несовершеннолетние, находящиеся в специализированных учреждениях, и другие категории граждан [8, с. 120]. Кроме того, устанавливается особый порядок оплаты услуг адвокатов, а также перечень документов, необходимых для получения бесплатной юридической помощи в регионах страны.

Так, например, в законодательстве Санкт-Петербурга, как пример, определен четкий порядок действий для граждан, желающих получить юридическую помощь. Этот порядок включает в себя: правила подачи заявлений, перечень необходимых документов, категории граждан, имеющих право на бесплатную помощь, и механизм оплаты услуг адвоката [9, с. 324]. Важно отметить, что в других регионах России условия предоставления бесплатной юридической помощи могут незначительно отличаться.

Лишь с принятием Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» система предоставления юридической помощи приобрела четкую организационную и правовую структуру [10]. В настоящее время существуют две основные системы оказания бесплатной юридической помощи: государственная и негосударственная. Наблюдается расширение круга организаций, участвующих в предоставлении бесплатной юридической помощи. Законодатель существенно увеличил перечень граждан, которым полагается бесплатная юридическая помощь. В эту категорию входят те, кто особенно нуждается в поддержке: люди с инвалидностью, пенсионеры, сироты, пострадавшие от стихийных бедствий и другие уязвимые группы. Кроме того, большое значение придается распространению информации о возможности получения бесплатной юридической помощи и повышению правовой грамотности населения в целом.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что постепенное формирование законодательства о бесплатной юридической помощи привело к созданию прочной основы для этой сферы. Теперь любой человек может получить профессиональную юридическую помощь для защиты своих прав. Консультации помогают разобраться в ситуации и понять, какие шаги предпринять для достижения успеха. Дальнейшее развитие законодательства позволит улучшить качество бесплатной юридической помощи, регулируя противоречащие аспекты.

Список использованных источников:

1. Морозов А. А. Правовая природа преимущественных прав в корпоративных отношениях / А. А. Морозов // Право и политика. – 2024. – № 4. – С. 61-68.
2. Полковникова В. С., Насанов А. У. Становление и развитие института оказания бесплатной юридической помощи в России. Современные проблемы и пути их решения // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – Т. 6. – №1. – С. 38-42.
3. Астапова Е.А. Формирование системы квалифицированной юридической помощи в России // Юристъ-Правоведъ. – 2016. – № 6 (79). – С. 33-39.
4. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». – URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/ (дата обращения: 27.03.2025 г.).
5. Положение о коллегии защитников (утв. Наркомюстом РСФСР 05.07.1922) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/(дата обращения: 27.03.2025 г.).
6. Яртых И.С. Бесплатная юридическая помощь: история, мифы и реальность // Актуальные проблемы российского права. – 2015. –№ 12 (61). – С. 81-86.
7. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик
(принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». – URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 27.03.2025 г.).
8. Морозов А. А. Гражданско-правовое регулирование механизма защиты прав предпринимателей в саморегулируемых организациях в сфере строительства / А. А. Морозов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 11-2(37). – С. 120-122.
9. Морозов А. А. К вопросу о заключении гражданами договора об оказание юридических услуг по представлению их интересов в гражданском судопроизводстве по искам о взыскании ущерба причиненного экологическим правонарушением / А. А. Морозов // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 33. – С. 324-326.

10. Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 324-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887/(дата обращения: 27.03.2025 г.).

УДК 340.114.5

Осипов Р.А.
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов

ДЕСТРУКТИВНАЯ ПРАВОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Аннотация. Исследуется феномен деструктивной правовой информации в современном мире, разрушительный характер ее влияния на правовое сознание и правовую культуру населения. Также, автором проводится анализ различных виды юридической ответственности, установленных за распространение деструктивной правовой информации.

Ключевые слова: деструктивная правовая информация, правовая информация, информация, деструктивное воздействие, правовая культура, правовое сознание, правовое воспитание.

Abstract. The article examines the phenomenon of destructive legal information in the modern world, the destructive nature of its influence on the legal consciousness and legal culture of the population. The author also analyzes the various types of legal liability established for the dissemination of destructive legal information.

Keywords: destructive legal information, legal information, information, destructive impact, legal culture, legal awareness, legal education.

В современном мире, где каждого человека окружает глобальная сеть «Интернет», сложно не столкнуться с деструктивной информацией. Практически на каждом Интернет-ресурсе находятся такие факты, которые не являются правдивыми, не соответствующими действительности, одной из функцией которых является зачастую распространение или даже навязывание ценности деструктивного, разрушительного характера для правового сознания личности. Важно понимать, что такие данные распространяют люди, преследующие различные цели и, руководствующиеся зачастую неблаговидными мотивами. По вопросу дефинирования деструктивной информации в современной отечественной юридической науке существует несколько подходов, рассмотрим наиболее популярные из них.

К деструктивной правовой информации относятся материалы, в которых содержится чуждые для общества ценности, в которых отражена идеология саморазрушения. Зачастую распространение данных сведений осуществляется в форме пропаганды нетрадиционной семьи, различных видов общественно вредных идеологий, таких как чайлдфри, готы, эмо, а также концепций, связанных с мазохизмом, суицидальным поведением, и другими чуждыми замыслами, в том числе сопровождаемыми совершением преступных деяний. Ярким и широко распространенным примером популяризации таких материалов можно назвать творчество современных исполнителей различных музыкальных жанров, которые в своих «хитах» поют о том, как «престижно» употреблять наркотики и вести безнравственный образ жизни. Безусловно, что с такими проявлениями необходимо бороться правовыми средствами.

В.Н. Лопатин относительно понимания дефиниции деструктивной правовой информации дает ей следующую характеристику: «это информация, не являющаяся конфиденциальной, но обуславливающая необходимость охраны и защиты прав и законных интересов личности, общества и государства в силу возможного вреда, который нанесет этим субъектам ее распространение (применение)» [1, с. 574]. Безусловно, в данном подходе точно указано то, для каких сфер опасна деструктивная информация. Обратимся к дефинициям деструктивной информации, которая содержится говориться в нормативно правовых актах.

Так, например, в Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» нет дефиниции «деструктивная информация», однако есть определение информации, распространяемой с нарушением закона, под ней понимается следующее: «информация, содержащая призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка. Ложные сообщения об актах терроризма и иная недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан и др.». Распространяемая под видом достоверных сообщений недостоверная информация, содержащая данные об использовании ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан [2, с. 357]. Информация, содержащая предложение о финансировании противника в условиях вооруженного конфликта, военных действий, контртеррористической операции или иных действий с применением вооруженной и военной техники. Информация, содержащая призывы к введению в отношении РФ, ее граждан либо российских юридических лиц политических, экономических и (или) иных санкций; Информация, содержащая сведения, распространение которых ограничено актами Президента РФ; Информация, содержащая обоснование и оправдание осуществления экстремистской деятельности, включая террористическую деятельность» [3, с. 52]. Таким образом, можно, констатировать, что такого рода сведения имеют различные объекты и направления воздействия, но, все они в конечном итоге связаны с распространением ложных фактов, а также носят очевидный деструктивный характер. В последние годы стала прослеживаться, и позитивная тенденция в сфере борьбы с деструктивной правовой информацией выраженная в первую очередь в «повышении уровня внимания» со стороны компетентных органов публичной власти и иных институтов гражданского общества.

Свидетельством этого может служить Указ Президента РФ № 809, изданный 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В данном подзаконном нормативном акте акцентируется внимание на повышенной опасности деструктивной идеологии, в которую как раз и входит анализируемый вид информации. В указе, деструктивная идеология дефинируется как: «разрушительная для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений».

В более глубокого понимания сущности и специфики деструктивной правовой необходимо иметь представление о разновидностях деструктивной правовой информации. Практическая эффективность указанного понимания будет выражаться в насущной необходимости построения системы грамотного противодействия распространению деструктивной правовой информации.

Понимая опасность и потенциальный уровень распространения такой информации, логично проанализировать действующее законодательство Российской Федерации на

предмет закрепления в нем юридической ответственности за действия явно противного характера.

Так в Кодексе РФ об административных правонарушениях содержится статья 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации». В данную статью 8 августа 2024 года было внесено изменение, которое заключалось в добавлении части 12, содержание которой связано с распространением деструктивной информации. Наиболее интересна для анализа диспозиция данной нормы: «Распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния». Анализируя о санкцию этой нормы, стоит заметить, что размер штрафа достаточно крупный, а значит, что законодатель оценивает это правонарушение, как имеющее высокую степень общественной опасности.

Обращает на себя внимание тот факт, что в данной статье есть отсылка на уголовное законодательство. В таком случае возникает вопрос, есть ли в действующей редакции УК РФ норма, которая регулирует общественные отношения, связанные с распространением деструктивной информации в сети «Интернет». Рассмотрим этот момент подробнее. На официальном сайте Президента Российской Федерации в августе 2024 года появилась новость о внесении изменений в уголовное законодательство, целью которого, как указано в справке Государственно-правового управления является: «Противодействие распространению в информационном пространстве деструктивного контента в виде так называемых треш-стримов». С принятием данной поправки ведение такого рода «стримов» стало отягчающим обстоятельством по десяти составам преступлений, в том числе за убийство и причинение вреда здоровью разной степени тяжести, а также за побои, истязание, похищение человека и использование рабского труда.

Бесспорно, такое нововведение необходимо учитывая тенденции развития и потребности современного общества, поскольку различные блогеры начинают зарабатывать на таких видео деньги, а самое ужасное в распространении подобных материалов в том, что их смотрят несовершеннолетние, влияние на психику и поведение, которых максимально деструктивно, что в дальнейшем может привести к росту уровня совершения правонарушений.

Помимо названных видов ответственности, в Федеральном законе № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» упоминается и наступление гражданско-правовой ответственности, за осуществление осуществлении исполнения требования лица, интересы которого были нарушены, касаемо вопросов возмещения убытков, компенсации морального вреда, защиты чести, а также достоинства и деловой репутации. Но стоит отметить, что данный факт попадает под общие нормы гражданских правоотношений и отдельного состава правонарушения касаемо распространения такой информации на данном этапе развития законодательства еще не существует.

Подводя некоторые итоги, важно отметить, что законодатель серьезно воспринимает опасность деструктивной правовой информации и ее разрешительный характер для государства и современного социума.

Список использованных источников:

1. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: учебник / под ред. Б.Н. Топорнина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 789 с.

2. Осинцев Д.В. Административная ответственность за дискредитацию деятельности органов государственной власти / Д.В. Осинцев // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 355-366.

3. Чурилов, А.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», постатейный / А.Ю. Чурилов. М.: Юстицинформ, 2024. 404 с.

УДК 340.5

Пашнева В.А.
кандидат юридических наук, доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИЧНОГО СТАТУСА ГРАЖДАН В АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЕГИПЕТ

Аннотация. Проводится анализ аспектов правового регулирования личного статуса граждан (мусульман/немусульман) в АРЕ. Указаны противоречия в регулировании личного статуса мусульман и христиан – граждан АРЕ

Ключевые слова: личный статус, копты, ислам, брак, развод, опека над детьми.

Annotation. The aspects of legal regulation of personal status of citizens (Muslims/non-Muslims) in AER are analyzed. Contradictions in regulation of personal status of Muslims and Christians - citizens of AER are indicated

Keywords: personal status, Copts, Islam, marriage, divorce, child custody.

Арабская Республика Египет являясь демократическим унитарным государством со смешанной формой правления, основной религией – ислам, стоит на пути непрерывного развития прав и свобод человека и гражданина.

Получив правовую систему, сформировавшуюся в XIX-XX в результате взаимодействия мусульманского и европейского права, в которой долгий период времени безраздельно господствовало мусульманское право, постепенно уступая позиции европейскому праву, при этом, мусульманское право сохранило монополию исключительного регулирования в вопросах регламентации правового статуса личности.

Изучение процесса эволюции правового статуса личности в странах Ближнего Востока является актуальным на современном этапе. Данная проблематика освещалась такими исследователями, как Турк С.Н., Шайдуллина Л.И. и др.

Население современного Египта состоит в основном из мусульман и немусульман. Частью немусульманского населения являются копты.

Ко́пты, этноконфессиональная группа арабоязычных египетских христиан, потомков населения Древнего Египта. По наиболее распространённой версии, термин «копты» происходит от греческого названия Египта и его обитателей – Αἴγυπτος, Αἰγύπτιοι (Aigyptos, Aigyptioi) [1].

Со 2-й половины XX в доля коптов в населении Египта неуклонно сокращалась по причине более высокой рождаемости у мусульман. В 1960 г. коптов насчитывалось 1,9 млн (7,3 % населения), в 1986 г. – 3 млн (6 %). По оценке на 2013 г., численность коптов достигала 4,3 млн (5 %). Около 2/3 общины проживали в Верхнем Египте (наибольшая концентрация в мухафазах Асьют и Эль-Минья, 18–20 % от всего населения), 22 % – в Каире, 7 % – в Александрии. С эпохи Г. А. Насера началась массовая эмиграция коптов за рубеж, где возникли коптские епархии и монастыри, в частности в США и Австралии.

Численность коптской диаспоры оценивается в 1 млн человек. Со времен Средневековья наблюдается устойчивый переход коптов в ислам, что объясняется опасением за жизнь своих семей. В целом процессы эмиграции и исламизации значительно

усилились на фоне межрелигиозных конфликтов в годы «арабской весны» и правления исламистов в Египте (2011–2013) [1].

Однако есть одна интересная деталь, общавшиеся с коптами россияне фиксировали, что: у многих египетских христиан на руке есть татуировка в виде небольшого креста. По словам самих коптов, они делают ее для того, чтобы в случае гибели - например, в ДТП - их тела были погребены в соответствии с христианской традицией, а не с мусульманской [2].

Исторически, коптское законодательство о личном статусе было ограничено религиозными установлениями. Регулирование семейных правоотношений христианских семей в Египте до настоящего времени сталкивалось с различными противоречиями. К примеру, бракоразводные процессы, осуществленный гражданским судом не находили своего подтверждения в церковных органах, в следствии чего создавалась ситуация правовой неопределённости, в которой оказывались десятки тысяч людей. С 1971 года церковь разрешала развод только в случае измены или перехода одного из супругов в другую религию, что приводило к многочисленным судебным разбирательствам и общественным спорам.

В феврале 2021 года кабинет министров АРЕ внес в парламент законопроект «Об установлении кодекса личного статуса», но документ попал под волну критики поскольку был воспринят, как «откат назад от прогресса в области развития прав женщин».

21 марта 2023 года Министерство юстиции Египта объявило о завершении работы над вторым измененным законопроектом, который был повторно внесен на обсуждение Палаты представителей в сентябре 2023 года.

Однако, 3 октября 2024 года, во время открытия второго законодательного срока Палаты представителей, кабинет министров Египта потребовал отозвать 17 законопроектов, и в первую очередь вышеуказанный кодекс личного статуса, который пересмотрит законы Египта о личном статусе, регулирующие брак, развод, вопросы опеки над детьми и др. вопросы, связанные с вышеперечисленными.

Одна из точек зрения, объясняющая отзыв законопроекта о личном статусе принадлежит христианскому члену комитета по законодательным и конституционным вопросам Палаты представителей И.Рамзи. Свою позицию он обосновал тем, что в законопроект было включено множество статей, которые считались несовместимыми с текущими социальными изменениями в Египте и отзыв законопроекта необходим для того, чтобы разработать новый проект, который поможет решить вопросы семейного права как для христиан, так и для мусульман в Египте, учитывая ряд особенностей конфессионального различия.

Так же Рамзи считает, что действующие законы о личном статусе играют ключевую роль в жизни египтян, оказывая прямое влияние на стабильность египетской семьи, однако не решают многие семейные проблемы, особенно те, которые связаны с разводом, опекой и алиментами.

Иное мнение было высказано членом Законодательного и Конституционного комитета, главой парламентского блока партии Тагамуа Атеф Эль-Магаври который подтвердил, что законопроект о кодексе личного статуса был приостановлен из-за возражений, выдвинутых различными субъектами, в том числе Исламским религиозным учреждением Аль-Азхар, крупнейшей религиозной организацией Египта. Эль-Магаври указал, что одним из основных вопросов, вызывающих обеспокоенность членов Палаты представителей, является статья 36 законопроекта, касающаяся развода.

Вышеуказанная статья закона требует, чтобы развод между мужем и женой был зарегистрирован в письменной форме (для фиксации эффективности развода) и лишает законной силы разводы, осуществленные в устной форме. Дополнительно законопроект предоставляет жене при расторжении брака долю денег мужа, полученных в браке. Президент АРЕ Ас-Сиси, высказывается положительно и считает законопроект

современной законодательной базой для регулирования разводов и других аспектов семейного права.

В свою очередь Исламское учреждение Аль-Азхар возражает против предлагаемого положения о разводе, мотивируя тем, что исламское законодательство допускает словесный развод между мужем и женой и не требует письменного развода. Свои утверждения Великий муфтий Республики Шауки Аллам подтвердил ссылкой на существующую практику бракоразводных дел отметив, что Дар аль-Ифтаа, официальное исламское учреждение, ответственное за издание религиозных указов в Египте, за последние 5 лет издало 300 000 фетв о разводе. Из этих 300 000 фетв только две призвали документировать развод в письменной форме [3].

В заключении можно сделать выводы, что регулирование прав граждан в АРЕ совершенствуется и выходит на новый уровень, затрагивая все более узкие и важные вопросы. Такой подход позволит устранить различные противоречия и устанавливает более универсальные правила.

Список использованных источников:

1. Панченко К.А. Копты. Этноконфессиональные группы //Большая российская энциклопедия URL: https://bigenc.ru/c/kopty-c1d525 (дата обращения: 28.02.2025).
2. Конституционное право зарубежных стран//Правовые системы мира//Арабская Республика Египет. – С. 45 URL: http://radnuk.info/pidrychnuku/konst-zar/449-sustema-mur/7024-2010-08-26-19-01-06.html (дата обращения: 28.02.2025).
3. В Египте принят новый закон о личном статусе христиан//Global Orthodox, 16.12.2024 URL: https://gorthodox.com/news-item/v-egipte-prinyat-novyj-zakon-o-lichnom-statuse-hristian (дата обращения: 28.02.2025).
4. Egypt: New Amendments Regulating Child Custody and Alimony Proposed// Law Library of Congress. August 10, 2023 URL: https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2023-08-09/egypt-new-amendments-regulating-child-custody-and-alimony-proposed/ (дата обращения: 28.02.2025).

УДК 342.5

Пискунова О.В.
кандидат юридических наук
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты взаимодействия власти и медиа в современной России. Выявлены основные механизмы государственного влияния на СМИ и главные каналы распространения массовой информации общественно-политического характера.
Ключевые слова: государство, средства массовой информации, механизм взаимодействия.
Annotation. The article examines the main aspects of the interaction between government and the media in modern Russia. The main mechanisms of state influence on the media and the main channels of dissemination of mass information of a socio-political nature are identified.
Keywords: state, mass media, mechanism of interaction.

Публичная сфера позволяет определить пути развития общества и оказывать воздействие на государственную политику, посредством прессы (а позднее и иные СМИ: телевидение, радио и т.д.). Реализуя указанную задачу, медиа выступает своего рода защитником и представителем интересов населения перед лицом власти. При этом реализация проходит сразу в двух формах: создание свободного пространства выражения мнения и доведение созданного мнения до власти. Такое взаимодействие общества и государств значительным образом влияет на все социальное пространство и способствует появлению и развитию гражданского общества.

Посредством СМИ создается информационное пространство – информационный аналог действительности, существующий параллельно с нею. Оно определяет мнение, взгляды и позиции населения, относительно тех или иных вопросов, что наиболее ярко проявляется в политической среде.

Масс-медиа, выступая посредником, организует канал связи, и любые искажения информации в нем значительным образом влияют на решения, принимаемые обеими сторонами.

Таким образом, функция СМИ по созданию информации и по расстановке приоритетов имеет существенное, а порой и подавляющее значение для освещения вопросов политической деятельности и их разрешения. Руководствуясь информацией, полученной из масс-медиа, население принимает общественно значимые решения, нередко информация из СМИ преобладает даже над собственным опытом граждан.

С помощью масс-медиа осуществляется воздействие на общественное сознание, способное побудить население на совершение определенных действий, например, на сегодняшний день информация о различного рода пикетах, митингах и иных демонстрациях, пропаганда экстремизма и терроризма распространяется через СМИ или иные информационно-телекоммуникационные ресурсы.

Неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка, обусловленная пандемией COVID-19 [1], вызвала резкое увеличение информационных потоков, к которым государство оказалось не готово. Недостоверная информация начала распространяться в колоссальных масштабах и с большой скоростью, что посягало не только на интересы государства (например, о несостоятельности его аппарата), но и общества (призывы к игнорированию требований безопасности).

Указанный пример демонстрирует, как, выходя из-под контроля, СМИ начинают вредить обеим сторонам взаимодействия. Это вызвало потребность ограничения оборота информации и ограждения социума от недостоверных сведений.

Ключевым направлением воздействия государства на масс-медиа выступает нормативное регулирование (а равно правовое обеспечение). Государство может принимать нормативные правовые акты, которые определяют: положение СМИ в России; содержание правового статуса лиц, участвующих в обороте массовой информации; механизмы функционирования масс-медиа; аспекты обращения массовой информации (ограничения, пределы и пр.) и т.д. В этой связи нельзя не указать на мнение А.С. Прудникова и Ш.М. Нурадинова, которые пишут, что «главной целью установления запретов и ограничений служит недопустимость злоупотребления свободой мысли и слова» [2, с. 10].

Анализ современных представлений о категории «власть» приводит к выводу о том, что основным ее аспектом выступает коммуникация, по этой причине масс-медиа занимают ключевую позицию в отношениях «власть – общество». СМИ – это механизм взаимодействия народа и власти, позволяющий мобилизовать необходимые ресурсы. Накладывая эту концепцию на отечественные реалии, важно указать, что в нашем государстве, сравнительно недавно (исходя из исторических мерок) освободившемся от монополии медиа ресурсы, современные российские СМИ нередко позиционируют себя «совестью нации». Это обстоятельство связано сразу с несколькими явлениями: во-первых, СМИ (как и отдельной личности) свойственно подчеркивание собственной значимости, а

также стремления казаться больше и лучше, чем есть в действительности, во-вторых, при неразвитости гражданского общества и его институтов население склонно перекладывать ответственность за контроль над политической сферой на СМИ [3, с. 101].

Подводя итоги, можно выделить такие аспекты соотношения СМИ и государства как:

- создание посредством масс-медиа информационного канала, обеспечивающего взаимодействие государства и общества;
- формирование новой политической реальности, основанной на визуализации политических процессов;
- формирование общественного мнения;
- манипулирование вниманием населения (смещение акцентов, искоренение противоположных подходов и т. д.);
- средство взаимного контроля общества и государства;
- выражение мнения общества.

Необходимо указать, что данные аспекты взаимодействия СМИ и государства учитывают вопросы как внешней, так и внутренней политики. Так, одно государство посредством новостей может сформировать негативное отношение населения по отношению к другому государству, при этом не имеет значения: идет процесс настраивания своих граждан или нет.

Взаимоотношение государства и СМИ следует рассматривать на двух уровнях: внутригосударственном и надгосударственном.

СМИ с точки зрения теории выступает не просто посредником между государством и обществом, но и областью их общения и инструментом взаимовлияния. Однако на сегодняшний день политический режим России не позволяет масс-медиа в полной мере реализовать весь спектр, заложенных в них возможностей.

В целом, развитие и осуществление взаимодействия СМИ и государства в Российской Федерации подчинено общим теориям прессы, выдвинутым американскими социологами. Вместе с тем данные теории не охватывают последнего этапа их взаимодействия, что во многом обусловлено расширением сферы функционирования масс-медиа, появлением новых форм СМИ и изменением политической обстановки.

Следует отметить, что основы взаимодействия государства и СМИ, установленные в действующей Конституции Российской Федерации (статья 29) и выраженные в закреплении необходимо комплекса прав, ориентированы на построение демократического, правового государства, что можно считать существенным прорывом.

В настоящее время средства массовой информации играют важную роль в коммуникации государства и общества. Они выступают эффективным рычагом воздействия на сознание человека, что особенно сильно проявляется в условиях цифровизации общественных отношений.

Принятие значительной части политических решений во многом зависит от информационной сферы. СМИ выполняют значимую для общества и государства функцию обеспечения канала взаимодействия: общество доносит свое мнение до государства с помощью СМИ и, наоборот, государство отчитывается перед обществом, а также передает иную социально-значимую информацию с использованием масс-медиа. Крайне важно, чтобы соответствующий канал работал без перебоев, передавая действительную волю народа и отражая объективные действия органов публичной власти.

Демократическое государство, на создание которого ориентировано Российская Федерация, должно выступать, прежде всего, гарантом получения каждым его гражданином интересующей и объективной информации открытого характера. Поэтому необходимо создать определенные условия доступа к такой информации, а понимание необходимости развития и совершенствование информационной базы, должно быть включено в систему не только общественных, но и индивидуальных интересов.

Список использованных источников:

1. Заявление по итогам второго совещания Комитета по чрезвычайной ситуации в соответствии с Международными медико-санитарными правилами, в связи со вспышкой заболевания, вызванного новым коронавирусом 2019 г. (nCoV) // Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru/news/item/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-(2019-ncov) (дата обращения: 15.03.2025).
2. Прудников А.С., Нурадинов Ш.М. Конституционно-правовое регулирование средств массовой информации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2014. № 4. С. 9-11.
3. Черных А.И. Реальность «Четвертой власти» // Социологический журнал. 2008. №1. С. 100-125.

УДК 340

Нор К.Е.
старший преподаватель
Юридический институт
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»,
г. Красноярск

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ РАЗВИТИЯ В БУДУЩЕМ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ современного состояния юридической науки в Российской Федерации, изучаются ее особенности и тенденции развития. Автором рассмотрено влияние цифровизации на развитие юридической науки, проанализированы проблемы, которые не позволяют прогрессивно развиваться юридической науки. Автором предлагаются рекомендации по совершенствованию научной политики в данном вопросе.

Ключевые слова: юридическая наука, цифровизация, юридическое образование, перспективы развития, методология, правовая система.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the current state of legal science in the Russian Federation, examines its features and development trends. The author examines the impact of digitalization on the development of legal science, analyzes the problems that prevent the progressive development of legal science. The author offers recommendations for improving scientific policy on this issue.

Keywords: legal science, digitalization, legal education, development prospects, methodology, legal system.

В современное время юридическая наука представляет собой систему знаний о праве и государстве, это отрасль общественных и гуманитарных наук, которая изучает конкретную сферу деятельности человека, неразрывно связанную с правовым регулированием общественных отношений. История возникновения и формирования юридической науки многолетняя, существует немало точек зрения о тои, что же все-таки представляет из себя юридическая наука.

Первые рассуждения о юридической науке появились еще в Древней Греции и в последующем мысли Аристотеля, Платона и других философов стали фундаментом для развития правовой основы государства. Тогда уделялось большое внимание ценностям,

справедливости, общему благу людей. В Древнем Риме правоведы и римские юристы перешли от теоретических вопросов к практическому применению, они изучали и составляли юридические документы, ключевым вкладом в юридическую науку стала кодификация Юстиниана, поскольку она отличалась от предыдущих кодификаций тем, что в ней было намного больше источников, тщательная обработка избранных текстов. Римские юристы внесли большой вклад в юриспруденцию, они обосновали такие важные аспекты как равенство, всеобщность, единство законов. Последующее многовековое развитие юридической науки характеризуются значительными изменениями и достижениями, например, в Средневековье (5-15 века) появились глоссаторы, возникли первые школы для юристов-комментаторов права. В Новое время (16-19 века) сформировалась национальная правовая система, стали развиваться естественно-правовые теории, также эти века характеризуются появлением позитивизма в праве, что немало важно для стран [4, с. 25].

Юридическая наука, как уже говорилось выше совершенствуется несколько столетий, благодаря этому, в настоящее время общество живет в правовом государстве, где у каждого есть свои права и обязанности, где законы принимаются в установленном порядке, где каждый несет ответственность за несоблюдение законов. Юридическая наука прошла немалый путь и достигла новейшего состояния, однако безусловно на ее пути встречались проблемы, которые не давали полноценно развиваться, так и сейчас, существуют как перспективы развития юриспруденции, так и проблемные аспекты. Прежде, чем перейти к изучению вопроса о проблемах и перспективах развития юридической науки в Росси, стоит сначала отметить её особенности.

Одной из ключевых особенностей юридической науки является методологическое многообразие, которое заключается в [7]:

- сохранении классических естественно-правовых и позитивистских подходов;
- использовании междисциплинарных методов;
- внедрении новых методов исследования правовых явлений.

Можно также выделить, социально-правовую направленность, которая заключается в:

- исследовании влияния права на общественные отношения;
- разработке рекомендаций по совершенствованию законодательства;
- анализе эффективности правовых норм.

Стоит выделить следующую особенность развития юридической науки, глобализацию. Глобализация заключается в усилении международного сотрудничества и заимствования правовых идей, а также в гармонизации правовых систем, формировании глобального правового пространства.

Нельзя не затронуть внедрение цифровизации в юридическую науку. Цифровизация юридической науки представляет собой комплексное внедрение цифровых технологий в исследовательскую, образовательную и практическую деятельность юристов. Внедрение цифровизации влияет на перспективы развития юридической науки, существует немалое количество точек зрения правоведов, исследователей и юристов по данному вопросу. Изучение и освоение IT-технологий сейчас становится актуальным вопросом для всех граждан страны, это касается и юристов, поскольку они должны уметь пользоваться искусственным интеллектом, разбираться в программировании, так как это может пригодится в работе.

Заслуженный юрист Российской Федерации М. Ю. Барщевский по данному вопросу считает, что «работа юриста может заменяться интеллектуальным интеллектом, но только в той части, в которой юрист выполняет какие-либо формализованные функции [7]. К примеру, работа адвоката по сложным уголовным или гражданским делам будет требовать тщательного анализа целого ряда обстоятельств, которые можно неоднозначно истолковать с точки зрения закона. Участие и проведение следственных действий, выяснение мотивов и целей, составление причинно-следственных связей и выдвижение версий произошедшего - та часть уникальной умственной деятельности человека, которую на данном этапе

однозначно нельзя заменить машиной». С данным мнением можно согласиться, поскольку заменить юриста роботом-юристом во всей сфере его деятельности может сказаться плохо на практике, замена человека машиной не всегда означает хороший результат, робот не может чувствовать, не может мыслить, как человек, он будет сконцентрирован на одной задаче и упустит мелкие детали, он не умеет сочувствовать и поддерживать, поэтому не сможет заменить человека в работе.

Важно отметить плюсы частичного внедрения цифровых технологий в юридическую сферу. Например, цифровые технологии открывают возможности для повышения эффективности работы и качества юриста по тому вопросу, в котором он плохо разбирается, так как современные алгоритмы нейросети способны найти и разъяснить любую нужную информацию по задаваемому ей вопросу. Нейросеть способна усовершенствовать правовую базу, поскольку может выделить пробелы и проблемные аспекты в любом законе, может устранить устаревшие нормы, противоречия и неоднозначные трактовки [2, с. 104].

Сейчас нередко встречаются ситуации, где граждане обращаются не на прямую к юристу, а через сеть «Интернет», клиенты могут связаться и попросить консультации у юриста дистанционно. Также стоит отметить, что нотариальная сфера стала стремительно осваивать инновационную технологию – блокчейн [3, с. 39]. Блокчейн является современной системой хранения данных, в которой информация составляется в виде последовательных блоков, связанных в единую цепочку, что позволяет создавать надежный реестр важных сведений. При использовании блокчейн нотариальные функции осуществляются автоматически с помощью программных алгоритмов, однако это исключает человеческий фактор, что вызывает невысокое доверие у клиентов к такой программе.

Что же касается вопроса судебной системы и внедрения в нее цифровых технологий, он вызывает множество споров и негативных отзывов. Во-первых, зачем нужны специально обученные юристы, если их вскоре хотят заменить роботами-юристами/экспертами? Во-вторых, если цифровизация уже наполовину облегчает работу юриста, тогда зачем полностью внедрять цифровые машины, ради контроля над судебной властью или только для активного прогресса в работе? Данные вопросы обсуждаются на протяжении нескольких лет, после того как во время пандемии COVID-19 началось внедрении цифровизации в юридическую науку.

Цифровые технологии в судебной системе помогают сокращать сроки рассмотрения дела, принятия решения на основе схожих дел. Цифровые технологии анализируют решения и постановления выше поставленных судебных органов власти и могут дать готовый вариант решения на определенное дело. Однако данный текст решения по делу необходимо проанализировать обученному юристу/судье, для того чтобы исправить недочеты или составить свое мотивированное решение на основе выданного нейросетью [1, с. 10]. Конечно, нейросеть выполняет большую и важную аналитическую работу, но ее нельзя взять за чистовой вариант, так как она не может сопоставить со стороны человеческого мышления все факты и выдать справедливое заключение.

Таким образом, применение цифровизации в юридической науке влияет как положительно, так и в некоторых вопросах может дать негативное влияние на деятельность юристов. Развитие технологий искусственного интеллекта в правотворчестве, автоматизация правоприменительной судебной практики, создание юридических баз данных хорошо повлияют на дальнейшее развитие юридической науки. Некоторые правоведы считают, что можно в юридические институты внедрить технологии виртуальной реальности в обучении юристов, например воссоздать какое-нибудь известное и сложное судебное заседание по уголовному или гражданскому делу. Цифровые технологии могут облегчить обучение студентов и развить у них больший интерес к работе.

Стоит отметить и то, что сейчас в юридической науке уделяется большое внимание социальному направлению в области развития экологического права, защиты прав

животного и растительного мира, разрабатываются новые законы и программы по защите экологии страны. В настоящее время почти в каждом государстве основной проблемой является загрязнение окружающей среды бытовыми отходами, ядовитыми выбросами в воздух от заводов и машин. Поэтому в юридическую науку постепенно внедряют методики борьбы с данной проблемой [5, с. 126]. Проводится масштабная работа по подготовки специалистов, которые хорошо разбираются в экологическом и природоресурсном законодательстве, студентам аграрных вузов по направлению юриспруденция представляют новые возможности попробовать себя в сфере экологического и земельного права, работать юристом в сельской местности, развивать свои способности в области государственного правового регулирования садоводства, огородничества, крестьянско-фермерского хозяйства и т.д. Данный вопрос в юридической науке потихоньку развивается, принимаются новые нормативно-правовые акты на международном и региональном уровнях, все чаще встречается интересная судебная практика, где важнейшим фактором является защита окружающей среды от человека.

Вопрос развития сельской местности, принятия нормативно-правовых актов в области аграрной политики, приобретает особую актуальность, юридическая наука становится шире и находит свое применение абсолютно в любой сфере деятельности человека. Существует немало государственных программ по развитию сельских территорий и поддержки трудящихся там. Например, программа «Комплексное развитие сельских территорий», в рамках которой осуществляется [6]:

- развитие жилищного строительства на сельских территориях;
- обеспечение сельских территорий инженерной инфраструктуры, что также включает внедрение цифровых технологий;
- содействие обученным специалистам аграрной политики, предоставление им жилья, работы в сельской местности и др.

Таким образом, развитие нормативно-правовой базы в аграрной политики, в экологическом законодательстве – представляет собой благоприятные перспективы развития юридической науки, способствует устойчивому развитию и повышению качества жизни как сельского населения, так и общества в целом.

Можно подвести итог по изученной теме, современная юридическая наука в Российской Федерации находится на пороге значительной трансформации, обусловленных внедрением цифровых технологий, международным сотрудничеством, развитием аграрной политики и экологического права. Основным направлением юридической науки становится внедрение искусственного интеллекта и цифровых технологий в каждую сферу деятельности человека, например, в совершенствование электронного документооборота, развитие новых форм юридического образования, внедрение новых технологий на заводах, разработка новейших чистых машин, которые не будут сильно загрязнять воздух. Также особое внимание уделяется междисциплинарным исследованиям и формированию эффективных механизмов защиты прав человека в цифровой среде. Однако, при этом встречаются некоторые проблемы на пути развития цифровых технологий и разработки нормативно-правовых актов, поскольку данная сфера еще не до конца изучена и требует большего внимания, поэтому успешное развитие юридической науки будет зависеть от способности общества адаптироваться к новым технологическим устройствам.

Список использованных источников:

1. Дадюкова, М.Н. Перспективы развития юридической науки в будущем / М.Н. Дадюкова. – Текст : Science Time // Право. – 2022. – С. 5-13.
2. Канунникова, Е.А., Лошкарев, А.В. Цифровизация юридической профессии: угрозы и возможности / Е.А. Канунникова, А.В. Лошкарев. – Текст : Международный журнал гуманитарных и естественных наук // Право. – 2020. – №49. – С. 103-105.
3. Нижник, Н.С., Савельева, М.В. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития / Н.С. Нижник, М.В. Савельева – Текст :

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России // Право. – 2024. – №1(101). – С. 35-50.

4. Славова, Н.А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание /Н.А. Славова. – Текст : Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева // Право. – 2019. – №2. – С. 23-32.

5. Шайкова, Е.С. Цифровизация юриспруденции / Е.С. Шайкова. – Текст : E-Scio // Право. – 2022. – № 55. – С. 123-127.

6. Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» утверждена Постановлением Правительства от 31 мая 2019 года № 696. – Текст : [электрон. сайт]. – URL: http://government.ru/ (дата обращения16.03.2025).

7. «Юридическая наука». – Текст : [электрон. сайт]. – URL: https://bigenc.ru/ (дата обращения 16.03.2025).

УДК 343.851

Сулименко Н.С.
аспирант кафедры истории и теории государства и права
Научный руководитель: Адельсеитова А.Б., кандидат юридических наук, доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
Российская Федерация, г. Симферополь

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОСУДИИ: ВОЗМОЖНОСТИ, ВЫЗОВЫ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Внедрение искусственного интеллекта в правовую систему открывает новые перспективы для повышения эффективности судопроизводства, снижения нагрузки на судей и минимизации человеческих ошибок. Однако использование искусственного интеллекта в правосудии сопряжено с рядом вызовов, включая вопросы прозрачности, предвзятости алгоритмов и защиты персональных данных. В данной статье рассматриваются ключевые направления применения искусственного интеллекта в судебной системе, анализируются потенциальные риски и предлагаются рекомендации по этичному и ответственному внедрению технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосудие, алгоритмическая предвзятость, юридические технологии, этика искусственного интеллекта.

Abstract. The introduction of artificial intelligence into the legal system opens up new prospects for improving the efficiency of judicial proceedings, reducing the burden on judges and minimizing human errors. However, the use of artificial intelligence in justice poses a number of challenges, including issues of transparency, algorithm bias, and personal data protection. This article examines the key areas of application of artificial intelligence in the judicial system, analyzes potential risks and offers recommendations for the ethical and responsible implementation of technologies.

Keywords: artificial intelligence, justice, algorithmic bias, legal technologies, ethics of artificial intelligence.

Современные системы правосудия во всем мире сталкиваются с такими проблемами, как перегруженность судов, субъективность решений и длительные сроки рассмотрения судебных дел. Однако динамичное развитие возможностей искусственного интеллекта предлагает инструменты для автоматизации рутинных задач, анализа больших объёмов юридических данных и даже прогнозирования выводов в судебных решениях, как если бы

их составлял человек. Видится и то, что применение новых технологий и требует осторожного подхода во избежание нарушений принципов справедливости и законности.

Целью настоящей статьи выступает исследование положительных и отрицательных последствий интеграции искусственного интеллекта в процесс осуществления правосудия, анализ зарубежного опыта, мнений ведущих учёных и экспертов, а также собственного видения данного вопроса.

Определение искусственного интеллекта (далее по тексту — ИИ), которое было представлено Европейской комиссией (European Commission) в 2018 году, максимально раскрывает его суть. В своем плане отмечено, что: «Искусственный интеллект относится к системам, которые демонстрируют интеллектуальное поведение путём анализа своей среды и мер с определённой степенью автономии для достижения конкретных целей» [1].

Благодаря своим возможностям автономного обучения и скоростью такого обучения, ИИ все чаще обсуждается в международном обществе с целью его интеграции в работу государств. Одна из таких сфер активного дискуссионного обсуждения — реформа по использованию ИИ в судопроизводстве. Такие государства, как США и Великобритания начинают процесс применения ИИ в судебной системе, в связи с чем возникает необходимость проведение стандартизации использования ИИ.

Основной документ, который был разработан в 2018 году Советом Европы является Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, которая закрепляет 5 фундаментальных принципов использования ИИ: принцип уважения фундаментальных прав; принцип недискриминации; принцип качества и безопасности; принцип прозрачности; беспристрастность, прозрачность и честность; принцип контроля пользователем, то есть «отказаться от предписывающего подхода и позволить пользователю выступать информированным участником и контролировать свой выбор» [2].

Предлагаем рассмотреть следующий кейс судьи Хуан Мануэль Падилья Гарсия, председательствующего в суде карибского города Картахена в Колумбии, который вызвал тревогу в юридической среде, признавшись, что использовал интернет-сайт с искусственным интеллектом «ChatGPT» с целью помощи в вынесении решения по делу, связанному с ребёнком-аутистом.

Судья использовал ИИ при вынесении решения от 30 января 2023 года. Фабула дела заключалась в том, может ли страховая медицинская компания отказать в оплате медицинских приёмов, терапии и транспортировки ребёнка с расстройством аутистического спектра по имени Сальвадор, учитывая ограниченный доход его родителей. Судья Падилья, который вынес решение в пользу несовершеннолетнего лица и против страховой организации, сказал, что среди прочих вопросов он спросил бота «ChatGPT», освобожден ли несовершеннолетний аутист от уплаты затраченных денежных средств за свое лечение, на что ИИ сказал: «Да, это так. Согласно правилам, действующим в Колумбии, несовершенно-летние, у которых диагностирован аутизм, освобождаются от оплаты лечения» [3].

ИИ в данном случае выполняет уже не обычные рутинные функции секретаря судебного заседания, который оказывает помощь в оформлении процессуальных документов судье, а организованно, просто и структурировано выносит судейское решение, тем самым сокращает время на ведение дел в системе правосудия.

В 2019 году Пекинский интернет-суд анонсировал запуск онлайн-центра судебных разбирательств, который использует ИИ в качестве судьи с женским образом, голосом, выражением лица и мимикой.

Пекинский интернет-суд отмечает, что использование данного технического прорыва поможет судьям сконцентрироваться непосредственно на их работе, тогда как судья с ИИ поможет делать рутинную работу. В Китайской Народной Республике существуют и другие программы ИИ, которые помогают производить судопроизводство быстрее. Например, мобильный мини-суд, количество пользователей которого в 2020 году достигла больше 3-х

миллионов человек, а суды по всей стране использовали это приложение для рассмотрения более 2.14 миллионов дел [4]. Польза от ИИ для правосудия неоценима велика, так как китайские судебные органы загружены миллионами дел, а динамические изменения в законодательстве в КНР в последние годы приводят только к резкому увеличению нагрузки на судей.

Искусственный интеллект используется во всех сферах правовой системы Китая и играет роль в вынесении каждого приговора, согласно данным Верховного народного суда в Пекине. «Умная судебная система SoS (система систем) теперь подключена к рабочему столу каждого судьи по всей стране», — сообщил Сюй Цзяньфэн, директор информационного центра Верховного суда КНР, в отчёте, опубликованном «Strategic Study of CAE», официальном журнале Китайской инженерной академии. Система, основанная на технологии машинного обучения, автоматически просматривает судебные дела на предмет ссылок, рекомендует законы и нормативные акты, составляет юридические документы и исправляет предполагаемые ошибки, допущенные человеком, если таковые имеются, в вердикте [4].

Как уже было выяснено нами выше, что ИИ обладает рядом положительных признаков, которые уже является частью правосудия в ряде государств, но обратим внимание и на угрозы нарушения фундаментальных прав человека.

Примером проблемы может выступать использование программы COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions) — одной из самых известных систем оценки рисков, используемых в американском правосудии. Разработанная компанией Northpointe (Equivant), она применяется для прогнозирования рецидивизма, рекомендаций по условно-досрочному освобождению и оценке опасности подсудимых, осуществляющая обработку заполненных анкет правонарушителей [5]. Программа использует логистическую регрессию (статистический метод) для расчета вероятности рецидива, а именно присваивает баллы от 1 до 10, где 1–4 — низкий риск, 7–10 — высокий. Далее формирует два ключевых прогноза: Risk of Recidivism (вероятность повторного преступления) и Risk of Violence (риск насильственных действий), а судьи в США учитывают оценку, выданную программой COMPAS при назначении наказания.

В расследовании, которое опубликовало ProPublica, было доказано наличие нарушений ряда неотъемлемых прав человека. Авторы публикации пришли к выводу что «система COMPAS неравномерно предполагает рецидив между полам». Также было доказан выявление признаков расовой дискриминации в алгоритмах работы COMPAS. Исследователи сравнили статистику оценки для темнокожих и белокожих людей и доказали, что «темнокожие обвиняемые получали на 77,3 % более высокий балл Risk of Recidivism (вероятность повторного преступления)» [6].

Ещё одним негативным последствием интеграции ИИ является отсутствие эмпатии у компьютерных технологий. Электронный суд может быть независимым и объективным, но в то же время, человеческий фактор вносит важную роль именно для справедливого вынесения решения. Примером важности рассмотрения дела человеком является решение судьи Франка Каприо. Правонарушителем был 96-ти летний мужчина, который превысил скорость в школьной зоне, когда отвозил в больницу 63-ти летнего сына, болеющего раком. Рассматривая дело, судья освободил обвиняемого от наказания в виде штрафа со словами: «Я полагаю, что необходимо принимать во внимание все сопутствующие обстоятельства дела вместо строгого толкования закона. Это простое человеческое дело и выражение сострадания и понимания людей, которые предстают передо мной» [7].

В Российской Федерации официальная позиция судебной власти пока исключает использование ИИ при отправлении правосудия. В 2019 году председатель Совета судей России Виктор Момотов сообщил, что искусственному интеллекту неведомы принципы справедливости и гуманизма при назначении наказания, а смысл законодательства, то есть его дух, не может быть выявлен компьютером, а только человеком, и к тому же обладающим высоким уровнем правовой культуры.

Таким образом, ИИ способен трансформировать правосудие, повышая его скорость и точность, но полная замена человека в таком искусном и деликатном процессе отправления правосудия на сегодняшний день не представляется возможным. Технологии должны дополнять и оказывать помощь обществу, а не заменять человеческое суждение.

Список использованных источников:

1. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on Artificial Intelligence for Europe, Brussels, 25.4.2018 CQM(2018) 237 final.
2. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. URL: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4.
3. ChatGPT could make these jobs obsolete: «The wolf is at the door». URL: https://nypost.com/2023/01/25/chat-gpt-could-make-these-jobs-obsolete/
4. Beijing Internet Court launches online litigation service center. Beijing Internet Court. URL: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/2019-07/01/c_190.htm
5. Официальный сайт Отдела исправительных учреждений Штата Висконсин США (State of Wisconsin Department of Corrections). URL: https://doc.wi.gov/Pages/AboutDOC/COMPAS.aspx
6. Generative Models, Humans, Predictive Models: Who Is Worse at High-Stakes Decision Making? URL: https://arxiv.org/pdf/2410.15471
7. Judge gets emotional as 96-year-old pleads his innocence for speeding violation while taking sick son to hospital. URL: https://www.unilad.com/news/judge-frank-caprio-96-year-old-man-speeding-violation-388353-20230910

УДК 342.9

Хрущев Р. С.
Аспирант кафедры истории и теории государства и права
Научный руководитель: Змерзлый Б.В., д.и.н., д.ю.н., профессор
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА НА ФАРЕРСКИХ ОСТРОВАХ НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. НА ПРИМЕРЕ Г. ТОРСХАВНА

Аннотация. В статье исследуются вопрос формирование органов полиции и организации ее деятельности на Фарерских островах на примере столицы Фарерских остров г. Торсхавна. Указано, что до второй половины XIX в. официальных органов охраны правопорядка на островах не существовало. Начало их появления и деятельности было положено законом 1894 г. и последующими нормативными актами. В ходе своего развития полиция в данном регионе, по сложившейся в Дании традиции, подчинялась муниципалитетам (которые и финансировали ее деятельность), а также губернатору островов.

Ключевые слова: полиция, Фарерские острова, правопорядок, организация, Торсхавн, правила.

Abstract. The article examines the formation of police bodies and the organization of their activities in the Faroe Islands using the example of the capital of the Faroe Islands, Torshavn. It is indicated that until the second half of the XIX th century, there were no official law enforcement agencies on the islands. Their appearance and activities began with the law of 1894 and subsequent regulations. During its development, the police in this region, according to the

tradition established in Denmark, were subordinate to the municipalities (which financed its activities), as well as the governor of the islands.

Keywords: police, Faroe Islands, law and order, organization, Torshavn, rules.

Проблема организации служб правопорядка на удаленных от метрополии территориях всегда являлась достаточно сложной задачей. В Дании такими регионами были Исландия, Гренландия и Фарерские острова.

Фарерские острова, при вей их экономической значимости, всегда были слабо населены с небольшой концентрации в припортовых городках.

С учетом удаленности от Дании данной территории, небольшой административный персонал, создание органов полиции, в общепринятом европейском понимании долгое время было существенно затруднено.

Во второй половине XIX в., при росте населения, особенно в городах, возникла потребность в создании органов охраны правопорядка.

В соответствии с разделом 3 Закона № 55 от 13 апреля 1891 г., содержащий положения о полиции на Фарерских островах, Министерство юстиции настоящим издал положения о полиции для муниципалитета Торсхавн [1, s. 318]. Данный документ регулировал такие вопросы: соблюдение порядка и хороших манер на улицах и дорогах; запрет на скопление людей, нарушающих общественный порядок и движение транспорта; соблюдение требований полиции при скоплении населения; правила поведения на дорогах; запрет на драки, неудовлетворительное поведение, пребывание в алкогольном опьянении в общественных местах, улицах, площадях; нарушать покой жильцов в домах; запрет на устройство развлечений в общественных местах без разрешения полиции; запрет на стрельбу, фейерверки, бросание камней, снежков и т.п.; нахождение на улице в маске или неприличном костюме (карнавалы только с разрешения полиции); купание в близи общественных мест и т.п. (гл. 1).

Вторая галва закона посвящена вопросам предупреждения препятствий и недостатков дорожного движения и опасности во время поездок на общественном транспорте (пп.10-), в том числе касающиеся строительства и сноса домов, специфики заборов, ограждений, фонарей, ведение ремонтных работ и т.п. (с. 320) [1, s. 320]; правила строительства новых зданий или сносе или капитальном ремонте старых зданий; устройство строительных лесов, распорок, мостков и т.п.; использование общественных тротуаров при строительных и перегрузочных работах; право полиции запретить эксплуатацию аварийного здания и т.п.

В третьей главе регулируются вопросы движения повозок и верховой езды, управлении лошадьми и другим скотом, а также о птицеводства [1, s. 321]. В четвертой – о использовании собак. В пятой – сохранение общественного имущества [1, s. 323]. Шестая глава посвящена сообщениям. Седьмая – незапланированным развлечениям и развлекательным заведениям, незапланированных выступлениях и т.п.; восьмая – чистоте в общественных местах; девятая – ответственности землевладельцев и сфере действия устава [1, s. 326].

Следует указать, что разрозненные правила что до правопорядка администрацией Дании на Фарерских островах издавались еще с начала XIX в., но, лишь 13 апреля 1894 г. принят закон, устанавливающий правовой статус местной полиции, позволивший издавать для городов и сельской местности полицейские правила.

Так, 13 апреля 1894 г. издан закон, содержащий положение о полиции на Фарерских островах и о нормативно-правовых актах, которые позволялось издавать для Торсхавна и иных населенных пунктов (§ 1). Данные акты могли включать положения, которые считались необходимыми в местных обстоятельствах: а) о полиции порядка (о соблюдении порядка и приличия на общественных улицах, дорогах или площадях, о поддержании порядка в общественных пабах и развлекательных заведениях, о продаже и подаче пьянящих напитков, а также о правилах по публичным выступлениям, публичным танцам

и подобным крупным общественным собраниям; их объектов и т.д.); б) по организации полицейского корпуса для пожаров и других чрезвычайных случаев или с специально наемным персоналом, по определению муниципальных органов, или иным способом.

Разработка уставов закреплялась за Министерством юстиции Дании с обязательными правилами расходов на службу полиции.

В ходе эволюции организации и деятельности полиции на Фарерских островах в конце XIX – первой половине XX в., было принято множество различных актов, однако с целью исследования эволюции задач и организации полиции наиболее показательным является акт для полиции Твераа (7.02.1931) [2, s. 156-157], согласно которому губернатор Фарерских островов являлся начальником полицейского в любых официальных отношениях, в отношении которых он не подчиняется другим полномочиям в соответствии с законом или нормативным актом (п. 1). Также документ устанавливал задачи сотрудника полиции (п. 2), его подчиненность (п. 3); территориальные рамки ответственности (город и его округ). Кроме непосредственных полицейских обязанностей сотрудники полиции, при необходимости, должны были следить за противопожарными мерами и подавать сигнал пожарной тревоги в случае возникновения пожара, выполнять обязанности тюремного охранника; выполнять распоряжения, отдаваемые последним как заместителем губернатора; ежедневно в Ин-Эмде отмечаться в муниципальном офисе, а в иных населенных пунктах — в офисе губернатора, за исключением случаев, когда во время патрулирования произошло событие, требующее немедленного контакта. Ежедневное обслуживание должно было осуществляться в соответствии с дальнейшими указаниями губернатора.

Полиция была обязана своевременно информировать губернатора о перемещении лиц между муниципалитетами (см. раздел 35 Закона Фарерских островов № 76 от 12 марта 1923 г. о муниципальном налогообложении) [3, s. 292-309]; перевозить списки населения муниципалитета, отдельные письма и сообщения особо срочного характера, если это не препятствовало его основной деятельности (п. 4) и т.п.

Деятельность служащих правопорядка на Фарерских островах Законом также регулировалась законом №. 127 от 15 апреля 1930 г. «о вступлении в силу Закона о государственной службе» и частично Законом о льготах государственной гражданской службы №. 301 от 6 июня 1940 г.», глава 12 г) которого содержит положения об оплате труда государственных должностных лиц на Фарерских островах, включая окружного магистрата, инспекторов по труду и старшего офицера полиции 2-го уровня в Торсхавне.

Наиболее важные правила, касающиеся охраны правопорядка на острове, содержатся в Законе «О судебном деле» №. 17 от 11 мая 1935 г. [4, s. 537-549].

Новая страница в истории полиции Фарерских островов была открыта в конце 1940-х гг., когда в связи с принятием Закона № 137 от 23 марта 1948 г. (О самоуправлении Фарерских островов) [5, s. 4]. И хотя в данном акте, напрямую, о полиции Фарерских островов не содержится конкретных положений, касающихся полиции на Фарерских островах, однако полиция включена в перечень вопросов, в отношении которых в статье 3 закона указано, что путем дальнейших переговоров должно быть решено, могут ли и в какой степени рассматриваемые вопросы быть отнесены к особым делам Фарерских островов [6].

Список использованных источников:

1. PO LITIVEDTÆ GT FOR THORSHAVN. I Medfor af § 3 i Lov Nr. 55 af 13, April 1891-indeholdende Beslemmelser om Politiet paa Færoerne udfærdisrer Justitsministeriet herved folgende Politivedtægt for Thorshavn Kommune. S. 318. – URL: Mitens 1687-1953-Komprimering.pdf (дата обращения: 02.03.04).
2. 7. Febr. — REGLEMENT FOR PO LITIBETJEN T I TVERAA. – S. 156-157. – URL: Mitens 1687-1953-Komprimering.pdf (дата обращения: 02.03.04).

3. 12. Marls — LOV FOR FÆ R Ø ER N E (NR. 76) OM DEN KOMMUNALE B E SKATNING // FØROYSKT LOGSAVN UMFATANÐI SERSTAKAR FØROYSKAR LÓGIR OG ADMINtSTRATlYAR FYRISK IPA N IR 1687—1953 ÚTGIVIÐ AV MLNTUNARGRUNNl FØROYA LØGTINGS VIÐ STUDNINGl FRA RtKlSSTYRI OG LANDSSTYRl LAGT T I L R ÆTT1S HEV UR EDW. MITENS. lundsraittnr-sukførori. I SAMARBEIÐI VIÐ. CHR. LØRUP SØRENSEN, cnnd. jur., fyrrv. fulUrúa hjá rikisumboOsiuanninum. TÓRSHAVN 1953. LANDSPRENTSMIÐIAN. – S. 292-309. – URL: Mitens 1687-1953-Komprimering.pdf (дата обращения: 02.03.04).
4. II. Maj — Lov Nr. 171 for Færoerne om RETTENS PLEJ // // FØROYSKT LOGSAVN UMFATANÐI SERSTAKAR FØROYSKAR LÓGIR OG ADMINtSTRATlYAR FYRISK IPA N IR 1687—1953 ÚTGIVIÐ AV MLNTUNARGRUNNl FØROYA LØGTINGS VIÐ STUDNINGl FRA RtKlSSTYRI OG LANDSSTYRl LAGT T I L R ÆTT1S HEV UR EDW. MITENS. lundsraittnr-sukførori. I SAMARBEIÐI VIÐ. CHR. LØRUP SØRENSEN, cnnd. jur., fyrrv. fulUrúa hjá rikisumboOsiuanninum. TÓRSHAVN 1953. LANDSPRENTSMIÐIAN. – S. 537-549. – URL: Mitens 1687-1953-Komprimering.pdf (дата обращения: 02.03.04).
5. BETÆNKNING om politiets og arrestvæsenets fremtidige ordning pâ Færôeme. Afgivet af det ved justltsminlsteriets skrivelse af 26. September 1955 nedsatte udvalg. – S. 4 – URL: 1956.12 Betænkning om politiets og arrestvæsenets fremtidige ordning på Færøerne.pdf (дата обращения: 02.03.04).
6. Lov nr. 137 af 23. marts 1948 om Færøernes Hjemmestyre. – URL: Lov nr. 137 af 23. marts 1948 om Færøernes Hjemmestyre - Rigsombudsmanden (дата обращения: 02.03.04).

УДК 343.215

Чатчаев Э.М.
аспирант кафедры истории и теории государства и права
Научный руководитель: Пашнева В.А., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ОТМЕНА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ КАК ЭТАП РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1917-1921 ГГ.)

Аннотация. Исследуются процессы трансформации земельных отношений в период 1917-1921 гг., связанные с отменой частной собственности на землю. Проанализированы предпосылки аграрных преобразований, политика Временного правительства по земельному вопросу, а также первые декреты советской власти, направленные на формирование новой системы земельных отношений. Особое внимание уделяется правовым механизмам национализации земли, роли обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти и эволюции форм землепользования.

Ключевые слова: частная собственность на землю, аграрная реформа, Декрет о земле, социализация земли, национализация, крестьянство, земельное право, Временное правительство, большевики.

Abstract. This research examines the transformation processes of land relations during the period 1917-1921, associated with the abolition of private land ownership. The prerequisites for agrarian reforms, the Provisional Government's land policy, and the first decrees of Soviet power aimed at forming a new system of land relations are analyzed. Special attention is paid to the legal mechanisms of land nationalization, the role of customary law in regulating land relations in the first years of Soviet power, and the evolution of land use forms.

Keywords: private land ownership, agrarian reform, Decree on Land, socialization of land, nationalization, peasantry, land law, Provisional Government, Bolsheviks.

Земельный вопрос являлся одним из центральных в политической и социально-экономической жизни России начала XX века, став к 1917 году катализатором революционных событий. Трансформация земельных отношений, начавшаяся после Февральской революции и ускорившаяся после Октябрьской революции 1917 года, привела к фундаментальным изменениям не только в аграрной сфере, но и во всей структуре государства.

Историческими предпосылками земельного вопроса служили особенности развития аграрных отношений после отмены крепостного права в 1861 году. Реформа ознаменовала важный этап в развитии отечественного законодательства, хотя и не решила многих проблем [1, с. 81]. Сохранялась значительная имущественная дифференциация и преобладание крупного помещичьего землевладения, что создавало почву для социальной напряженности.

Россия вступила в XX столетие с архаичной системой аграрных отношений, далекой от капиталистической модели. Земельные наделы крестьян характеризовались хронической недостаточностью, при этом сами землепашцы оставались исключенными из процессов перераспределения земельной собственности, крестьяне оставались основными плательщиками прямых налогов, которые многократно превышали налоговое бремя помещиков [2, с. 146].

Попыткой решения земельного вопроса стала столыпинская аграрная реформа 1906-1917 гг. Реализованная миграционная программа не достигла требуемых объемов. Кардинальное разрешение аграрного кризиса предполагало трансуральское перемещение порядка 25 млн граждан – задача, оказавшаяся за пределами практической осуществимости [3, с. 15].

После Февральской революции аграрный вопрос оказался в центре политической борьбы. Временное правительство, пришедшее к власти, не спешило принимать кардинальных решений, полагая, что столь сложный вопрос должен решаться Учредительным собранием [4, с. 181]. Примечательно, что требования крестьян-общинников и крестьян-собственников разнились: первые выступали за отмену частной собственности на землю, вторые – за ее сохранение.

Для подготовки земельной реформы были созданы Главный и местные земельные комитеты. Однако практическая деятельность Временного правительства в аграрной сфере оказалась малоэффективной. Недостаточно решительные меры привели к тому, что с апреля 1917 года начинаются массовые самозахваты земли крестьянами. В апреле министерство земледелия зафиксировало 205 аграрных беспорядков в 42 губерниях, в мае их число возросло до 558, а в июне достигло 1122 [2, с. 149].

Пытаясь удержать ситуацию под контролем, Временное правительство перешло к карательным мерам, стремясь предотвратить гибель урожая, массовые переделы земли и потерю контроля над деревней. Однако эти действия только усилили антиправительственные настроения [4, с. 182].

Анализируя исторические альтернативы, можно предположить существование иного сценария развития земельной реформы, при котором Временное правительство могло избежать радикального перелома в земельных отношениях. Если бы была оперативно реализована концепция «земельного минимума» с немедленной передачей части помещичьих земель в распоряжение крестьянских комитетов, сохранив при этом правовую основу землевладения, возможно, удалось бы снизить накал социальной напряженности. Предоставление крестьянам промежуточной правовой формы землепользования, совмещающей элементы общинного владения с элементами частной собственности, могло создать буферную зону в конфликте интересов. Однако прогрессивное крыло Временного правительства не располагало достаточным политическим капиталом для столь

радикальных шагов, а консервативное – не обладало необходимым пониманием глубины кризиса.

25 марта 1917 года правительство приняло закон о государственной монополии на хлеб, упразднявший свободный рынок и вводивший изъятие излишков по твердым ценам. Попытка реализовать эту меру столкнулась с сопротивлением деревни. Хлебозаготовки составили в апреле лишь 27% от плана, в мае – 70%, в сентябре – 30%, а в октябре – всего 19% [2, с. 150].

Причина обращения будущих органов советской власти к земельному вопросу заключалась в его нерешенности к 1917 году. Несмотря на теоретические разработки, конкретные государственно-правовые основы будущего аграрного строя накануне прихода большевиков к власти не были четко сформулированы [5, с. 50].

Важно отметить особую диалектику, сложившуюся между официальными правовыми нормами и крестьянским правосознанием. Российский аграрный вопрос представлял уникальный феномен, где юридическое пространство, созданное государством, конкурировало с параллельной системой народных представлений о справедливости и праве на землю. Законодательные инициативы как царского, так и Временного правительства разбивались о фундаментальное противоречие: крестьяне воспринимали землю не как товар или объект частного права, а как общее достояние, распределяемое по принципу труда. Это противоречие между позитивным правом и народным правосознанием стало катализатором, который сделал земельный вопрос политическим детонатором революционных событий. Большевики, в отличие от предшественников, сумели интуитивно распознать эту коллизию и адаптировать свою правовую политику к народным представлениям, что обеспечило им массовую поддержку крестьянства.

Что интересно, новая земельно-правовая система советского государства была заложена тремя фундаментальными нормативными актами: первым стал исторический Декрет «О земле» (октябрь 1917 г.), за ним последовал «Основной закон о социализации земли» (январь 1918 г.), и, наконец, Положение «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» (февраль 1919 г.) [5, с. 50]. Принятие Декрета о земле на II Всероссийском съезде Советов ознаменовало революционный перелом в земельных отношениях России. Структурно документ включал собственно декретную составляющую и приложенный к ней Крестьянский наказ, сформированный путем обобщения 242 местных крестьянских требований [6, с. 68].

Ключевыми положениями Декрета стали: безвозмездная и немедленная ликвидация помещичьего землевладения; передача земельного фонда (помещичьего, удельного, монастырского, церковного) вместе с инвентарем и постройками под юрисдикцию Волостных Земельных Комитетов и Уездных Советов Крестьянских Депутатов [7]. Документ провозглашал бессрочное упразднение института частной земельной собственности с категорическим запретом на любые операции с земельными активами (купля-продажа, залоговые отношения, арендные сделки). Земля провозглашалась достоянием всего народа и предоставлялась в пользование тем, кто ее обрабатывает. Таким образом, впервые реализовывалось историческое стремление крестьянства к безвозмездному получению дворянских земель. При этом Декрет не предписывал единой обязательной формы хозяйствования, предоставляя местным сообществам выбор между различными вариантами землепользования – подворным, хуторским, общинным или артельным [8, с. 81].

Исследователи отмечают, что Декрет во многом основывался на аграрной программе партии эсеров, предусматривавшей социализацию земли. Использование этих положений было тактическим маневром большевиков, не планировавших полностью реализовывать эсеровскую программу [5, с. 58].

Развивая концепцию отмены частной собственности, 27 января 1918 года был принят «Основной закон о социализации земли». В этом документе четче проводилась

линия на обобществление земельной собственности: «Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется навсегда» [6, с. 69].

Основополагающие концепции аграрной реформы, закрепленные законодательно, резонировали с юридическими представлениями крестьянства. Эгалитарное распределение земельных ресурсов, унаследованное от традиций общинного землевладения, сохранялось ключевым постулатом [8, с. 84].

Однако передача земельной реформы на местную инициативу не дала ожидаемых результатов. Исследования показывают, что в большинстве волостей (69,2%) раздел земли происходил по едокам, в 18,6% случаев была произведена прирезка земли малоземельным, и лишь в 8,2% волостей земля была разделена по трудовой норме [8, с. 84-85].

Переустройство земельных отношений происходило под лозунгом уравнительности, но фактически из распределения исключались крестьянские земли, которые попадали в категорию «трудовых хозяйств». Основным объектом реформы стали земли «нетрудового пользования» – помещичьи, государственные, церковные [8, с. 85].

С весны 1918 г. советская власть усилила вмешательство в аграрную сферу, стремясь преобразовать мелкие крестьянские хозяйства в крупное общегосударственное производство. Через декреты, чрезвычайные органы и карательные методы власть пыталась превратить крестьян в «государственных работников на государственной земле» [8, с. 86].

Положение «О социалистическом землеустройстве» (14.02.1919) стало поворотным моментом, провозгласив земельный фонд РСФСР единой государственной собственностью под управлением Наркоматов [5, с. 58]. Документ маркировал частное землепользование как временный анахронизм, подлежащий замене коллективными формами - совхозами и коммунами [5, с. 59]. Устанавливалась приоритетность использования земельного фонда: сначала для советских хозяйств и коммун, затем для трудовых артелей и товариществ, и только в последнюю очередь – для единоличных землепользователей.

Характерной особенностью 1917-1921 гг. была легитимация обычно-правовых норм в земельной сфере. Советская власть санкционировала их юридическое применение [8, с. 80], что впоследствии кодифицировал Земельный кодекс 1922 г., допускавший использование народных правовых обычаев при условии их непротиворечия законодательству [8, с. 89].

Трансформация земельных отношений в 1917-1921 гг. существенно повлияла на последующее развитие аграрного строя России. Коллективизация привела к новым формам земельной собственности, изменив всю систему общественного уклада [6, с. 72].

В результате были ликвидированы высокотоварные крестьянские хозяйства и созданы колхозы – формально кооперативные, но фактически государственные образования. На сельское хозяйство распространились методы директивного управления: плановость, централизация, административное подчинение [6, с. 73].

Существуют разные оценки. Некоторые исследователи считают, что коллективизация и связанные с ней процессы были обусловлены особенностями исторического развития России, внешними угрозами и мировым экономическим кризисом [6, с. 73].

Таким образом, отмена частной собственности на землю и последовавшая трансформация земельных отношений в 1917-1921 гг. стала переломным моментом в истории аграрного строя России. Советская власть, реализуя идеи социализации и национализации земли, заложила основы новой системы, основанной на государственной собственности. Этот процесс кардинально изменил облик российской деревни и определил вектор развития сельского хозяйства на десятилетия вперед.

Революционные преобразования земельных отношений отражали сложные социально-экономические процессы и были обусловлены конкретными историческими условиями. Отмена частной собственности на землю реализовала многовековую мечту крестьянства о «черном переделе» и ликвидации помещичьего землевладения и создала

предпосылки для усиления государственного контроля над аграрным сектором, и последующей коллективизации.

Можно заключить, что отмена частной собственности на землю в период 1917-1921 гг. была обусловлена как объективными социально-экономическими факторами, так и политическими решениями. Она стала не только важным этапом реформирования земельных отношений, но и частью глубоких преобразований всего российского общества, определивших его развитие на длительную перспективу.

Список использованных источников:

1. Устинов А.В. Об истории земельного вопроса в России и его месте в теории и практике градостроительства // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2009. – № 2(12). – С. 80-85.
2. Павлова И.П. Право собственности на землю в условиях революции 1917 г. в России // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2020. – № 1(15). – С. 145-155.
3. Боголюбов С.А. Аграрно-земельные преобразования 1917 года // Аграрное и земельное право. – 2017. – № 8(152). – С. 13-23.
4. Зейналов И.М. Правовое регулирование земельной собственности в период Временного правительства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – №4. – С. 180-183.
5. Берлявский Л.Г. Первые декреты советской власти и формирование государственно-правовых основ советского аграрного строя // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 49-76.
6. Ойсунгуров И.М. Коллективизация и проблемы эволюции форм земельной собственности // Наука без границ. – 2019. – №7 (35). – С. 68-75.
7. Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 8 ноября (26 октября) 1917 г. "О земле" // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. – № 1. – 28.10.1917.
8. Шатковская Т.В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917-1922 гг.) // Юристъ-Правоведъ. – 2008. – №3. – С. 80-90

УДК 340.132.6

Берман Д.Ю., Катренко А.И.
обучающиеся
Научный руководитель: Шевченко В.И., к.ф.н., доцент
Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
г. Симферополь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в данной научной статье рассматривается теоретические и правовые аспекты, связанные с правовым регулированием толкованием права в Российской Федерации. Особое внимание уделяется официальному толкованию и отсутствию специального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», который бы регулировал аспекты, связанные с толкованием правовых норм.

Ключевые слова: толкование права, правовое регулирование, официальное толкование, неофициальное толкование, результат толкования.

Abstract: this scientific article examines theoretical and legal aspects related to the legal regulation of legal interpretation of law in the Russian Federation. Special attention is paid to the official interpretation and the absence of a special law "On normative legal acts in the Russian Federation", which would regulate aspects related to the interpretation of legal norms.

Keywords: interpretation of law, legal regulation, official interpretation, unofficial interpretation, result of interpretation.

В разных государствах законы по-разному регулировали отношения в сфере толкования законов. В некоторых государствах, законодатель давал право на исключительно государственную монополию, в других же наоборот он накладывал запрет на толкование закона.

К примеру, в Древнем Риме, Юстиниан запретил трактовать свои Дигесты, поскольку считал, что все неясности устранены и нет оснований для сомнений.

В настоящее время у толкования законов появились как сторонники, так и противники. Монтескьё, Беккариа, Марат и другие выступали против того, чтобы суды толковали законы, поскольку считали, что это ведёт к произволу.

Те, кто поддерживал толкование законов, приводили аргументы в его пользу. Например, С. Пуфендорф описывал случай, когда в Болонье был принят закон, в котором говорилось: «наказывать с величайшей суровостью всякого, кто станет проливать кровь на улицах». Но однажды человек, страдающий от эпилепсии, упал на улице в конвульсиях. Вызвали врача, который для спасения пациента сделал ему кровопускание. Согласно букве закона, врача необходимо было «наказывать с величайшей суровостью». Однако было распространено мнение, согласно которому буквальное прочтение закона не могло распространяться на враче [7].

Со временем концепция толкования законов начала получать признание, и суды ряда государств обрели право интерпретировать законы в соответствии с их «духом» и «разумом». Это право было официально закреплено в Кодексе Наполеона, что в дальнейшем можно было увидеть, когда во Франции появились первые комментарии к данному Кодексу.

В то же время стоит учитывать историю возникновения и становления толкования права в России.

Так, с середины XIX века судам в России предоставили не только право, но и вменяли в обязанность толковать законы. Данный принцип был выражен в Уставах 1864 года, согласно которому «Воспрещается останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов. За нарушение сего правила виновные подвергаются ответственности как за противозаконное бездействие власти»

В первые годы существования Советского государства, когда допускалось применение отдельных законов свергнутых режимов, приспособление и изменение их в ходе толкования осуществлялись на основе революционного правосознания. Толкование права в это время носило ярко выраженный классовый характер [7].

Однако, внедрение и применение новых норм требует определенного понимания как со стороны законодателя, так и со стороны правоприменителя о том, как правильно уяснить и в дальнейшем реализовать ту или иную норму.

Тенденция развития и становления отраслей права наблюдается на протяжении не одного столетие. Однако, именно XXI век вносит нововведения и значительно расширяя прежний кругозор отраслей и институтов права. То, что в начале XX века было на грани фантастики, на сегодняшний день является нормой для всего общества.

Например, электронное право, которое расценивается как подотрасль информационного права. Создание в 1942 году первой в мире ЭВМ машины ENIAC дало начало зарождению компьютерных технологий. Спустя время, ЭВМ совершенствовались,

становились доступнее для всего человечества, как следствие, стал вопрос об урегулированности новых правоотношений в обществе [6].

Толкование представляет собой специфическую юридическую деятельность, без которой невозможно существование и последующее развитие права. Толкование права – это незаменимый инструмент правореализационного процесса, направленный на изучение правовой нормы, уяснения и объяснения ее смысла, разъяснения нормативного содержания данной нормы и сопоставление ее с правовыми предписаниями и принципами права. Толкование предполагает собой раскрытие значения положительной и абстрактной нормы права, то есть, ее последующей конкретизации. Толкование присутствует во всех формах реализации: соблюдении, использовании, исполнении, применении норм права.

Толкование может быть представлено в виде двух основных способов: неофициальное и официальное толкование [8].

Под неофициальным толкованием понимается деятельность частных лиц, направленное на уяснения правовой нормы. Главным фактором разграничения неофициального толкования является субъект, который дает неофициальное толкование. Поэтому можно выделить такие виды толкования как: обыденное, компетентное, доктринальное [5].

Обыденное толкование дается лицами в повседневной жизни на бытовом уровне, в ходе которого, толкующий субъект дает разъяснения исходя из своего личного опыта и уровня собственного правосознания.

В случае же с компетентным толкованием, то в данном случае субъект дающий толкование норм обладает профессиональным уровнем юридических знаний. Субъектом могут быть, например, юристы, адвокаты, прокуроры.

Доктринальное толкование – это толкование, которое дается только учеными в связи и в результате их научного анализа права. Данный вид толкования играет ключевую роль в формировании права, так как оказывает содействие органам в формировании правоприменительной практики.

Однако, возникают ситуации, когда теоретические учения не соответствуют действующей практике применения норм. Согласно мнению Ф. Регельсбергера, который говорил о том, что: «немного глав найдется в учении о праве, где теория так далеко отставала бы от практики, знание – от умения, как в учении о толковании» [8].

Следовательно, необходимо достигать баланса между тем, чтоб теория и практика находились на одной ступени, что практически невозможно. Для определенного разрешения данной проблемы и существуют такой механизм как официальное толкование.

Под официальным толкованием принято понимать официальное разъяснение, которое дается уполномоченным государственным органом или уполномоченным на это государством общественные объединения, имеют юридическую силу, которая содержится в акте толкования [4]. В связи с этим, принято выделять следующие виды официального толкования, а именно: аутентическое, легальное, нормативное, казуальное толкование.

Аутентическое толкование представляет собой разъяснение содержания правовой нормы тем государственным органом, которое и установило данную правовую норму.

Легальное или же как его называют делегированное толкование представляет собой разъяснение правовой нормы тем государственным органом, который хоть и не устанавливал правовую норму, но в силу закона уполномочен давать разъяснения [9].

Нормативное толкование представляет собой официальное разъяснение норм права, которое является юридически обязательным для всех субъектов применения нормы права на практике во всех случаях, когда применяется разъясненная правовая норма.

Казуальное толкование представляет собой разъяснение норм права при рассмотрении казусном деле, то есть, данное разъяснение оно характерно для определенного дела и обязательную силу носит лишь в отношениях, которые связываются в рамках конкретного дела [4]. Однако, необходимо учитывать, что казуальное толкование,

выносимое вышестоящей инстанцией, является образцовым для нижестоящих инстанций и будет рассматриваться как образец при разрешении аналогичных дел.

Однако, на практике дела обстоят совсем иначе, ведь не всегда возможно понять «истинный» смысл, заключенный законодателем в правовой норме. Воля и мысль законодателя не всегда находят детальное отражения в правовых нормах. То, что планировалось законодателем, может не совпадать с тем, что в действительности выражено в содержании нормы.

Как отмечал Е.В. Васьковский: «Законы представляют собой мертвые словесные формулы, существующие только на бумаге и получающие применение в жизни при посредстве органов судебной и административной властей. Для того, чтобы законы применялись именно в том смысле, какой имел в виду законодатель, и для обеспечения равенства всех граждан перед лицом закона необходимо, чтобы судьи и органы администрации понимали законы правильно и притом одинаково. То и другое может быть достигнуто соблюдением правил, выработанных теорией толкования законов» [5].

Иными словами, Е.В. Васильковский говорит об единообразном подходе, который должен быть сформирован, для обеспечения ключевого принципа права – равенства. Ведь возможны ситуации, когда законодатель предполагал одну позицию, а правоприменительный орган выбрал кардинально отличающуюся от законодателя позицию.

Большинство современных ученных говорят о том, что решением для данной проблемы связанного с ошибочным пониманием толкования могут быть устранены с принятием специального законодательства, которое бы регулировало сферу толкования права. Данный закон мог бы дать легальное понятие термину «толкование права», установить процессуальный порядок толкования норм права, а также закрепить круг субъектов толкования и разрешить ряд иных важных вопросов, которые активно поднимаются среди ученных-правоведов.

По мнению Т.Хабриева, высшей формой отражения достижений национальных юридических наук в сфере правотворчества стало принятие законов о нормативно-правовых актах, которые приняты в Азербайджане, Италии, Японии, Болгарии и ряде других государств. Учитывая отечественные достижения, что еще в 1970-е года был разработан проект такого закона, одна из последних редакций которого была взята за основу законопроекта «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» разработанного Министерством Юстиции Российской Федерации. При всем этом, в России до сих пор не издан такой специальный закон [10].

Однако, предпринимались попытки издания такого специального закона на региональном уровне. Например, Закон Республики Ингушетия от 07 декабря 1999 года № 29-РЗ «О нормативных правовых актах Республики Ингушетия» [2]. Данный закон включил в себя немаловажные аспекты, среди которых: определение понятий и видов нормативно-правовых актов, издаваемых на территории Республики Ингушетия; процессуальные порядок, связанный с подготовкой, опубликованием, действием, разъяснением, систематизацией нормативных правовых актов; закрепил порядок толкования и способы разрешения юридических коллизий; перечислены субъекты толкования; разрешен вопрос, связанный с запросами о толковании нормативных правовых актов.

На наш взгляд, более целесообразно принять на федеральном уровне закон «О нормативных правовых актах Российской Федерации», так как данный закон создал бы единые и благоприятные условия для успешного толкования правовых актов на территории Российской Федерации, положительно повлиял бы на сферы, связанные с правотворческой и правоприменительной деятельностью, закрепил бы легально ключевые понятия связанные со сферой толкования правовых актов, установил порядок и процедуру толкования правовых актов, закрепил возможность связанную с запросом о толковании нормативных актов, а также закрепил круг субъектов толкования и иные важные вопросы, которые активно поднимаются среди ученных-правоведов.

Хоть на сегодняшний день в Российской Федерации так и не был принят закон, который бы урегулировал отношения в сфере правовых актов, но мы можем говорить о том, что можно ориентироваться на зарубежный опыт, ведь немало дружественных стран, где уже принят такой закон и можно выявить определенные недочеты, которые могут возникнуть при принятии такого закона в Российской Федерации, например, взять опыт Белоруссии, где принят Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» [1]. Также, стоит уделить внимание опыту Казахстана, где уже издан второй закон о нормативных правовых актах. Основой действующего Закона Республики Казахстан от 06 апреля 2016 года № 480-V ЗРК «О правовых актах» является утративший силу Закон Республики Казахстан от 24 марта 1998 года № 213-I «О нормативных правовых актах» [3].

Полагаем, что российскому законодателю целесообразно смотреть и перенимать опыт дружественных государств, особенно стран СНГ, ведь Российскую Федерацию многое сближает с такими государствами как Республика Беларусь и Республика Казахстан, начиная от общей истории, заканчивая общими целями как во внутренней, так и во внешней политике государств.

Список использованных источников:

1. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О Нормативных Правовых Актах» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] - URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130 (дата обращения 24.10.2024) Режим доступа – открытый. Текст : электронный
2. Закон Республики Ингушетия от 7 декабря 1999 года N 29-РЗ «О нормативных правовых актах Республики Ингушетия» // Гарант [Электронный ресурс] - URL: https://base.garant.ru/34300049/ (дата обращения 24.10.2024) Режим доступа – открытый. Текст : электронный
3. Закон Республики Казахстан от 06 апреля 2016 г. № 480-V ЗРК «О правовых актах» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс] - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480 (дата обращения 24.10.2024) Режим доступа – открытый. Текст : электронный
4. Беляева О.М. Понятие и сущность толкования права // Российская юстиция. 2012. № 10. С. 35 - 39.
5. Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. / Васьковский Е. В. [Электронный ресурс] // ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ : [сайт]. — URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/82986 (дата обращения: 24.10.2024). – Текст : электронный.
6. Куликова С.А. Информационное право России [Текст] : учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям (направлениям) "Юриспруденция" и "Прикладная информатика в юриспруденции" / Куликова С.А. [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека : [сайт]. — URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004878210 (дата обращения: 24.10.2024).
7. Рассказов Л.П. Теория государства и права : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению "Юриспруденция" и специальности "Юриспруденция" / Рассказов Л.П. [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека : [сайт]. — URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004403341 (дата обращения: 24.10.2024).
8. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / Регельсбергер Ф. [Электронный ресурс] // Национальная электронная бибилиотека : [сайт]. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003680355/?ysclid=m2nsbi1j7133845694 (дата обращения: 24.10.2024). – Текст : электронный.
9. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / под общей ред. докт. юрид. наук, профессор А.С. Пиголкина. М.: ОАО «Издательский дом «Городец» «, 2003. 544 с

10. Хабриева Т.Я. Избранные труды : в 10 т. Т. 6. Теория толкования права. Теория правотворчества. Концепции развития законодательства / Российская академия наук : [сайт]. — URL: https://new.ras.ru/work/publishing/monographs/izbrannye-trudy-v-10-t-t-6-soderzh-teoriya-tolkovaniya-prava-teoriya-pravotvorchestva-kontseptsii-ra/?ysclid=m2nso50el6894828544 (дата обращения: 24.10.2024). – Текст : электронный.

УДК 348.01/.07

Богданова А. О.
обучающаяся 1 курса
Научный руководитель: Полгар М. А., ассистент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: статья посвящена историческому формированию и современному состоянию канонического права, его роли и значению в развитии правовой системы Российской Федерации. Современность канонического права характеризуется его приспособленностью к изменяющимся условиям общества и глобализации. Особое внимание в статье уделяется вопросам, касающимся взаимодействия канонического права с правовой системой Российской Федерации.

Ключевые слова: каноническое право, современность, история, правовая система, глобализация, моральные нормы.

Annotation: The article is devoted to the historical formation and current state of canon law, its role and significance in the development of the legal system of the Russian Federation. The modernity of canon law is characterized by its adaptability to the changing conditions of society and globalization. The article pays special attention to issues related to the interaction of canon law with the legal system of the Russian Federation.

Keywords: canon law, modernity, history, legal system, globalization, moral norms.

Каноническое право представляет собой уникальную правовую систему, регулирующую жизнь религиозных общин. Его история охватывает более двух тысячелетий и включает в себя множество изменений и адаптаций к современным условиям жизни.

Каноническое право еще называется церковным правом потому, что это право составляет совокупность в более широком объеме всех законов, какими Церковь обладает: как своими собственными (канонами), так и светскими (номос), относящимися к Церкви [1].

Первоначально каноническое право возникло как право христианской церкви, когда общины нуждались в правилах для регулирования своей жизнедеятельности. Нормы канонического права формировались на основе учений Иисуса Христа и решений апостольских соборов.

В IV веке каноническое право начало активно развиваться, включая в себя элементы римского права. Так, стала создаваться христианская литература, основу которой составили четыре Евангелия.

В Средние века церковь представляла собой практически независимую и автономно управляющуюся не только духовную, но и политическую организацию. Постепенно в этот период христианские правила стали закрепляться в нормы канонического права и распространяться не только на священнослужителей, но и на обычных верующих.

Реформация, начавшаяся в XVI веке, стала одним из самых значительных событий в истории развития канонического права. Так, необходимость переосмысления роли канонического права вызвали деятельность протестантских реформаторов, таких как Мартин Лютер и Жан Кельвин, которые выступали против духовной монополии католицизма. В результате Реформации возникли новые конфессии, каждая из которых разработала свои нормы и правила.

Например, кальвинизм тяготел к идеям теократии, то есть безусловного главенства духовной власти, осуществляемой от лица Бога, над светской, что повлияло на формирование новых правовых систем [2].

Принятие Кодекса канонов в 1983 году стало важным шагом к систематизации норм в каноническом праве. В условиях глобализации каноническое право сталкивается с новыми изменениями и возможностями. Глобализация приводит к изменению моральных норм и ценностей, что, в свою очередь, приводит к необходимости адаптации норм канонического права в условиях современной жизни церкви, государства и общества. Глобализация способствует обмену идеями между различными религиями, что приводит к открытому взаимодействию между каноническим правом и другими правовыми системами.

Конституция Российской Федерации гарантирует свободу вероисповедания и право на создание религиозных организаций. Это создает правовую основу для функционирования канонического права в рамках, например, Русской Православной Церкви [3].

Православное церковное право – важнейшая составляющая фундамента, на котором сформировалась российская правовая система. Его влияние на национальный правопорядок было значительным в течение практически всей российской истории, что позволяет понять, насколько сильно взаимодействие канонического (церковного) права с правовой системой Российской Федерации [4].

Ярким примером влияния религиозных норм на систему общественных отношений Российской Федерации является издание Указа Президента РФ №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5]. Проанализировав данный Указ, можно сделать вывод о том, что он подчеркивает важность религиозных организаций в жизни общества и их роль в духовном воспитании граждан, устанавливает рамки взаимодействия между государственными органами власти и религиозными объединениями, включая проведение совместных мероприятий. В данном Указе регламентируется поддержка религиозных организаций и традиционных конфессий, обеспечение их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных ценностей, противодействие деструктивным религиозным течениям. Это позволяет понять, что правовая система Российской Федерации закрепляет защиту и поддержку фундаментальных основ канонического права, как базиса развития системы общественных отношений.

Государство и право России активно регулирует деятельность религиозных организаций через законодательство. Например, ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» устанавливает правила регистрации религиозных организаций, их права и обязанности, что создает небольшой барьер, за которым нормы религиозных организаций не могут действовать [6].

Однако при рассмотрении взаимодействия канонического права и правовой системы Российской Федерации не стоит забывать о конфликтных ситуациях данного взаимодействия. Например, существуют ситуации, когда нормы канонического права противоречат нормам гражданского законодательства. Так, вопросы брака могут стать источником конфликта. Церковь может не признавать повторный брак после развода, в то время как Семейный кодекс РФ позволяет после развода вступить в брак по истечении месячного периода с момента официальной регистрации развода [7].

Подводя итоги вышесказанного, можно сделать вывод о том, что каноническое право имеет глубокие исторические корни и продолжает оказывать влияние на современное

общество. Его развитие можно проследить от появления ранних религиозных общин до современного состояния, когда каноническое право активно взаимодействует с правовой системой государства.

Каноническое право на протяжении долгого времени адаптировалось к изменениям в обществе, сохраняя при этом свои основные принципы и ценности. В условиях глобализации каноническое право продолжает развиваться и видоизменяться.

Список использованных источников:

1. Введение в каноническое право Православной церкви : по учению канонической школы / Григорий (Афонский) – Киев. 2001. – 56 с. (Библитотека журналу «Синопсис»). ISBN 966-518-013-4.
2. Религиоведение : Учебник для бакалавров / В.Ю. Лебедев, А.М. Прилуцкий, В.Ю. Викторов. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юрайт, 2013. - 611, [1] с., [17] с. ил. (Бакалавр. Базовый курс).
3. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ)//Российская газета. 1993. № 237.
4. Смыкалин А. С. Каноническое право (на примере Русской православной церкви XI–XXI вв.): учебное пособие. – Москва: Проспект; Екатеринбург, Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. – 400 с.
5. Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»//Собрание законодательства РФ. 2022. 14.11.2022. №46. Ст. 7977.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (ред. от 31.12.2014)//Собрание законодательства РФ. 1997. 29.09.1997. №39. Ст.4465.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) Собрание законодательства РФ. 1996. 01.01.1996. №1. Ст. 16.

УДК 340.122

Ибрагимов Э. Р.
студент 1 курса магистратуры
Научный руководитель. Шевченко В. И., к.ф.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОГЛОСОВАНИЯ ВОЛИ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА

Аннотация: Проблема согласования воли человека и воли государства является одной из актуальных дилеммой раздела философии права как онтология. Ведь решения государства, воли законодателя, не всегда может соответствовать тем порывам и желаниям не только определённого класса, но и отдельного индивида. Из-за различных волеизъявлений и стремлений государства, как формы организации общества, возникают противоречия, которые могут приводить к негативным последствиям. Для предотвращения такого рода негативной реальности и существует динамический

элемент правовой реальности. Но как же данный принцип правовой реальности способствует объединений воли индивида и государства?

Ключевые слова: онтология, философия права, правовая реальность, динамический аспект.

Abstract: The problem of coordinating the will of man and the will of the state is one of the current dilemmas of the section of philosophy of law as ontology. After all, the decisions of the state, the will of the legislator, may not always correspond to the impulses and desires of not only a certain class, but also an individual. Due to the various expressions of will and aspirations of the state, as a form of organization of society, contradictions arise that can lead to negative consequences. To prevent this kind of reality, there is a dynamic element of legal reality. But how does this principle of legal reality contribute to the unification of the will of the individual and the state?

Key words: ontology, philosophy of law, legal reality, dynamic aspect.

В вопросе об онтологии права можно выделить две основополагающие трактовки, два способа прочтения и понимания права, в которые, так или иначе, укладываются все философские учения о праве. Это естественно-правовая модель и эмпирико-позитивистская модель. Наименование данных моделей отсылает к различению естественного и позитивного права. Подобное разделение возникает еще в Античности, когда впервые был поставлен вопрос о том, имеет ли право своим основанием только волю законодателя, или же оно опирается на некий идеальный вечный принцип.

Своё развитие идея естественного права человека как идеального основания права была сформулирована в эпоху Нового времени. Первым из новоевропейских мыслителей, кто обратился к идее естественного права, был Г. Гроций. Он осуществляет рецепцию стоической доктрины естественного права и пытается перефразировать ее сообразно запросам своего времени. В своей знаменитой работе «О праве войны и мира» Гроций различает естественное и неизменное право на защиту свободы и собственности от права позитивного, которое может быть изменено. Однако он не предлагает полной концепции естественного права как права человека.

Эту задачу решает Т. Гоббс, который предполагал вполне реальное наличие концепта естественного человека, некоей общечеловеческой сущности, характерной для всех времен и народов. Универсалия «природы человека» означала не просто сущность человека, но человека единичного. Его естество оказывалось вне социального единства, которое виделось, прежде всего единством политическим. Новизна взглядов Гоббса на проблему естественного права заключается в том, что понимает под естественным правом права индивида – эгоистичного субъекта одиночки. Эти права вскрывает разум, но человек, по мнению Гоббса, разумен только как субъект права. Во всём остальном он не столько разумное существо, сколько дикий зверь, волк, который не может обуздать собственную эгоистичную натуру. Гоббс считал, что мышление, свободное от всех суеверий и предрассудков, мало кому доступно. Вопреки первому естественному закону - искать мира и следовать ему – люди стремятся осуществить свои узко эгоистичные интересы и превращают естественное состояние в войну всех против всех. Чтобы предотвратить социальные потрясения и беспорядки необходимо государство – это Левиафан, гигантский организм, который будет руководить населением, и предотвращать гражданскую войну между людьми. Чтобы руководить Левиафаном, необходима, по Гоббсу, «голова» в лице правителя, реализующего внутреннюю политику на основе естественно-правовых идей. То есть необходим определённый механизм [2]. Но ставится вопрос, какой именно?

Ответом на данный вопрос выступает динамический аспект правовой реальности. Динамический аспект понимается как последовательное и постоянное движение от первичных идеальных форм к знаково-информационным формам и к конкретным взаимодействиям между субъектами. Рассмотрим структуру данного аспекта правовой реальности:

1) Идея права – логически исходный компонент, который представляет абстрактно-общие определения права и выражает его смысл.
2) Позитивное право – система государственных норм, представляющая собой реализацию идеи права.
3) Правовая жизнь – конкретный уровень бытия права, когда в процессе реализации происходит переход от законов к материально-конкретным определениям.

Данный аспект в отличие от статического аспекта правовой реальности позволяет быстрее регулировать возникающие правоотношения и предотвращать либо сводить к минимуму противоречия в обществе[1].

Слияние воли индивида и воли государства через динамический аспект правовой реальности можно рассмотреть на примере правотворческого процесса. Когда народ выступает в качестве источника власти, субъекта и объекта самоуправления, способного самостоятельно устанавливать формы организации собственной власти, учреждать сферу государственно – организованного общества, определять перспективы их развития, осуществлять контроль за процессом реализации провозглашаемых целевых ориентиров. То есть индивид, и общество в целом реализует свои естественные права, закрепленные положения в Конституции, становятся участниками правотворческого процесса. Необходимо помнить, что представляет интересы народа, как избирательного корпуса, избранные ими депутаты в законодательном органе государства. Таким образом, реализуется первый элемент - идея права, когда на практике реализуется естественное право человека на свободу выбора.

Далее уполномоченные государственные органы придают идеи нормативный характер через законодательный процесс. Концепция проходит несколько стадий конечным итогом, которой является преобразование идеи в норму права обязательной для исполнения и охраняемое государством.

Последний элемент динамического аспекта – правовая жизнь, являющаяся тем самым фактором оперативности и необходимости реализации идеи, и её правового закрепления на законодательном уровне Она отображает целесообразность естественно-правовой идеи в действующих социальных реалиях, а также возможность урегулирования интересов общества и индивида с одной стороны, а с другой интересов и воли государства [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что динамический аспект правовой реальности служит концептуальным подходом для целостного осмысления сущности права в динамике. За счёт постоянного развития права и естественно-правовых идей можно оперативно регулировать те общественные отношения, которые складываются здесь и сейчас. Именно динамический аспект способствует разрешению проблемы соотношения воли человека и воли государства, что было продемонстрировано через призму правотворческого процесса. Инструментальный подход позволяет учитывать перманентно проявленные в обществе динамичные интересы, подлежащие уравновешиванию для признания права легитимным и эффективным регулятором, снимающим общественное напряжение.

Список использованных источников:

1. Завгородняя А. А. Динамический подход в современных правовых реалиях правопонимания / А. А. Завгородняя : сайт – inter-legal , 2020 – . – URL https://inter-legal.ru/dinamicheskij-podhod-v-sovremennyh-pravovyh-realiyah-pravoponimaniya (дата обращения: 21.12.2024) – Режим доступа : открытый. – Текст : электронный.

2. Почему Гоббс называл государство левиафаном : сайт – artforintrovert , 08.05.2023 – . – URL https://artforintrovert.ru/magazine/tpost/sfvhy6t281-pochemu-gobbs-nazival-gosudarstvo-leviaf (дата обращения: 21.12.2024) – Режим доступа : открытый. – Текст : электронный.

3. Стовба А.В. Динамическое правопонимание: попытка исторической экспликации / А. В. Стовба : сайт – cyberleninka , 2020 – . – URL https://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskoe-pravoponimanie-popytka-istoricheskoy-eksplikatsii (дата обращения: 21.12.2024) – Режим доступа : открытый. – Текст : электронный.

УДК34.03

Неустроева Е.О.
обучающаяся 1 курса
Научный руководитель: Полгар М.А., ассистент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация: в данной статье рассматривается значимость правового поведения в контексте современных общественных изменений и трансформации институциональных норм. Основная мысль статьи заключается в том, что правомерное поведение не только соответствует требованиям законодательства, но и активно способствует поддержанию общественного порядка и гармонии в обществе. Правомерное поведение рассматривается как важнейший фактор социальной стабильности, играющий роль в обеспечении законности и гармоничного развития общества.

Ключевые слова: правомерное поведение, понятие, состав, правонарушение, признаки, классификация правонарушений.

Abstract: this article considers the significance of legal behavior in the context of modern social changes and transformation of institutional norms. The main idea of the article is that lawful behavior not only meets the requirements of legislation, but also actively contributes to the maintenance of public order and harmony in society. Lawful behavior is considered as the most important factor of social stability, which plays a role in ensuring legality and harmonious development of society.

Keywords: lawful behavior, concept, composition, offense, signs, classification of offenses.

Значимость проблемы правового поведения определяется тем, что данная теоретико-правовая конструкция представляет собой кульминацию процесса правового регулирования, позволяющая реализовать правовые предписания в практической деятельности субъектов правоотношений. В период интенсивных общественных преобразований, охватывающих трансформацию устоявшихся институциональных и нормативных образцов поведения, а также допустимых способов удовлетворения социальных потребностей, охвативших наше общество, данный вопрос приобретает особую актуальность. Формируются новые правила правового взаимодействия. В современных условиях границы правомерного и противоправного поведения становятся более подвижными. Однако их правовое регулирование часто остается формально неизменным, существенно отставая от фактически складывающейся системы социальных процессов. [1, с.245, 15, с.222]

Правомерное поведение – это действия человека, полностью соответствующие требованиям действующего законодательства. Однако подчинение правовым предписаниям – это не просто механическое следование правилам. Оно глубоко индивидуально и определяется множеством факторов, включая жизненный опыт, систему ценностей,

правовые знания, а также нравственные установки личности. Можно выделить три основных типа поведения:

- Правомерное;
- Неправомерное;
- Индифферентное.

Правомерный и неправомерный тип поведения субъекта относятся к правовой сфере, поскольку непосредственно связаны с реализацией правовых норм, регулирующих общественные отношения. Неправомерное поведение, в свою очередь, представляет собой нарушение этих норм, влекущее за собой юридическую ответственность. Индифферентное же поведение находится за пределами правового поля. Его не регулирует право, а оценивает с помощью внеправовых критериев, таких как мораль, этика, традиции, обычаи и религиозные убеждения.[2, с.327]

Здесь ключевыми становятся понятия добра и зла, чести и совести, общественной одобряемости или порицания. Правомерное поведение, в отличие от индифферентного, не только не противоречит закону, но и активно способствует поддержанию общественного порядка и благополучия. Оно демонстрирует свободу воли индивида, но свободу, ограниченную рамками закона, и предполагает гармоничное сочетание интересов личности и государства. Это поведение является социально полезным и его основная характеристика — позитивная ответственность субъекта за совершаемые деяния и их последствия. [3, с.504]

Более того, правомерное поведение характеризуется сознательным и активным выполнением требований закона, не являясь просто пассивным их соблюдением. Структура правомерного поведения включает в себя несколько основных элементов:

- Субъект (лицо, совершающее действие);
- Объект (то, на что направлено действие);
- Объективная сторона (самое действие, его внешние признаки);
- Субъективная сторона (внутреннее состояние субъекта, его мотивы, цели, умысел или неосторожность). [9, с.627]

Концептуально важным, по моему мнению, представляется утверждение о том, что субъективная сторона правомерного поведения, в отличие от неправомерного, обычно характеризуется отсутствием противоправного умысла. Даже если действия субъекта формально соответствуют закону, но совершаются с целью обмана или злоупотребления, они могут быть признаны неправомерными в контексте других норм права. Заинтересованность общества в обеспечении правопорядка является фундаментальным фактором, стимулирующим правомерное поведение. [8, с.260]

Массовость, как характеристика правомерного поведения, подчеркивает его распространенность и важность для функционирования общества. Только когда значительная часть населения сознательно и активно соблюдает законы, возможно устойчивое функционирование правовой системы. [4, с.502, 15, с.222]

Правомерное поведение является важнейшим фактором социальной стабильности. Выделяют несколько видов правомерного поведения, классификация которых может быть различна в зависимости от подхода. Наиболее распространённая классификация подразделяет правомерное поведение на:

1. Социально-активное поведение. Это осознанное и целенаправленное поведение, направленное не только на соблюдение, но и на активную реализацию правовых норм. К данной группе относятся действия, направленные на обеспечение правопорядка, законности, защиту прав и свобод личности, государства и общества. Например, участие в общественной жизни, выступление в защиту прав человека, сообщение о преступлении, активное участие в выборах, добровольная благотворительность, соблюдение правил дорожного движения из стремления к безопасности и порядку на дорогах. [10, с.644]
2. Социально-пассивное поведение. В этом случае субъект воздерживается от совершения противоправных действий не из внутреннего убеждения или понимания

важности закона, а из-за страха наказания или боязни ответственности. Данное поведение подразумевает внешнюю, а не внутреннюю, мотивацию субъекта на совершение определенных действий. [11, с.91]

3. Привычное поведение. Это соблюдение правовых требований, ставшее привычкой благодаря воспитанию, длительному опыту и внутреннему убеждению в важности соблюдения правовых норм. В этом случае соблюдение закона приобретает характер автоматизма, но основано на внутреннем убеждении в его важности. [5, с.388]

Значимость правового поведения в современном обществе трудно переоценить. Оно выступает фундаментом стабильности, законности и гармоничного развития. По мере трансформации общественных отношений, возрастает и роль каждого гражданина в поддержании правопорядка. [6, с.449]

Развитие правовой культуры, осознанное соблюдение законов, а также активное участие в общественной жизни – это не только обязанность, но и возможность внести свой вклад в построение справедливого и процветающего общества. Правомерное поведение, во всех его формах, является проявлением гражданской зрелости и ответственности, необходимым условием для успешного функционирования правового государства. [7, с.431]

Совершенствование правового образования, повышение уровня правосознания и формирование уважительного отношения к закону – это приоритетные задачи, стоящие перед обществом и государством. Инвестиции в правовую культуру – это инвестиции в будущее, в стабильность и благополучие страны.

В этой связи, необходимо отметить важность взаимодействия государства и гражданского общества в процессе формирования правового поведения. Государство должно обеспечивать доступность и понятность законодательства, а также создавать условия для его соблюдения. Гражданское общество, в свою очередь, играет ключевую роль в процесс осуществления социального контроля за деятельностью государства и в формировании общественного мнения относительно правовых норм. [12, с.330]

Таким образом, проблема соотношения состоит в необходимости точного определения критериев, позволяющих однозначно классифицировать действие как правомерное или неправомерное, чтобы избежать путаницы и обеспечить справедливость правовой системы.

Список использованных источников:

1. Василенко, А.И., Максимов, Н.М. Теория государства и права: учебник / А.И. Василенко, М.В. Максимов. – Москва: Книжный мир, 2007. С. 384
2. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник / С. А. Комаров. - Санкт-Петербург: Питер, 2012.С. 607.
3. Малахова, В. П. Теория государства и права. Введение в юриспруденцию: учебник / В. П. Малахова, С. В. Долгушина. - Москва: Дашков и К, 2012. С. 127
4. Малько, А.В. Теория государства и права: учебник / А.В. Мальков. – Москва: КНОРУС, 2008. С. 592
5. Мартышин, О.В. Теория государства и права: учебник / О.В. Мартышин. – Москва: Норма, 2007. С. 496
6. Марченко, М.Н. Общая теория государства и права: [монография] / отв. ред. М.Н. Марченко. — Т. 3. Государство, право, общество. — Москва: Норма, 2007. С. 698.
7. Марченко, М. Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник: в 2 т. / М. Н. Марченко. - Москва: Проспект, 2008. - Т. 2: Право. С. 656.
8. Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. - Москва: Юристъ, 2001.С. 776.
9. Перевалов, В. Д. Теория государства и права : учебник / В. Д. Перевалов. — Москва: Норма, 2008. С. 384.
10. Строгович, М. С. Логика: учебник для высших учебных заведений / М. С. Строгович. - 5-е изд., стер. - Москва: URSS : ЛЕНАНД, 2010. С. 375.

11. Сырых, В.М. Проблемы теории государства и права: учебник / В.М. Сырых. – Москва: Эскмо, 2008. С. 525

12. Темнов, Е.И. Теория государства и права: учебник / Е.И. Темнов. - Москва: Зерцало, 2007. С. 384.

13. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. - Москва: Госюриздат, 1946. С. 363.

14. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права: учебник для вузов / В. Н. Хропанюк. - Москва: Дашков и К, 2008. С. 381.

15. Червонюк, В. И. Теория государства и права: учебник / В. И. Червонюк. - Москва: ИНФРА-М, 2007. С. 704.

УДК 343.215

Суховеева Е.К.
обучающаяся 1 курса
Научный руководитель: Сильванович Ю.Н. ассистент кафедры истории и теории государства и права,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Институт «Таврическая академия»
г. Симферополь

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА»: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация: В работе изучается вопрос о понимании термина национальных меньшинств на основе мирового и отечественного опыта, о многообразии подходов к определению ключевых видовых отличий. На основе проведённого исследования анализируется структура закрепления прав этнических меньшинств в конституционном законодательстве разных стран.

Ключевые слова: национальные меньшинства, понятие, права этнических групп, конституционное законодательство.

Abstract: The work examines the understanding of the term national minorities on the basis of international and domestic experience, of the variety of approaches to the definition of key species differences. Based on the conducted research, the structure of the consolidation of the rights of ethnic minorities in the constitutional legislation of different countries is analyzed.

Keywords: national minorities, concept, rights of ethnic groups, constitutional legislation.

В нормативно-правовых актах современности конкретного понятия «национальное меньшинство» не выделяется, в связи с чем возникает ряд неопределенностей и в процессе правоприменения. В условиях отсутствия единой дефиниции достаточно проблематичным является также установление принадлежности конкретных групп людей к этническим меньшинствам. Существуют неформальные критерии, выделяемые правоприменителями, однако их многообразие может приводить к дискриминации тех, кто под созданный оценочный признак не подпадает. Отсутствие четкого толкования приводит и к случаям игнорирования прав в отношении национальных меньшинств. Невозможность урегулирования данного вопроса согласно действующему законодательству приводит к необходимости рассмотрения мнений мировых правоведов для проведения анализа изучаемого определения.

Дефиниция термина «национальное меньшинство» в работах исследователей различается в зависимости от источника его происхождения. Отечественный опыт правовой

науки трактует данное понятие исходя из исторических предпосылок формирования конкретных групп людей, в то время как зарубежное сообщество опирается на чувство самобытности или территориальную принадлежность при его определении.

В трудах польского учёного В. Чаплинского была высказана точка зрения о зональном отношении к вопросу: «Национальное меньшинство — это национальная группа, консолидированная и живущая в одном из регионов государства (из чего вытекает её естественное стремление к получению автономии)»[1]. Преимуществом приведенного подхода к толкованию является содержание двух основных видовых отличий термина: подчеркивается как объединение группы людей по этническому принципу, так и характерный зарубежной правовой мысли аспект пространственного отношения.

Важность территориальной принадлежности для понимания статуса национальных меньшинств подчеркивают и международные стандарты, указывая на группы людей, которые не только имеют отличительные культурные черты, но и проживают на территории, где они составляют меньшинство по сравнению с другими этническими группами [2, с. 51].

Ключевое значение данного фактора упоминается в тексте «Большой российской энциклопедии», национальные меньшинства позиционируются как «постоянно проживающие на территории государства компактные этнические группы, имеющие свои язык, обычаи и традиции, формы быта» [3]. Однако большее внимание отечественные учёные уделяют этнической идентичности.

А. Здравомыслов в социологическом ключе выделяет видовое отличие толкования на основе общей истории, языка и культурных традиций, которые создают чувство принадлежности к определенной группе [4, с. 33]. В данном определении подразумевается наличие специфических интересов и потребностей, учет подобного рода факторов является важным требованием к законодательству любого государства.

Конституция Российской Федерации дефиниции исследуемого термина не выделяет, однако в основном законе государства содержится достаточно широкое описание и регламентация прав представителей национальных меньшинств, проживающих на территории страны: «Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия» [5], что демонстрирует вектор национальной политики России.

В тексте Конституции РФ закреплено положение о гарантии прав коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, показывающее единство национальной политики России с мировыми тенденциями развития этого направления.

Принятие 18 декабря 1992 года Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций способствовало созданию единой концепции отношения государств к этому вопросу, что нашло свое отражение в действующем законодательстве.

Зарубежное конституционное право в значительном объеме регулирует права меньшинств, характер этого управления зависит от национальных особенностей каждого государства. Несмотря на мировые декларации, статус национальных меньшинств по-прежнему зависит от политики страны в этом отношении.

Так, например, Конституция Республики Словения выделяет исключительные права некоторых национальных сообществ: гарантия широкого круга прав в соответствии с действующим законодательством по 65 статье обуславливается особым положением исследуемых групп в территориальном аспекте [6, с. 18]. Это демонстрирует особое отношение государства к исследуемой группе, законодательство страны закрепляет и регламентирует её статус, но вопрос о составе остаётся нераскрытым ввиду отсутствия термина, обозначающего конкретных представителей.

Рассматривая концепцию индивидуализации подхода к определению статуса национальных меньшинств, нельзя не упомянуть французское законодательство. Унитарная

Республика отрицает любые проявления этнических меньшинств, деля население на французов и иностранных представителей, и, единственная из стран Европейского союза, не ратифицирует Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств [7]. Соответственно, исследуемого определения в конституционном законодательстве Франции не существует.

Таким образом, закрепление прав национальных меньшинств как в мировом, так и в отечественном праве позволяет сделать вывод об особенном положении данных групп людей. Этнические меньшинства представлены во всем мире в различном численном представительстве, что и обуславливает многообразие подходов к регулированию в действующем законодательстве. Само различие в статусе в связи с территориальными, культурными или историческими особенностями объясняет наличие широкого подхода учёных к определению исследуемого термина. При этом отсутствие толкования в конституционном праве вызывает ряд трудностей, связанных с регламентацией представителей данных групп, что приводит к возникновению правовых коллизий.

В действующем конституционном законодательстве термин «национальное меньшинство» может быть закреплен в качестве дополнения к уже существующим тематическим блокам, содержащим информацию о регламентации прав и свобод приведенных групп людей, тем самым будет произведена регламентация правового статуса анализируемой категории в наиболее полном объёме.

Сущность вышеизложенного сводится к необходимости выделения дефиниции термина с учетом изученных правовых парадигм. Так, на наш взгляд, «национальное меньшинство» — исторически сложившаяся группа людей, проживающих на постоянной основе на территории конкретного государства, имеющая отличительной чертой уникальные культурные особенности, нуждающиеся в сохранении и защите как представителями данной общности, так и государством, чем и выделяется из основного состава населения страны.

В заключение важно отметить, что термин «национальное меньшинство» может совмещать в себе как и зональные особенности, упоминаемые зарубежными учёными, так и исторические факторы, связанные с культурным развитием конкретных групп, закрепленные в определениях отечественных деятелей науки.

Список использованных источников:

1. Чаплинский В., Вырозумская А. Международное публичное право [Текст] / Чаплинский В., Вырозумская А. — 2-е изд. — Варшава: C.H.Beck, 2004 — 781 с. (дата обращения: 15.03.2025)
2. Права меньшинств. Международные стандарты и руководство по их соблюдению. Нью-Йорк и Женева, 2010 г. // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.refworld.org/ru/reference/themreport/ ohchr/2010/ru/79004 (дата обращения: 15.03.2025)
3. Чиркин В. Е. НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА // Большая российская энциклопедия. Электронная версия – 2017 г. // URL: https://old.bigenc.ru/law/text/2253356 (Дата обращения: 15.03.2025)
4. Здравомыслов А.Г., Цуциев А.А. Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм // Социологический журнал – 2003. – №3. – с. 20-51. // URL: https://www.journal-socjournal.ru/index.php/ socjour/ article/download/801/755 (дата обращения 16.03.2025)
5. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 16.03.2025)

6. Конституция Словении (Республики Словения): [принята 23 декабря 1991 года Парламентом страны на заседании Государственного Собрания] // – URL: https://legalns.com/download/ books/cons/slovenia.pdf (дата обращения: 16.03.2025)
7. Права этнических меньшинств / [Электронный ресурс] // Evil Solidare – 2024: [сайт]. – URL: https://exil-solidaire.fr/minoritesethniques (дата обращения: 16.03.2025).

УДК 93; 342

Теребилов Д.А.
курсант 2 курса
Научный руководитель: Кисс С.В., к.ю.н. старший преподаватель государственных и гражданско-правовых дисциплин
Крымский Филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь

ВЛИЯНИЕ ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН НА ФОРМИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. Автором рассматриваются влияние теоретико-исторических дисциплин на формирование юридического мышления обучающихся по юридическим специальностям. Автором рассматриваются основные вопросы формирования профессионального юридического мышления в процессе получения юридического образования.

Ключевые слова: теоретико-исторические дисциплины, юридическое образование, мышление, юридическое мышление.

Annotation. The author considers the influence of theoretical-historical disciplines on the formation of legal thinking of students of legal specialities. The author considers the main issues of formation of professional legal thinking in the process of legal education.

Key words: theoretical-historical disciplines, legal education, thinking, legal thinking, education.

Одно из приоритетных направлений деятельности учреждений системы обучения высшего образования — это воспитание, обучение, подготовка и достойный выпуск уже сформированного профессионала своего дел по тому профилю подготовки, по которому шло обучение. Это обучение должно предусматривать в себе проработанные, ограненные границы теоретической базы и практики в процессе обучения, с помощью которых у будущего специалиста образуются все необходимые для работы навыки. При этом стоит отмечать, что при подготовке специалиста, обучение не должно происходить только по его профильным предметам, ведь в будущей практической деятельности юриста, могут возникать ситуации, когда ему необходимо использования знания из дисциплин и отраслей [2], на которых идет упор на общеобразовательные сведения. Они являются базой будущего правоведа, ведь они служат фундаментом для построения будущего специалиста и его направления обучения. В порядке доказательства данного утверждения считаем необходимым рассмотреть влияние теоретико-исторических дисциплин, изучаемые программе подготовки будущих правоведов в высших учебных заведениях, на формирование юридического мышления.

Учитывая точку зрения общеобразовательных дисциплин, социологические науки, которые рассматривают отношения в обществе, регулятором которых выступает правовая норма, формируют комплексную взаимосвязанную систему юридических наук, так называемое – правоведение.

В этой комплексной системе, эти науки могут группироваться по характерным признакам, образуя взаимосвязанные категории:

1. теоретико-исторические науки;
2. отраслевые науки;
3. специальные (межотраслевые) науки;
4. прикладные (вспомогательные) науки;
5. науки, изучающие зарубежные государственно-правовые системы;
6. науки, изучающие международное право.

В теоретико-исторических науках основополагающим является изучение общих принципов создание и работы разных государственно-правовых комплексов, предметом изучения которых, являются теоретические концепции, лежащие в основе формирования государства и права [1, с. 133], и методология познания правовой реальности. К теоретико-историческим юридическим дисциплинам относятся: «Теория государства и права», «История государства и права», а также «История России», рассматриваемая в контексте теоретико-правовых подходов, релевантных для Российской Федерации [3, с. 121].

«Теория государства и права», являясь фундаментальной теоретической дисциплиной в области юриспруденции, включая систему государства и права, рассматривает в своем изучении основные понятия, принципы, методы, которые возникают в процессе построения и развития любого государства, а также правовой системы в этом государстве. Структура, зарождение и ход развития вышесказанного предмета изучения теории государства и права сопрягают с определенными историческими периодами. «История правовых учений» исследует процесс развития правовых принципов, методов, теорий, ученых прошлого и нынешнего. В рамках данной теоретико-правовой юридической науки исследуются мнения научных деятелей, которые выдвигают идеи о проблематике создания, работы и прогресса государства и права, а также выделяются теоретические примеры «идеальных» государственно-правовых систем.

Дисциплины, которые изучают государственно-правовые структуры иностранных государств, исследуют идею возникновения и развития государственных институтов, отличительные черты системы и объема конструкции правового влияния к зарубежным странам. В эту категорию правоведческих дисциплин относятся: «Конституционное право зарубежных стран», «Сравнительное правоведение», «Римское право», «История государства и права зарубежных стран» и др.

Всеобщая история теоретико-исторических учений – это одна из составляющих социальной и моральной культуры человеческой общества. Для обучающихся юридического высшего учебного заведения изучение исторических и правовых идей является действительно необходимо. В этой теоретико-исторической дисциплине сформирован большой юридический багаж знаний прошлых поколений, в котором отображаются главные области, периоды и итоги исследований в прошлом. Сформированный общественный опыт отлично отображает правоведу характер и итоги, результативность и приемлемость правовой концепции [2]. Насколько она эффективна проявила она себя на практике. Это тот период, когда теоретические знания и идеи терпят проверку себя в течении определённого времени. Отсутствие теоретико-исторической дисциплины в процессе получения высшего образования будущим специалистам в области права, не позволит им внять всю сущность правой системы на этапах идей ее создания и дальнейшего развития, а также ее влияние на саму структуру права в общем. Только становящемуся в области права студенту в полной мере необходимо изучать всю историю развития права, включая идеи и мысли своих коллег, ведь они привнесли большой в клад в развития права и правовой системы, создав фундамент для будущих поколений, выстроив причинно-следственные связи и круг проблем. Такие предметы, методы опыт прошлых поколений необходимы в современном обществе.

Невозможно теоретическое понимание и вникание профильной дисциплины без общих теоретических развивающих основ. Научные деятели прошлого оставили нам не

только свой багаж изученного и проанализированного материала, но и выстроили способы правильного подхода к изучению. Для получения юридически верной правильной точки зрения юристу необходима теоретическая база.

Для создания и развития морально здоровой, цивилизованной точки зрения необходимо представлять и чувствовать основополагающие исторические и культурные моменты в разрезе опыта прошлых поколений. Все это даст верный путь, чтобы миновать лишние и случайные ошибок в юридической жизни. Эти знания создают плацдарм для правильного выбора в своей научной и практической жизни, чтобы в дальнейшем не пришлось понести правовую ответственность за неправильно принятое решение, а также моральное и нравственное осуждение со стороны общества. Рассматривая будущих студентов, зарождается такая тенденция, что именно они будущее правоведения, поскольку именно они, это ключ к появлению новых правовых методов, идей и принципов, которые смогут улучшить жизнь общества.

Учитывая все ранее сказанные аргументы, в пользу изучение теоретико-исторических дисциплин, можно сделать вывод о том, что с помощью знаний, которые они дают, будущие специалисты в области права смогут более обширно и точно разбираться в правовых проблемах, поскольку сравнивая их, через призму прошлого, они смогут, если не увидеть ответ, то найти правильный путь решения, что позволит им наиболее практично помогать обществу и государству.

Список использованных источников:

1. Грачева Ю.А. Проблемы формирования новых отраслей и институтов права в российской правовой системе / Ю.А. Грачева, Е.В. Санадальникова // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее: сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 3-х ч. Ч. 3 / отв. ред. Г.Ю. Гуляев. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – 318 с.
2. Малый А.Ф., Логунова С.О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Образование и право. 2021. №2. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-prava-i-pravovye-instituty-v-sovremennom-rossiyskom-prave-i-osobennosti-ih-formirovaniya
3. Рубаник С. А. История государства и права и история учений о праве и государстве: некоторые проблемы соотнесения / С. А. Рубаник // Вестник Самарского юридического института. – 2013. – № 2(10). – С. 120-123.

УДК 340

Щигарев Д.Ю.
обучающийся 1 курса
Научный руководитель: Анохин А.Н., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОГО ПОЗИТИВИЗМА С ЕСТЕСТВЕННЫМ ПРАВОМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В современном мире активно развиваются различные подходы к пониманию права, а потому устоявшаяся правовая система перестаёт также эффективно справляться с регулированием государственно-правовой реальности. Цель

данной работы в выявлении недостатков одностороннего подхода к пониманию права как средства принуждения в современном обществе. Для изучения использованы исторические и теоретические методы исследования, которые привели к выводу о преимуществах совмещения нескольких подходов к пониманию права для эффективного функционирования современной правовой системы.

Ключевые слова: право, правовая норма, правовая система подход к понимаю права, естественные права, воля государства, принуждение, личность

Abstract. In the modern world, various approaches to understanding law are actively developing, and therefore the established legal system also ceases to effectively cope with the regulation of state-legal reality. The purpose of this work is to identify the shortcomings of the unilateral approach to understanding law as a means of coercion in modern society. Historical and theoretical research methods were used for the study, which led to the conclusion about the advantages of combining several approaches to understanding law for the effective functioning of the modern legal system.

Keywords: law, legal norm, legal system, approach to understanding law, natural rights, will of the state, coercion, personality

Формирование первых правовых доктрин относят к периоду III–IV веков до нашей эры и работам Апия Клавдия и Гнея Флавия, являющимся древнеримскими юристами. Они и их современники относились к римскому праву с практической точки зрения, рассматривали регулятивную функцию права на основах справедливости как основу деятельности правовой системы. Документы и обряды обладали строгим формализмом, любое несоответствие эталону могло быть сочтено за основание для потери актом юридической силы. Крайне важно осознать контекст и эпоху времени, поскольку этим характеризуются особенности правовой системы. В обществе, построенном с участием рабов, основными обсуждениями пользуются лишь вопросы имущественного, обязательственного или уголовного характера, поскольку о равенстве всех людей и речи идти не могло. Несмотря на это, римское государство часто называют демократичным, хоть к полноценному политическому участию и допускались лишь патриции (потомки коренных жителей Рима), что делало из них некий аристократичный социальный слой.

Данное отношение к праву сохранялось долгие столетия, будь оно в первичной или вторичной форме. Эта система удобна в государствах, строящихся на власти единоличного главы государства или небольшой группы людей, а также в государствах с элементами рабского труда или крепостного права. Именно по этим причинам понимание права как средства принуждения было основным более двух тысяч лет.

Ситуация начала меняться лишь к концу XVIII века, когда простые люди, крестьяне, молодая интеллигенция и даже рабы начали осознавать своё положение в обществе с точки зрения права. Правовые системы Европы начали видоизменяться так резко (в масштабах развития права до XVIII века), что существующие на тот момент правовые доктрины шли буквально на эксперименты. Этим обусловлены новые подходы к понимаю права, поскольку имеющиеся на тот момент познавательные и идейные доктрины уже были не в состоянии представить на должном уровне функционирование и развитие государственно-правовой системы. Получили новое развитие естественно-правовой подход к пониманию права, либеральный, нормативный и даже теократический.

Отношения между личностью и государством постепенно трансформировались, так как в своей эволюции человек освобождался от рабства, форм несвободы, обретал равенство перед законом, права и свободы независимо от своих природных и социальных качеств. Это послужило основанием для появления разрешительного типа правового регулирования, обращённого к государству и его органам. Равноправное, свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. Признавая гарантией и признаком права принуждение с одной стороны, с другой – правовое принуждение само по себе

гарантировать право не способно. Принуждение ставит человека в такое положение, когда у него нет выбора иных вариантов поведения. Действуя по принуждению, он ведёт себя в интересах принуждающего и вопреки своей воли [1].

Хочу подметить, что идея позитивного права как средства принуждения является лишь его внешней (регулятивной формой), в то время как за внутреннее содержание права отвечает его сущностная (естественно-правовая) форма. Идеи и принципы естественного права обретают практический смысл лишь в совокупности с нормами позитивного права. Об этом говорит и то, что мыслители, придерживающиеся естественно-правовой доктрины (такие как Томас Гоббс, Джон Локк и Шарль Луи Монтескье), не умаляли заслуг позитивного права. По их мнению, его развитость напрямую зависит от соответствия естественному праву. Возвращаясь к идеям римлян, хочется напомнить, что они выделяли справедливое право, как полноценный источник, а идеи справедливости вытекают из понятия морали, общечеловеческих ценностей и соответственно естественного права. Это позволяет нам понять, что позитивное право так или иначе изначально включало в себя в качестве смыслового аспекта идеи естественного права.

Вопрос действия согласно своей воли и естественно-правовой подход к пониманию права становились особенно актуальными в XX веке и продолжают бороться за первенство сегодня. Стоит отметить, что в условиях демократии, коей сегодня является большинство государств мира, эта “борьба” облегчилась, а понимание права как средства принуждения ослабло, уступая место естественным правам личности, но отнюдь не перестало быть полноценным регулятором современного общества. Для этого есть множество причин от всемирного переосмысления права, осознания людьми своей фундаментальной важности и свободы, массовой демократизации в условиях глобализации и негативное отношение числа учёных к общей теории государства и права современного общества. Да, некоторые современные исследования говорят о том, что нарастают деструктивные настроения в отношении современного базиса юриспруденции. Связано это как с его сложностью, так и непрактичностью, поскольку основное место в теории государства и права выделяется под юридический позитивизм, что не отражает в полной мере государственно-правовую ситуацию в мире.

В современных реалиях нашего времени идея естественных и неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина нашла своё отражение в национальном законодательстве, а также и в международных правовых актах. Так, Всеобщая декларация прав и свобод человека от 10 декабря 1948 года в статье 3 закрепляет, что “каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность”. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года закрепляет положение о том, что “никто не может быть намеренно лишён жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание” [2, с. 84]. Это даёт нам понять, что право всё больше становится средством защиты, гарантий безопасности личности и инструментом осуществления своей воли, а не системным формальным инструментом для подчинения граждан воле государства. Данный процесс проходит постепенно, а потому тяжело судить о положительных или негативных аспектах такого изменения, но уже сейчас наверняка понятно, что это не отдельная тенденция, а полноценное направление современной юриспруденции, на котором строится базис правовых государств, поскольку сам институт народовластия, являющийся одним из важнейших элементов демократии, исходит из ценности личности для государства, а не стремления к его принуждению. Несмотря на признание человеческой ценности, государство не прекращает попыток ограничивать людскую волю через принуждение законом к тому или иному действию или бездействию. Это хорошо видно в тех же положениях, что были приведены выше, где сказано, что естественно-правовые ценности утверждаются, но поддерживаются судебной силой государства, выстроенной на силе принуждения с принципами справедливости и гуманности.

Таким образом, можно сделать выводы о дальнейшем развитии правовой системы и идеи права как средства принуждения. Однозначно сказать можно о том, что односторонний подход к понимаю права как средства принуждения в современном обществе не работает и больше не будет работать так же эффективно, как это было всю историю права до этого. Праву необходимо сжиться с идеей того, что оно находится в тонкой грани между изъявлением воли государства и гарантией прав человека. Людям свойственно хотеть большего, а потому их желания так или иначе начинают расти, требуя всё новых и новых прав и свобод, что уже сегодня происходит в странах Запада. Накопление данного эффекта будет приводить к изменениям правовых систем, которые постараются защититься и ужесточат правовой статус человека и гражданина, или же не смогут выстоять и ещё больше ослабят принудительную силу права, чтобы снизить общественное напряжение. К сожалению, народ не понимает правовую ситуацию так же хорошо, как это делают профессиональные политики, находящиеся у власти, а потому и не понимает последствий. В этот момент важно, чтобы власть находилась в руках сильного лидера или сильной группы, способной восстановить баланс в обществе. Для развития современной правовой системы важно модернизировать интеграционный подход к понимаю права, который объединяет в себе все те положения, что важны обществу и государству, а также не позволяет одной из сторон применять право лишь в своих интересах, ликвидируя проблему одностороннего подхода к праву как средства принуждения.

Список использованных источников:

1. Актуальные проблемы государства и права // Образовательный портал «Справочник». Дата написания статьи: 09.04.2021. — URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/aktualnye_problemy_gosudarstva_i_prava (дата обращения: 22.03.2025).
2. Палеха, Р. Р., Бокова, А. О. "Естественно-правовая школа правопонимания: идейно-мировоззренческие и нормативные основания" / Р. Р. Палеха, А. О. Бокова // "Право и государство: теория и практика". — 2023. — № 4. — С. 83–85.

УДК 342.72/73

Адельсеитова А.Б.
кандидат юридических наук, доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В США: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье на основе анализа ряда трудов автор анализирует правовой статус парламентской оппозиции США. Подробно рассматриваются особенности функционирования и правового регулирования статуса парламентской оппозиции в Палате представителей и Сенате Конгресса. Определяется особая роль реальной и лояльной парламентской оппозиции в США.

Ключевые слова: Парламент, оппозиция, США, президентская республика

Abstract. In the article, based on the analysis of a number of works, the author analyzes the legal status of the US parliamentary opposition. The specifics of the functioning and legal regulation of the status of the parliamentary opposition in the House of Representatives and the Senate of the Congress are considered in detail. The special role of the real and loyal parliamentary opposition in the United States is being determined.

Keywords: Parliament, opposition, USA, presidential republic

В условиях глобализации вопрос о расстановке политических сил в стране становится все более актуальным. В Соединенных Штатах Америки (далее США), в стране с демократическим политическим режимом, на последних выборах президента народ США отдал предпочтение представителю республиканской политической партии тем самым продемонстрировав устойчивую гражданскую позицию. Однако, на современном этапе политического процесса в США наблюдается характерное протестное движение, тысячи людей вышли на митинги против политики 45-го (2017—2021) и 47-го (с 20 января 2025 года) президента США Дональда Трампа. По мнению американских исследователей Джанда К., Берри Д., Голдмана Д., Хула К. «вопреки распространенному мнению, что американцы безразличны к политике, они больше расположены к участию в акциях политического протеста различного рода, чем граждане в других демократических странах» [1, 204-205]. США являются страной с двухпартийной системой. Характеризуя взаимосвязь между партийной системой и организацией работы Конгресса США, Смит Дж. приводит цитату в своей работе Лови и Гинзбурга, по которой Конгресс является “организационным чудом” и важной частью чуда является неизменность партийной системы [2, с. 70].

Двухпартийная система в США имеет свои особенности, обусловленные содержанием партийных программ двух основных партий – Республиканской и Демократической. Так, существует мнение, если в Великобритании приход к власти лейбористов вместо консерваторов, как правило, всегда приводит к резкой активизации социальной функции государства, очередной волне национализации, перераспределению бюджетных ресурсов, изменению налоговой политики и т.д., то в США амплитуда колебаний глубины реформ в случае смены у власти республиканцев и демократов меньше [3, С. 173]. Однако на современном этапе можно не согласиться с этим тезисом, так как за последнее время в политическом процессе США происходит ряд событий, которые именно затрагивают существенные изменения и серьезные реформы, которые явно стали неожиданностью не только для народа США, но и в том числе для представителей самой правящей партии республиканцев.

Характеризуя статус парламентской оппозиции следует отметить ряд организационно-правовых вопросов, которые существенно влияют на регламентирование деятельности и возможности доминировать в парламенте на различных этапах. В этом аспекте следует отметить, особенности двухпартийной системы США, а также способ формальной организации и особенности деятельности оппозиции обусловлены, как справедливо отмечает Павленко Р., формой правления в государстве [4, С. 4-5].

Именно особенности президентской республики, которой являются США, отмечают Слиска Л. и Динес В., заключающиеся в том, что правительство и его председатель – президент, избираемый на общенациональном уровне, не зависят или “полузависимы” в своих действиях от воли парламента, и определяют то, что оппозиция в этом государстве (и в других президентских и полу президентских республиках) действует в двух направлениях: в одном случае она стремится превратиться в парламентское большинство, в другом – добиться должности президента [5, С. 9]. Но не только это обстоятельство определяет особенности построения оппозиции в Конгрессе США. К другим таким обстоятельствам также можно отнести отсутствие строгого голосования по партийной принадлежности, а также то, что, согласно исследованиям американских политологов, самое главное для конгрессменов – быть переизбранным. Такая ситуация приводит к формированию и существованию в Конгрессе двух самостоятельных политических явлений: формальной политической оппозиции, формирующейся по отношению к президенту непосредственно после выборов в Конгресс, и может иметь парламентское большинство или меньшинство в обеих Палатах или в одной из них.

А также существует реальная политическая оппозиция: она образуется в Палатах конгрессменов по отношению к президентской администрации при голосовании по какому-

либо законопроекту (или поправке) и только в отношении данного вопроса. В случае голосования по другому проекту, она формируется заново (совпадая также и с партийным разделением) с учетом сложившейся политической ситуации. Подобное расхождение формальной и реальной оппозиции позволяет говорить о существовании в Конгрессе США неоднородной политической парламентской оппозиции [5, С. 12]. То есть, как справедливо отмечает Рысич И., разделение на правящие и оппозиционные силы в США имеет весьма условный характер [6, С. 76]

В США действует принцип лояльной оппозиции. Частично он обеспечивается спонтанно, благодаря особенностям политической культуры и традиции двухпартийных обществ, частично – через механизмы политической социализации, частично – через определенные институциональные препятствия для распространения влияния радикально-оппозиционных партий, такие как: мажоритарная система выборов с одномандатными округами, открытый характер членства в основных партиях, их опыт в перехватывании требований третьих партий и включении их в свои программы, система финансирования выборов и прочее. Партиям в Капитолии, как отмечает Лафитский В. И., принадлежит заметная роль [7, С. 311]. Партийная организация каждой из палат Конгресса структурно представлена следующим образом: лидеры большинства и меньшинства, “плети”, политические комитеты и конференции (кокусы) партий [7, С. 311].

Рассмотрим подробно особенности функционирования и правового регулирования статуса парламентской оппозиции в Палате представителей и Сенате Конгресса. Так, важнейшими источниками регламента Конгресса США являются постоянные правила, обычаи и прецедент [8, с. 28]. С регламентом официальных органов неразрывно связаны обычаи, прецеденты и некоторые писаные правила (регламенты партийных фракций и т.п.), на которых основывается структура, деятельность и полномочия партийных органов. Это обусловлено тем, что повседневная деятельность партийных органов неотделима от деятельности официальных органов Конгресса и в большинстве случаев проводится на основе правил регламента палаты в той степени, в которой эти правила могут быть применены к партийным органам [8, с. 17].

Партийная организация Палаты представителей во многом аналогична английскому варианту. Партийные фракции избирают соответственно лидеров большинства и меньшинства. Так, самый влиятельный представитель большинства становится спикером палаты, официальный лидер преобладающей фракции фактически выступает в качестве его заместителя. Вместо этого лидер меньшинства является действительным лидером своей фракции [9, стр. 134]. Следует особое внимание уделить также роли лидера партии в партийной организации Конгресса. В правилах Палаты представителей (так же, как и в правилах Сената) нельзя найти упоминание о той важной роли, которую играют в обеих палатах партийные лидеры большинства и меньшинства [10, с. 142]. В. И. Лафитский отмечает, что функции и статус лидеров меньшинства и большинства в Палате представителей мало чем отличаются [7, С. 312]. Единственное существенное различие между ними заключается в том, что в иерархии своей партии лидер меньшинства этой палаты является первым лицом, а лидер большинства (в иерархии палаты) – вторым после спикера, хотя и не является его должностным лицом. Функции лидера меньшинства, как и лидера большинства ни в одном из актов не определены. Но роль его довольно весомая. Он отвечает за планирование партийной стратегии, единство фракции в законодательной деятельности, за связи с общественностью и прессой. В выполнении задач, поставленных перед лидерами большинства и меньшинства, особая роль принадлежит “кнутам” – выборным партийным функционерам. Они осуществляют функции соединяющего звена между руководством и рядовыми членами фракций [7, С. 312]. Организация партийных органов верхней палаты во многом совпадает с той, которая существует в Палате представителей. Она также включает такие структурные элементы, как лидер большинства и меньшинства, “плети”, политические комитеты и конференции. Во многом аналогичны и их функции [7, С. 313]. Партийные лидеры после выборов продолжают работать в том или ином Постоянном комитете, поскольку в

Сенате официального отделения партийного аппарата от законодательного (как это имеет место в Палате представителей) не произошло. Но на практике, конечно, их основная деятельность заключается в руководстве партийной фракцией [10, с. 143], специфика которой в Сенате, по мнению Селезнева Л. И., заключается в том, что здесь и официальными, и реальными руководителями партийных групп являются лидеры большинства и меньшинства [11, с. 65]. Партийный лидер меньшинства играет в Сенате довольно важную роль, поскольку в верхней палате преобладание в количественном отношении одной партии над другой часто бывает незначительным и, соответственно, по многим вопросам без его содействия партийному лидеру большинства было бы нелегко обойтись [9, с. 143]. В постоянных комитетах конгресса партии большинства и меньшинства представлены в соответствии с численностью их фракций, причем утверждение состава каждого комитета осуществляется двумя резолюциями: одна перечисляет членов и председателя комитета от партии большинства, другая – содержит список членов от партии меньшинства [11, с. 142]. Вообще же права партии меньшинства в Конгрессе США были существенно расширены после принятия закона о реорганизации 1970 г. положениями Закона предусмотрено, что депутаты партии меньшинства в Конгрессе имеют право назначать 1/3 часть персонала вспомогательного аппарата, вызывать по своему выбору свидетелей на заседание комитета, готовить, в случае необходимости, альтернативные доклады комитета, распоряжаться 1/3 частью бюджета комитета [12, с. 141]. Для выработки общей позиции по вопросам, выносимым на заседания Палат, фракции обеих партий проводят собрания (кокусы, конференции) [10, с. 65].

Таким образом, институт парламентской оппозиции в США, позаимствовав отдельные черты этого института в Великобритании, приобрел собственные черты, обусловленные особенностями исторического развития этой страны, а также существующей формой правления.

Список использованных источников:

1. Джанда К., Берри Д., Голдман Д., Хула К. Трудным путем демократии. Процесс государственного управления в США. – М., 2006. , 465 с.
2. Смит Дж. Роль законодательной власти в либерально-демократических обществах: пер. с англ.- Харьков: Центр образовательных инициатив, 2001. -104 с.
3. Россия и Британия в поисках достойного правления: Учебное пособие / Под общ. ред. И. Кирьянова, Н. Оуэна, Дж. Сникера. - Пермь: Изд –во Перм. ун-та, 2000.- 284 с.
4. Павленко Р. Оппозиция: права и полномочия // Человек и политика. -2002. - № 4. - С. 3-10.
5. Слиска Л., Динес В. Парламентская оппозиция как фактор политической стабильности демократических режимов // Власть. - 2001. - № 10. - С. 8 - 14.
6. Дюверже М. Политические партии: Пер. с франц. - М.: Академический Проект, 2000. - 558 с.
7. Лафитский В. И. Конгресс США // Парламенты мира: Сб. - М.: Интерпракс, 1991.- С. 293 - 342.
8. Мамаев В. А. Регламент Конгресса США.-М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. - 173 с.
9. Пронкин С. В., Петрунина О. Е. Государственное управление зарубежных стран: Учебное пособие. - М.: Аспект Пресс, 2001. - 416 с.
10. Громыко А. Конгресс США (выборы, организация, полномочия). - М.: Изд-во ИМО, 1957. - 190 с.
11. Селезнев Л. И. Политическая система США. - С-Пб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995.- 181 с.

12. Осавелюк А. М. Вспомогательный аппарат зарубежных парламентов: структура и основные направления деятельности // Современное конституционное право зарубежных стран. Сборник. Ч. 2.- М.: б.вд., 1991. - С. 132 - 147.

УДК 351.741

Буткевич С.А.
кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым
Крымский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Симферополь

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Рассмотрены актуальные вопросы, касающиеся структуры и содержания учебной дисциплины «Государственная служба в органах внутренних дел», изучаемой в образовательных организациях системы МВД России. Основное внимание сосредоточено на предмете, задачах и целях этой профильной дисциплины, а также формируемых в ходе ее изучения компетенциях, личностных, морально-деловых и профессиональных качеств у будущих сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: государственная служба, органы внутренних дел, подготовка квалифицированных специалистов, совершенствование компетенций, учебно-воспитательный процесс.

Abstract. The current issues concerning the structure and content of the academic discipline «Public Service in Internal Affairs Bodies», studied in educational organizations of the system of the Ministry of the Interior of Russia, are considered. The main attention is focused on the subject, tasks and goals of this specialized discipline, as well as the competencies, personal, moral, business and professional qualities of future employees of internal affairs bodies formed during its study.

Keywords: public service, internal affairs bodies, training of qualified specialists, improvement of competencies, educational process.

Эволюционные и трансформационные процессы во всех сферах функционирования органов публичной власти, жизнедеятельности социума и общественных отношений, происходящие в Российском государстве в III тысячелетии, закономерно требуют теоретико-правового анализа, рефлексии и переосмысления [1, с.142-143], в том числе через призму организационно-управленческой деятельности. Полагаем, что сегодня именно социально-экономическая, внешне- и внутриполитическая компоненты во многом определяют приоритетные цели и новаторские решения в сфере законотворчества, организации государственного управления и административно-политического строительства. Поэтому исследуемые феномены характеризуются, с одной стороны, перманентностью, инновационностью, многоэтапностью и последовательностью, с другой, – вариативностью, относительной противоречивостью, высоким динамизмом, частичной несогласованностью и некодифицированностью. Соответственно ведущую роль в изучении указанных явлений, разработке теоретико-правового фундамента для становления и развития институтов демократического государства и гражданского общества, совершенствования механизмов защиты прав и свобод граждан, законных

интересов социума должны играть управленческие дисциплины, теоретико-исторические и государственно-правовые науки [2, с.70].

Не последнее место в происходящих процессах, в том числе протекающих в условиях противодействия реальным и потенциальным угрозам, внешним и внутренним вызовам национальной безопасности, занимают органы внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД), сотрудники которых могут привлекаться к выполнению нехарактерных для их повседневной деятельности задач, в том числе в других регионах. В то же время даже в особых условиях они должны обеспечивать защиту прав и свобод граждан, интересов общества, охрану общественного порядка, противодействие преступности на канонических и исторических территориях Российской Федерации.

Сложность и актуальность выполнения указанных выше задач очевидна каждому, но их выполнение осложнено как стабильно растущим в последние годы некомплектом в системе МВД России, так и существенным увеличением объема возлагаемых на ОВД обязанностей и количества реализуемых функций. Но даже в таких условиях требования к подбору кандидатов на вакантные должности существенно не снижаются, а в вопросах подготовки квалифицированных кадров для ОВД особую значимость приобретает привитие будущим правоохранителям чувств патриотизма, гражданственности, любви к Родине, верности Присяге сотрудника ОВД Российской Федерации, а также уважения к традиционным ценностям. Не менее важной задачей профессорско-преподавательского состава кафедр вузов системы МВД России считаем воспитание у переменного состава субординации и ответственности, гуманизма и справедливости, развитие правовой культуры, формирование устойчивого интереса к получаемой профессии и мотивации к дальнейшему прохождению службы по освоенной специализации (профилю подготовки), в том числе в особых условиях. Идентичные выводы делают и другие исследователи [3].

По нашему мнению, приоритетную роль в организации выполнения перечисленных задач учебно-воспитательного процесса в ведомственных образовательных организациях высшего образования играет учебная дисциплина «Государственная служба в ОВД» (далее – учебная дисциплина), изучение которой начинается на очной форме обучения с 1-го курса (второй семестр). Традиционно данная учебная дисциплина закреплена за кафедрой государственных и гражданско-правовых дисциплин. По нашему мнению, сложности, которые возникают у первокурсников при ее освоении, в первую очередь связаны с продолжающимся у них адаптационным периодом к требованиям высшей школы, а также тем, что ряд имеющих ключевое значение учебных дисциплин еще не изучен. Прежде всего речь идет о таких учебных дисциплинах, как «Теория государства и права», «Конституционное право», «Муниципальное право», «Административное право», «История ОВД», «Профессиональная этика и служебный этикет» и др. То есть базис для формирования у обучающихся новых компетенций как таковой отсутствует, а междисциплинарные связи на учебных занятиях ожидаемо не реализуются. Поэтому для успешного освоения курсантами рассматриваемого материала педагогическим работникам приходится фундироваться исключительно на знаниях, полученных курсантами в первом семестре при изучении учебных дисциплин «Основы российской государственности», «Делопроизводство и режим секретности в ОВД» и «Основы профессиональной служебной деятельности».

Кроме того, среди проблемных вопросов, которые могут возникать при формировании компетенций: во-первых, высокая динамичность законодательства в этой сфере, которая при отсутствии доступа к справочным правовым системам и электронным библиотечным ресурсам не позволяет первокурсникам, проживающим в общежитии на территории образовательной организации и ограниченных в использовании технических средств обучения, отследить все изменения в нормативных правовых актах и изучить актуальную учебную литературу (электронные издания); во-вторых, универсальные требования к учету специализации (профиля подготовки) обучающихся, которые практически невозможно реализовать в рамках данной учебной дисциплины; в-третьих,

проведение выездных занятий либо приглашение практических сотрудников ОВД на учебные занятия, которые также относятся к обязательным условиям в ведомственных образовательных организациях, но нецелесообразны по блокам теоретико-исторических и государственно-правовых дисциплин.

Сегодня данная учебная дисциплина предполагает изучение следующих тем: понятие, функции и принципы государственной службы в ОВД; правовой статус сотрудника ОВД; служебная дисциплина в ОВД; поступление на государственную службу в ОВД; порядок и условия прохождения государственной службы в ОВД; профессиональная подготовка и аттестация сотрудников ОВД; прекращение государственной службы в ОВД. В ходе ее освоения у обучающихся должен быть сформирован не просто набор соответствующих компетенций, но и четкие представления о порядке и условиях прохождения государственной службы (включая вопросы поступления, стажировки, наставничества, перемещения, присвоения специальных и квалификационных званий и др.), своих служебных правах и обязанностях, возможностях для карьерного роста, социальной и правовой защите, денежном довольствии, стандартах антикоррупционного поведения, используемых мерах поощрения и дисциплинарного воздействия [4, с.133], понимания единоначалия, обязательности неукоснительного соблюдения служебной дисциплины, законности, внутреннего распорядка, установленных ограничений и запретов, навыки составления служебной документации и т.д. Очевидно, что, помимо реализации на занятиях учебной, методической и развивающей целей, содержание учебной дисциплины имеет ярко выраженный воспитательный характер, в том числе с проекцией на перспективное использование полученных знаний, умений и навыков на руководящих должностях. В то же время «Государственная служба в ОВД» должна служить теоретико-правовым фундаментом для последующего изучения учебных дисциплин «Основы управления в ОВД», «Обеспечение прав человека в деятельности ОВД», «Социальная коммуникация в деятельности сотрудников ОВД» и «Правоохранительные органы».

Формами контроля знаний и умений курсантов, широко используемыми на семинарах, являются устный или письменный опросы, выступления с докладами (сообщениями) и решение ситуационных задач. Вместе с тем, несмотря на то, что учебные и учебно-методические материалы по данной учебной дисциплине излишне информационно и нормативно насыщены, на учебных занятиях должен реализовываться и практико-ориентированный подход к обучению. В частности, на лекциях и семинарах обсуждаются и анализируются актуальные нормотворчество (проекты федеральных законов, указов Президента и приказов МВД России, приказы территориальных органов МВД России на региональном уровне), законодательство зарубежных стран, правоприменительная и судебная практика, статистические и аналитические материалы. На промежуточной аттестации (в форме зачета), помимо двух теоретических вопросов прикладного характера, каждый билет содержит контрольно-практическое задание, предусматривающее составление схемы, таблицы, проекта приказа по личному составу, служебной характеристики и т.п.

Таким образом, в ведомственных образовательных организациях учебная дисциплина «Государственная служба в ОВД» занимает ведущее место среди других государственно-правовых дисциплин, а ее содержание носит не только утилитарный характер, но и практико-ориентированную направленность. При изучении данной дисциплины педагогическим работникам, помимо формирования у переменного состава (обще)профессиональных и универсальных компетенций, следует уделять пристальное внимание воспитательной составляющей образовательного процесса, развитию у курсантов необходимых профессионально важных и личностно значимых качеств.

Список использованных источников:

1. Костюченко Н.И., Челпанова М.М. Проблемы методологии исследования систем управления социальными и государственными системами // Общество и право. 2020. № 4 (74). С. 141-145.

2. Кисс С.В. Развитие концепции прав человека как предпосылка формирования социального государства в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 67-72.

3. Иванов С.И., Никитина Л.Н. Морально-нравственное воспитание как залог успешной оперативной работы // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7 (122). С. 291-293.

4. Казанцева Е.В. К вопросу о дарении как одном из способов коррупции в деятельности ОВД // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-1. С. 132-134.

УДК 342.7

Климова Д.В.
кандидат юридических наук
Крымский Филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ВЫСЫЛКИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН, НЕЗАКОННО НАХОДЯЩИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Автором рассмотрены изменения в законодательстве Российской Федерации, которые касаются правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно находящихся на территории Российской Федерации. Проанализирован правовой режим высылки таких лиц в аспекте обеспечения национальной безопасности. Отмечено, что ужесточение контроля за пребыванием (проживанием) иностранных граждан и лиц без гражданства является оправданной реакцией государства на вызовы и угрозы, связанные с нелегальной миграцией.

Ключевые слова. Выдворение, высылка, иностранный гражданин, лицо без гражданства, миграция, национальная безопасность, публично-правовой механизм, реадмиссия, реестр контролируемых лиц.

Annotation. The author considers changes in the legislation of the Russian Federation, which relate to the legal status of foreign citizens and stateless persons illegally residing in the territory of the Russian Federation. The legal regime of the expulsion of such persons in the aspect of ensuring national security is analyzed. It was noted that the tightening of control over the stay (residence) of foreign citizens and stateless persons is a justified reaction of the state to the challenges and threats associated with illegal migration.

Keywords. Expulsion, expulsion, foreign citizen, stateless person, migration, national security, public law mechanism, readmission, register of controlled persons.

Миграционный прирост в Российской Федерации в 2024 году увеличился по сравнению с 2023 годом почти в 3 раза, и составил более 568 тысяч человек [1]. Эти данные свидетельствуют об интенсификации миграционного обмена. Увеличивающиеся миграционные потоки имеют тенденцию к глобализации и рассматриваются в современных условиях в качестве непосредственной угрозы национальной безопасности Российской Федерации [2, с.30], так как неконтролируемая миграция подрывает авторитет государства, и в целом может привести к значительным социально-экономическим и национально-культурным изменениям в самом государстве.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации негативные явления в области миграции обозначены как одна из главных угроз. В частности, речь идёт о росте числа преступлений, совершаемых иностранными гражданами, а также о преступной деятельности групп и организаций, занимающихся организацией нелегальной миграции [3, п.47]. Действующий в Российской Федерации механизм противодействия нелегальной миграции включает в себя правовой режим высылки иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно находящихся на территории государства. Безусловно, анализ сущности и места правового режима высылки в структуре обеспечения национальной безопасности имеют сегодня особое значение.

По своей сути рассматриваемый правовой режим включает в себя три основные его административно-правовые процедуры - выдворение, депортацию и реадмиссию, которые отличаются своей правовой природой, механизмом реализации, средствами обеспечения, при этом, по сути, являются принудительной высылкой из страны и влекут последующий запрет въезда в течение определенного срока. В связи с этим мы поддерживаем мнение И.Ф. Амельчакова, который верно подчеркивает, что принудительное выдворение иностранцев с установлением временного запрета на въезд в страну представляет собой один из самых действенных способов защиты национальной безопасности от лиц, представляющих угрозу [4, с.140].

В современных условиях вопрос модернизации законодательства в сфере контроля за пребыванием (проживанием) мигрантов в Российской Федерации стоит особо остро. В 2024 году вступили в силу значительные изменения в правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства. Тенденция к ужесточению контроля и упорядочению процедуры его реализации сохранилась и в текущем году. В частности, с 5 февраля 2025 года изменения в действующий Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5] существенно расширили меры государственного контроля в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, которые утратили законные основания для пребывания на территории Российской Федерации.

В отношении такой категории лиц введена новая мера государственного принуждения «высылка», суть которой заключается в ограничении возможности реализации отдельных прав и свобод, внесение иностранцев в реестр контролируемых лиц, проведение обязательной дактилоскопической регистрации, проверка любых документов и др. Важно, что данную меру вправе назначать как суд, так и органы внутренних дел во внесудебном порядке. Такие иностранные граждане вносятся в реестр контролируемых лиц, который размещен на официальном сайте МВД в открытом доступе [6].

Законом определено, в каких случаях в реестр заносится соответствующая информация: истечение срока временного пребывания (проживания); незаконный въезд; с момента, когда Российская Федерация приняла иностранного гражданина, переданного другой страной в порядке реадмиссии, если отсутствуют законные основания для его нахождения на территории государства. Также основаниями являются аннулирование визы, разрешения на временное пребывание, вида на жительство; отказ в признании беженцем или в предоставлении временного убежища. Контролируемым лицом также считается иностранец, которому назначено административное наказание в виде административного выдворения, сокращен срок временного пребывания, принято решение о депортации, реадмиссии, нежелательности пребывания или о запрете на въезд (или ограничении выезда), а также в ситуациях, когда иностранный гражданин признан виновным в совершении преступления [8, ст.31.2].

Как видим, перечень оснований достаточно обширный, и позволяет в полной мере осуществлять контроль за нежелательными для нашего государства лицами. Что касается ограничения прав иностранных граждан и лиц без гражданства в интересах обеспечения национальной безопасности – они оправданы и не противоречивы, несмотря на дискуссионность этого вопроса в современных доктринальных исследованиях. В настоящий момент эти вопросы вызывают повышенных интерес в силу их существенной

характеристики, к которой Л.Ю. Куликовская относит – применение к особой категории иностранных граждан и лиц без гражданства – контролируемым лицам [7, с. 1261], а также в силу того, что указанные ограничения значительно влияют на условия их пребывания (проживания) в Российской Федерации.

Среди таких ограничений запрет на смену места жительства, выезд за пределы субъекта Российской Федерации, приобретение недвижимости, транспортных средств, их регистрация, ограничивается право на управление транспортными средствами. Контролируемое лицо не может вступать в брак, а для несовершеннолетних иностранных граждан действует запрет на прием в детские сады и школы. Ограничены возможности контролируемого лица становиться индивидуальным предпринимателем, а также регистрировать юридическое лицо, открывать банковские счета и проводить банковские операции [8, ст.9.1]. Важно, что лицо, в отношении которого применяется режим высылки, обязано каждые семь календарных дней лично информировать МВД о своем местонахождении [9].

Рассмотренные законодательные новеллы, ужесточающие контроль за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, безусловно связаны с необходимостью обеспечения национальной безопасности. Правовой режим высылки направлен на обеспечение выезда из Российской Федерации тех лиц, которые не имеют законных оснований для пребывания на ее территории, или приобретения ими таких оснований. Данный правовой режим является целесообразным и оправданным, позволяющим оказывать воздействие на миграционные потоки, пресекать нелегальную миграцию и противодействовать преступности с иностранным элементом.

Список использованных источников:

1. Оценка численности постоянного населения РФ (на 01.01.2025): официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/

2. Климова Д. В. Публично-правовой механизм обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации в эпоху трансформаций / Д. В. Климова // Современные проблемы юриспруденции в условиях глобальных вызовов и трансформационных процессов: теория и практика: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 17–18 апреля 2024 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2024. – С. 30-32.

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400// СПС «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/401425792/

4. Амельчаков И. Ф. Высылка иностранного гражданина как ограничение его права на свободу передвижения и как способ обеспечения национальной безопасности / И. Ф. Амельчаков, О. В. Катаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 3. – С. 138-159.

5. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 08.08.2024 г.№ 248-ФЗ // СПС «Гарант» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1746727/

6. О реестре контролируемых лиц: Постановление Правительства РФ от 26.12.2024 № 1899// СПС «Гарант» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/411238057/

7. Куликовская Л. Ю. Некоторые аспекты совершенствования административно-правового регулирования в сфере миграции (на примере режима административной высылки)/Л. Ю. Куликовская// Актуальные проблемы

административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 1260-1268.

8. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в действующей редакции) // ИПП «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/184755/5434a9dc4ceb5e696a30fe12e328d51d/

9. Об установлении Порядка информирования территориального органа МВД РФ иностранным гражданином или лицом без гражданства, в отношении которого применяется режим высылки: Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29.11.2024 г. № 836 // СПС «Гарант» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411085639/

УДК 342.4

Костылева Е.Д.
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО Российский государственный университет правосудия
«РГУП» им. В.М. Лебедева,
г. Москва

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ

Аннотация: статья посвящена вопросам национальной безопасности Российской Федерации и конституционно-правовому регулированию реализации воинской обязанности. На основании обобщения теоретических аспектов проанализированы правовые механизмы, которые применяются в России для обеспечения национальной безопасности и обороны страны. Исследование направлено на выявление существующих проблем и недостатков в реализации воинской обязанности, а также на разработку предложений по улучшению существующего законодательства, для разработки эффективных мер и правовых решений по обеспечению суверенитета и безопасности страны.

Ключевые слова: национальная безопасность России, воинская обязанность, оборона страны, конституционные ценности.

Abstract: The article is devoted to the issues of national security of the Russian Federation and the constitutional and legal regulation of the implementation of military duty. Based on the generalization of theoretical aspects, the legal mechanisms that are used in Russia to ensure national security and defense of the country are analyzed. The study aims to identify existing problems and shortcomings in the implementation of military duty, as well as to develop proposals to improve existing legislation, to develop effective measures and legal solutions to ensure the sovereignty and security of the country.

Keywords: national security of Russia, military duty, national defense, constitutional values.

Для современной России в приоритете свободное установление своих национальных ценностей, что способствует более эффективной реализации государством своего суверенитета и проведению независимой внешней политики. В настоящее время механизмы обеспечения национальной безопасности и обороны страны находятся в состоянии трансформации, реформирования. Развитие технологий и глобализация усиливают этот процесс, делая вопросы национальной безопасности более актуальными и важными для обеспечения суверенитета и безопасности государства, сохранении

национальных ценностей.

Национальная безопасность России в основе содержит государственную и общественную безопасность, которые включают такие стратегические цели, как оборона страны, социально-экономическое развитие государства и инновационную военную политику.

Согласно ст. 59 Конституции РФ: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина РФ». Данное положение предусматривает необходимость несения военной службы, исполнение воинской обязанности, то есть непосредственное личное участие в обороне страны.

Реализация воинской обязанности подразумевает и конституционный долг по защите Родины, что по сути является более обширным по содержанию понятием, чем конституционная обязанность военной службы, так как включает нравственную и моральную составляющую. В основе регулирования реализации воинской обязанности лежит правовой статус личности, особенности взаимоотношений государства и гражданина (его мера должного поведения по защите конституционных ценностей).

Важным элементом реализации суверенитета государства является свободное установление им своих национальных ценностей, которые позволяют проводить независимую внешнюю политику.

Ценности – это зеркало времени, исторической эпохи, культурного наследия народа, они предопределяют сплочённость общества. К ценностям, имеющим приоритетное значение, которые важны в любой деятельности, можно отнести те, которые включены в общественно-исторический прогресс и находятся в его подчинении. Отражение ценностей мы видим в реальной, практической жизнедеятельности человека.

Наиболее эффективная реализация конституционных ценностей может быть достигнута с помощью инструментов механизма, способствующих упорядоченному достижению поставленных целей, что будет свидетельствовать об уровне правового государства, показателем его политических возможностей. Например, права человека (личные, политические, социальные и др.), обладая социальной ценностью, отражая ресурсы Конституции РФ они показывают уровень благосостояния граждан и имеют определённое место в механизме конституционно-правового регулирования социальной жизни, а «наличие широкого круга социальных прав и их обеспеченность выступают ключевыми показателями реализации доктрины социального государства» [1, с. 116].

Ответственность государства за реализацию конституционных ценностей определяется «как конституционный правовой императив – ответственное отношение адресуется к органам, осуществляющим публичную власть» [2, с. 54]. Эффективность практической властной деятельности государства зависит от легитимности власти, способности защитить интересы всего общества, от уровня правовых актов и правоприменительной деятельности.

В процессе реализации таких конституционных ценностей, как защита Отечества происходит актуализация нормативного содержания соответствующих норм, институтов, принципов, а также установление их сбалансированного взаимодействия.

Значение конституционных ценностей проявляется и в том, что с их помощью устанавливаются ориентиры, достижение которых требует непрерывного, постоянного развития конституционных отношений, их реализация обосновывает конституционную стратегию государства, способствует балансированию государства, общества и конкретной личности на конституционной основе.

Национальная безопасность страны обеспечивается человеческим фактором мировоззрением личности, который лежит в основе нравственного, морального, интеллектуального развития человека, зависящего от полученного им воспитания. Поэтому обеспечение национальной безопасности России напрямую зависит от уровня образования, общей культуры, нравственных идеалов, военно-патриотического воспитания граждан. Могущество страны предопределяет её интеллектуальный потенциал, инновационный

характер воспитания и образования, отражающий трансформацию современного процесса развития технологий, глобализацию всех сфер жизнедеятельности, способствующий формированию у молодёжи нравственных ценностей, патриотизма, любви к Родине. В связи с этим образование является той средой в которой формируется национальная идентичность общества, сохраняются духовно-культурные ценности.

В основе национальной безопасности лежат доктринальные конституционные положения, которые опираются на современный уровень науки, техники, технологий, обеспечиваемые за счет функционирования системы военно-патриотического воспитания. Для страны очень важно контролировать внутренние образовательные и воспитательные процессы, в связи с этим принимаются необходимые законы, обеспечивающие более полную реализацию военно-патриотического воспитания, обеспечение интересов личности, защите её от внутренних и внешних угроз.

Воинская обязанность носит целевой публичный характер, является гарантией основ конституционного строя и её реализация взаимосвязана с конституционно-правовым статусом гражданина. Долг защиты Отечества взаимосвязан с воинской обязанностью на основе права и нравственного императива личности.

Конституционные обязанности гражданина, включая воинскую обязанность имеют естественное происхождение. Ответственность за Родину перед нынешним и будущими поколениями упомянута и в преамбуле Конституции РФ. Сущность воинской обязанности – это военная подготовка, несение военной службы и участие в защите Отечества.

Несмотря на Нюрнбергский процесс, который: «явился ответом на небывалые в мировой истории злодеяния нацистов и милитаристов» [3, с. 42] преступления против человечества продолжаются и приобретают более извращённые формы. Поэтому на сегодняшний день неоспоримо значение воинской обязанности гражданина в публично-правовых интересах государства и общества в защите Отечества, как главной конституционной ценности.

Согласно ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества…», поэтому сам подвиг имеет конституционно-правовое значение и охрану, а воинская обязанность является одной из правовых гарантий суверенитета и национальной безопасности государства.

Воинская обязанность с точки зрения юридической обязанности реализуется не только в процессе прохождения обязательной военной службы, военной подготовки, но и в вооружённой обороне государства.

Защита Отечества, является одной из основных конституционных ценностей, частью доктрины национальной безопасности России, приоритетной целью российской государственности, при четкой реализации данной обязанности реализуется ценностный смысл, находящийся в содержании конституционных идей. Защита Отечества должна быть одной из главных задач государственной политики в обеспечении эффективного функционирования конституционных ценностей, трансформации их в нормативно составляющие положения, закрепления в национальном законодательстве, реализацию в общественной жизни граждан.

Список использованных источников:

1. *Умнова-Конюхова, И. А.* Конституционная доктрина социального государства в решениях Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации на примере защиты социальных прав / И. А. Умнова-Конюхова, Е. Д. Костылева // Правосудие. – 2023. – Т. 5, № 2. – С. 110-131. – DOI 10.37399/2686-9241.2023.2.110-131. – EDN LAUYLG.
2. *Умнова Конюхова, И. А.* Судебная защита личных прав и свобод в Российской Федерации актуальные проблемы теории и практики: учебное пособие / И. А. Умнова Конюхова, Е. Д. Костылева. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2023. – 156 с. – ISBN 978-5-00209-019-8. – EDN VPCKQG.

3. *Конюхова, И. А.* Правовые формы участия Российской Федерации в деятельности международных судов: современное состояние и перспективы расширения / И. А. Конюхова, Е. Д. Костылева // Журнал Конституционного правосудия. – 2009. – № 6. – С. 37-48. – EDN LLZRMX.

УДК 349.6

Морозов А.А.
кандидат юридических наук
Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается право каждого человека на благоприятную окружающую среду как конституционно-правовая ценность Российской Федерации. Отмечается, что систематизированный характер правового регулирования представляет эффективную основу в формировании права человека на благоприятную окружающую среду как основу современных экологических правоотношений.

Ключевые слова: экологическое право, благоприятная окружающая среда, Конституция РФ, объекты природопользования.

Abstract. This article examines the right of every person to a favorable environment as a constitutional and legal value of the Russian Federation. It is noted that the systematized nature of legal regulation represents an effective basis for the formation of the human right to a favorable environment as the basis of modern environmental legal relations.

Keywords: environmental law, favorable environment, Constitution of the Russian Federation, objects of natural resource management.

Создание благоприятной для жизни и деятельности граждан окружающей среды – важнейшее естественное право, обеспечивающее стабильное развитие общества. Это означает, что человек как субъект экологических правоотношений может в своих интересах пользоваться безопасными природными ресурсами, требовать от уполномоченных органов надлежащим образом проводит природоохранную деятельность [1, с. 108]. Отмечается, что право на экологическое благополучие возникло одновременно с появлением человека в природе, осознание которого появилось спустя временной промежуток, в связи с ухудшение состояния окружающей среды. От того, как мы, участники экологических правоотношений, используем природные ресурсы и относимся к природе духовно, зависит её будущее.

Достижение экологической устойчивости в регионах Российской Федерации является приоритетом государственной политики, а также предметом международного сотрудничества [2, с. 18]. Ежегодно в нормативном порядке реализуются экологические проекты, вносятся изменения в правовые акты об охране окружающей среды с целью положительного влияния на окружающие нас объекты природы. Множество дискуссионных вопросов зарождается в отношении улучшения состояния экологии, снижения воздействия участников экологических отношений для того, чтобы природа менее испытывала негативные последствия [3, с. 176].

В настоящее время ключевым элементом для разработки экологических законов является концепция «благоприятной окружающей среды». В соответствии со статьей 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды», благоприятная окружающая среда необходима для нормального функционирования и устойчивости природных экосистем [4].

При этом, уточненные критерии экологического благополучия нормативно не определены, что существенным образом создают препятствия для применения правовых условий в практической деятельности. Например, в различных регионах страны критерий «благоприятности» природной среды воспринимается по-разному. Для коренных народов севера суровые климатические условия являются нормальными средой их существования, в отличие от жителей южных регионов, для которых такая обстановка затруднительная для их образа жизни [5, с. 11].

Однако, объективные характеристики природы в правовом измерении не могут дать однозначной оценки стабильности экологической системы. Поскольку со временем требования на получение новых экологических благ постоянно увеличиваются, это является основанием для изменений условий благополучия окружающей среды [6, с. 308]. Каждый конкретный объект природопользования обладает разной степенью качества для удовлетворения потребностей субъектов экологических правоотношений.

Из-за отсутствия уточненных критериев оценки качества окружающей среды в постановлении Пленума от 30.11.2017 г. № 49 дается пояснение, что ответственность за экологический ущерб возникает из-за превышения установленных норм допустимого воздействия на природу. Такие критерии на сегодняшний день имеют обобщенный характер [7]. В связи с этим, нельзя считать окружающую среду благоприятной только на основании соответствия установленным нормам качества. Даже если все показатели соответствуют нормативам, среда не может быть признана безопасной, так как существует высокий риск негативного воздействия на здоровье и благополучие человека, вызванный экологическими и техногенными факторами. Оценка этих рисков требует применения иных методов, нежели те, что используются для определения нормативных значений.

Профессор И.О. Краснова под благоприятной окружающей средой определяет такую экологическую систему, уровень загрязняющих веществ которой не превышает установленные нормы качества природных ресурсов [8, с. 165]. Однако, сам автор делает акцент на отсутствие достаточного поддержания состояния окружающей среды в благоприятной виде. Зачастую нормативно закрепленные показатели качества лесных, водных и атмосферных объектов определяются отдельно, без учета взаимосвязи и происходящими между ними экологических процессов. В правоприменительной практике человек и природные объекты одновременно подвергаются негативному воздействию.

В подтверждение вышесказанного, А. Ю. Хворостов придерживается следующей позиции, что в качестве общего показателя благоприятности окружающей среды следует рассматривать состояние здоровья населения, проживающего на данной территории [9, с. 87]. Сложно не согласится с представленной позицией автора, поскольку состояние здоровья населения в регионах страны является определяющим критерием стабильной и благоприятной окружающей среды. Зачастую поступают обращения граждан в связи с нарушением экологической обстановки на территории их проживания.

Сложно не согласится с представленной позицией автора, поскольку состояние здоровья населения в регионах страны является определяющим критерием стабильной и благоприятной окружающей среды. Зачастую поступают обращения граждан в связи с нарушением экологической обстановки на территории их проживания. Промышленные предприятия, деятельность который наносит значительный вред экологии, находятся вблизи мест проживания и образовательных учреждений, что соответственно приводит к постепенному ухудшению состояния здоровья общества. Несоблюдение экологический норм участниками экологических правоотношений, чья деятельность связана с вредными отходами производств, приводит к серьезному загрязнению атмосферного воздуха, лесов и водоемов, а также постепенному уничтожению самого общества в целом. Однако, в настоящее время, привлечение нарушителей к ответственности за ущерб природным благам осуществляется непросто. Для того, чтобы не столкнуться с такими последствиями, научные представители предполагают возможным закрепить презумпцию ответственности природопользователя как потенциального источника негативного воздействия на

окружающую среду и экологический вред [10, с. 324]. Подобный метод позволит пользователям природных ресурсов думать о последствиях от причиненного вреда экологии для улучшения экологической обстановки на территории Российской Федерации.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что благоприятная окружающая среда имеет ключевое значение для формирования современного экологического законодательства, которое способно гарантировать конституционное право граждан на благоприятную экологическую среду и охрану биологического разнообразия. Исследуемые экологические вопросы с позиции законодательного регулирования и правоприменительной деятельности показали насколько необходима поддержка природной среды в благоприятном и стабильном состоянии для здорового развития общества. Осознание участниками экологических правоотношений всю серьезность экологической обстановки в регионах нашей страны является первостепенной задачей для поэтапной реализации устойчивой экологической политики, нацеленной на положительный для природы и общества результат.

Список использованных источников:

1.Морозов А. А. Право собственности на природные ресурсы / А. А. Морозов // Частное и публичное в вещном праве : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 июня 2016 года. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2016. – С. 108-112.

2. Редникова Т.В. Право каждого на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации: актуальные проблемы обеспечения // Экологическое право. – 2024. – № 5. – С. 18-25.

3. Морозов А. А. Правовая характеристика товарищества собственников жилья как формы управления многоквартирным домом / А. А. Морозов // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения-2018 : Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 мая 2018 года. Том 1. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2018. – С. 176-178.

4. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_121862/(дата обращения: 01.04.2025 г.).

5. Бринчук М.М. Благоприятная окружающая среда – важнейшая категория права // Журнал российского права. – 2008. – № 9. – 37-52.

6. Морозов А. А. Основания принудительного прекращения права пользования водным объектом в Российской Федерации / А. А. Морозов // Эколого-правовой режим водопользования в Российской Федерации и зарубежных странах: теория и практика : Сборник материалов Международного круглого стола, Санкт-Петербург, 10 июня 2021 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2021. – С. 68-72.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 2. – 2018.

8. Краснова И.О. Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и экологическое право // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 8. – С. 165-172.

9. Машеро Я. П. Экологическая ответственность за вред, причиненный окружающей среде / Я. П. Машеро // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2024 : сборник научных трудов по Материалам XI Международной научно-практической конференции , Гатчина, 24 мая 2024 года. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2024. – С. 87-91.

10. Морозов А. А. К вопросу о заключении гражданами договора об оказание юридических услуг по представлению их интересов в гражданском судопроизводстве по искам о взыскании ущерба причиненного экологическим правонарушением / А. А. Морозов // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 33. – С. 324-326.

УДК 352

Сибилева А.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

О ПЕРСПЕКТИВАХ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ

Аннотация. В работе рассматриваются актуальные вопросы реформирования системы местного самоуправления в контексте принятия Федерального закона №33, направленного на совершенствование организации публичной власти. Автор анализирует основные положения нового законодательства, определяющие трансформацию института местного самоуправления, и выявляет ключевые направления его развития. Особое внимание уделяется исследованию механизма взаимодействия различных уровней власти, формулируется оценка уровня оптимизации взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, публичная власть, реформа, законодательство, система управления, непосредственное волеизъявление

Abstract. The paper discusses current issues of reforming the local government system in the context of the adoption of Federal Law No. 33, aimed at improving the organization of public authority. The author analyzes the main provisions of the new legislation defining the transformation of the institution of local self-government and identifies the key directions of its development. Special attention is paid to the study of the mechanism of interaction between different levels of government, and an assessment of the level of optimization of interaction between public authorities and local governments is formulated.

Key words: local government, public authority, reform, legislation, management system, direct expression of will

В современных условиях развития российского общества и государства (а также в связи с наблюдаемыми тенденциями к формированию одноуровневых систем организации публичной власти) ключевые вопросы совершенствования местного самоуправления приобретают особую актуальность. С учетом произошедшей в 2020 году в результате обширных конституционных поправок трансформации системы публичной власти, последняя, как видится, требует комплексного подхода к реформированию института местного самоуправления исходя из новых вызовов и возможностей.

Принципиальную важность в анализируемом вопросе приобретает фактическая реализуемость фундаментального закрепленного конституционного принципа единой системы публичной власти, представляющего идею комплексного механизма взаимодействия различных уровней управления и выражающегося в следующем: «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей

территории» [1]. Данное обстоятельство, а также тот факт, что в 2021 году был принят концептуально новый Федеральный закон № 414 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», как закономерная реакция на вышеупомянутые конституционные поправки, в конечном итоге привели к кардинальным реформам и в сфере местного самоуправления.

Несмотря на достаточно распространенную в современной правовой доктрине концепцию возврата к естественно-правовым «истокам» традиционной системы российского централизма власти (представитель – Леонов С.Н. [2]), как видится, наблюдается ярко выраженная, в первую очередь, в рамках законотворческой деятельности, тенденция, связанная с организацией местного самоуправления в условиях необходимости по развитию ныне устаревших подходов к пониманию его истинной сущности и роли. Отметим, что данный процесс не является чем-то негативным, т.н. индикатором сугубо процветающего правового архаизма, а лишь представляет собой естественный порядок поиска оптимальной модели местного самоуправления, характерный для большинства развитых государств. С точки зрения законодательной техники данный аспект в наибольшей степени отразился на судьбе ранее основного закона, регулирующего вопросы организации и функционирования местного самоуправления и заложившего основу современной системы муниципального управления – Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131). Последний, в силу описываемых выше процессов, в видении не только непосредственно правоприменителей, но и самого законодателя был охарактеризован в качестве «лоскутного одеяла из-за многочисленных изменений» [3], которые, несмотря на все усилия, планомерно усложняли механизм реализации населением своей воли, как непосредственно, так и через представителей. За весь временной промежуток его действия выявились существенные недостатки, требовавшие корректировки нормативной базы.

В связи с чем, как видится, закономерным итогом стало принятие содержательно нового Федерального закона от 20.03.2025 № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Федеральный закон № 33). Несмотря на то, что данный закон вступает в силу лишь с 19.06.2025 г. (за исключением ряда положений, определяемых особым порядком вступления в силу ввиду необходимости пролонгации срока действия ряда статей Федерального закона № 131 до 2027 г.) и производить оценку эффективности законодательной новеллы в практической плоскости слишком преждевременно и нецелесообразно, на текущем этапе уже видится актуальным обратить внимание на некоторые отдельные нововведения, вызывающие большинство вопросов, в контексте возможного прогностического исследования.

Проведенный анализ уже имеющихся научных трудов по заданной проблематике (в частности, работы Власова В.А. Норкина В.И., Норкиной Д.А. [4], исследования Худолея К. М. [5] и т.д.) позволяет сделать вывод, что приоритетно в доктрине уделено исчерпывающее внимание лишь основным изменениям, таким, как:

- решение проблематики разграничения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления (приоритетно в части решения вопросов местного значения) посредством введения одноуровневой системы местного самоуправления. Не в полной мере разделяя мнение большинства, отметим, что принятое решение хотя и видится в целом целесообразным, призванным обусловить наличие тесной связи не с территорией, но с населением, (аргументированное, в частности, сформировавшегося на протяжении двух десятилетий опыта использования двухуровневой системы местного самоуправления, по сути отразившегося в отказе субъектов РФ от создания муниципальных образований первого уровня), фактически же упраздняет самый приближенный к населению уровень организации публичной власти. Учитывая, что уникальность института местного самоуправления заключается в непосредственной близости к населению, позволяющей оперативно решать вопросы местного значения и

учитывать специфику конкретного территориального образования, реформа, в видении приоритетного большинства мнений еще будет нуждаться в доработке;

- реформирование структуры органов местного самоуправления, в частности, порядка формирования и функционирования посредством, как видится, несколько радикального внедрения в иерархию власти. Так, в частности, под влиянием вышеприведенной реформы, пунктом 17 ст. 22 Федерального закона № 33 7 отныне «в целях наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» [6] в структуре местной администрации допускается формирование территориальных органов местной администрации. Также указанным законом был дополнен способ избрания главы муниципального образования, о чем можно судить, исходя из положений пункта 9 ст. 87, определяющего возможность избрания главы муниципального образования представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта РФ. Еще более неоднозначными видятся такие законодательные новеллы, как возможность досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования, в том числе, в случае утраты доверия Президента в отсутствие конкретно определенных случаев (часть 1 ст. 21); положение, регламентирующее, что глава муниципального образования одновременно замещает государственную должность субъекта РФ и муниципальную должность (часть 4ст. 87) и т.д.

Безусловно, подобные реформы требуют внимания и нуждаются в комплексном анализе. Однако, на наш взгляд, незаслуженно проигнорированы в части возможной критики и иные неоднозначные законодательные решения.

Первое из них, скорее структурное, определено сознательным уходом от, как видится, позитивного опыта Федерального закона № 131 в части нормативного закрепления легальных определений ключевых понятий, используемых в данном нормативном правовом акте (в рамках отдельно выделенной статьи 2). Во вступающем же в силу летом 2025 года Федеральном законе № 33 подобная норма отсутствует, а те незначительные по числу имеющиеся дефиниции буквально «разбросаны» по всему закону, как например, в статье 1 представляется возможным обнаружить определение понятия «местное самоуправление», а в статье 9 – «муниципальное образование».

И второе, определяемое целевым назначением проводимых реформ, а потому – фундаментальное, заключается в значительном сужении возможных форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления. Так, проведенный сравнительный анализ позволил сделать вывод, что Федеральному закону № 33 неизвестны такие механизмы, как голосование по отзыву депутата, выборного должностного лица и т.д., а также обращение граждан в органы местного самоуправления. Считаем возможным предположить, что в недалеком будущем подобные законодательные пробелы будут нивелированы посредством содержательного реформирования иных правовых источников, как, например, Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59. Однако, в таком случае напрашивается закономерный вопрос: в подобных условиях не повторит ли Федеральный закон № 33 судьбу «лоскутного одеяла» Федерального закона № 131?

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.03.2025). – Текст: электронный.

2. Леонов С.Н. Финансовые и структурные аспекты реформы местного самоуправления в России: монография / отв. ред. Н.Н. Михеева; Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. – 232 с.
3. Уничтожение местного самоуправления или его развитие: как в законодатели региона оценивают новый законопроект. – URL: https://cmokhv.ru/materials/mat20220209-m/?ysclid=m9ik7455e0951664752 (дата обращения: 02.04.2025). – Текст: электронный.
4. Власов, В. А. Некоторые аспекты сравнительного анализа проекта Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» и Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / В.А. Власов, В.И. Норкин, Д.А. Норкина // Аграрное и земельное право. – 2022. – №7 (211). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-sravnitelnogo-analiza-proekta-federalnogo-zakona-ob-obschih-printsipah-organizatsii-mestnogo-samoupravleniya-v (дата обращения: 05.04.2025). – Текст: электронный.
5. Худолей, К.М. Изменения в законодательстве об организации местного самоуправления / К.М. Худолей // Пермский юридический альманах. – 2023. – №6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-v-zakonodatelstve-ob-organizatsii-mestnogo-samoupravleniya (дата обращения: 05.04.2025). – Текст: электронный.
6. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 05.04.2025). – Текст: электронный.

УДК 340

Ткачёва М.В.
преподаватель кафедры юриспруденции
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова
Республика Беларусь, г. Могилев

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Рассмотрены правовые аспекты охраны археологических памятников в Республике Беларусь и Российской Федерации. Сделан вывод о том, что охрана археологических памятников является одним из приоритетных направлений развития государственной политики и сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации.

Ключевые слова: археологический памятник, охрана памятников, археологическое наследие, правовое регулирование.

Abstract. The legal aspects of the protection of archaeological monuments in the Republic of Belarus and the Russian Federation are considered. It is concluded that the protection of archaeological monuments is one of the priority areas of development of state policy and cooperation between the Republic of Belarus and the Russian Federation.

Keywords: archaeological monument, protection of monuments, archaeological heritage, legal regulation.

Сохранение историко-культурного наследия является одним из приоритетных направлений государственной политики как Республики Беларусь, так и Российской Федерации.

Государственное регулирование в области сохранения историко-культурных ценностей в Республике Беларусь осуществляют Президент, парламент, Совет Министров,

местные советы депутатов, местные исполнительные и распорядительные органы [1;2]. В Российской Федерации государственными органами охраны памятников археологии и других памятников истории и культуры являются инспекции по охране памятников при министерствах культуры и инспекторы по охране памятников при областных и краевых отделах культуры. Охрана памятников на местах возложена на отделы культуры. Существуют и добровольные общества охраны памятников [3].

Учет археологического наследия в Республике Беларусь осуществляет Национальная академия наук Беларуси посредством составления реестра археологических артефактов. Осуществлять поиск и проведение раскопок на памятниках археологии могут лица, получившие разрешение на право проведения археологических исследований и имеющие высшее образование по специальности «Археология»[4].

В Российской Федерации Российской академией наук разработано Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации. Археологические работы могут проводиться только при наличии открытого листа – выдаваемого сроком не более чем на один год. Открытый лист выдается Министерством культуры РФ на основании заключения Российской академии наук только гражданам Российской Федерации [5].

Выдача открытых листов регулируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.10.2022 № 1893 «Об утверждении правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия, включая работы, имеющие целью поиск и изъятие археологических предметов, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [6]. Сохранение археологического наследия, в том числе его защита от грабительских раскопок, названо Правительством России серьезной проблемой в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [7].

За нарушение законодательства об охране археологического наследия как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Правовой основой сотрудничества в области охраны археологических памятников является Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области культуры, образования и науки, предполагающее сотрудничество в области сохранения их культурного наследия, а также реставрацию исторических, культурных и религиозных памятников и объектов [8]. Сотрудничество по вопросам незаконного оборота культурных ценностей осуществляется на основании Соглашения о сотрудничестве таможенных служб стран СНГ по вопросам задержания и возврата незаконно вывозимых и ввозимых культурных ценностей предусматривает сотрудничество и борьбу с незаконным вывозом исторических ценностей [9].

Сохранение историко-культурного наследия является важным направлением государственной политики как Республики Беларусь, так и Российской Федерации, которая строго регламентируется нормативными правовыми актами.

Список использованных источников:

1. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронный ресурс] : 20 ліпеня 2016 г. № 413-З прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 года : адобр. Саветам Рэспублікі 30 чэрвеня 2016 года. № 413-З // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. – 80 с.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

[Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. – Режим доступа : https://www.consultant.ru. – Дата доступа : 03.04.2025.

4. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронный ресурс] : 20 ліпеня 2016 г. № 413-З прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 года : адобр. Саветам Рэспублікі 30 чэрвеня 2016 годаг. № 413-З // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации: Утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 12 апреля 2023 г. № 15 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской Академии наук – Режим доступа: https://www.archaeolog.ru/. – Дата доступа : 03.04.2025.

6. Постановление Правительства РФ от 24 октября 2022 г. № 1893 «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия, включая работы, имеющие целью поиск и изъятие археологических предметов, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. – Режим доступа : https://www.consultant.ru. – Дата доступа : 03.04.2025.

7. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018) Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. – Режим доступа : https://www.consultant.ru. – Дата доступа : 03.04.2025.

8. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области культуры, образования и науки от 21 февраля 1995 [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. – Режим доступа : https://www.consultant.ru. – Дата доступа : 03.04.2025

9. Соглашение стран СНГ от 15.04.1994 «О сотрудничестве таможенных служб по вопросам задержания и возврата незаконно вывозимых и ввозимых культурных ценностей» [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. – Режим доступа : https://www.consultant.ru. – Дата доступа : 03.04.2025.

УДК 342.76

Сильванович Ю.Н.
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ТРУД ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ В РФ, ПРИБЫВШИМИ В ПОРЯДКЕ, НЕ ТРЕБУЮЩЕМ ПОЛУЧЕНИЯ ВИЗЫ

Аннотация. В работе были рассмотрены особенности реализации конституционного права на труд иностранными гражданами, прибывающими в Российскую Федерацию в безвизовом порядке. Анализируются правовые нормы, регулирующие трудовую деятельность данной категории иностранных граждан, исследуются существующие ограничения и пределы реализации данного права. Особое внимание уделяется вопросам правового регулирования миграционных процессов и механизмам обеспечения баланса между правом на труд и национальной безопасностью.

Ключевые слова: конституционное право, право на труд, иностранный работник, патент, профессия, миграционная политика, правовой статус

Abstract. The paper considered the specifics of the implementation of the constitutional right to work by foreign citizens arriving in the Russian Federation on a visa-free basis. The article analyzes the legal norms governing the labor activity of this category of foreign citizens, examines the existing restrictions and limits of the exercise of this right. Special attention is paid to the issues of legal regulation of migration processes and mechanisms for ensuring a balance between the right to work and national security.

Key words: constitutional law, right to work, foreign worker, patent, profession, migration policy, legal status

Одним из фундаментальных социально-экономических прав граждан является право на труд. Так, в соответствии с положениями части 1 статьи 37 Конституции РФ: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» [1]. В условиях сформировавшихся тенденций к глобализации экономических процессов особую актуальность представляют вопросы правового регулирования труда иностранных граждан. В частности, отметим, что конституционное право на труд как одно из основополагающих прав подлежит защите вне зависимости от государства, с которым у субъекта трудовых отношений установлена взаимная правовая связь. Тем не менее, оно приобретает свои специфические особенности именно в условиях его реализации иностранными гражданами на территории Российской Федерации. В целом, данное обстоятельство видится логичным с точки зрения необходимости защиты внутреннего рынка труда, обеспечения безопасности государства и не может быть истолковано как нарушение принципа равного доступа к труду.

Повышенный интерес к вопросам возможных пределов реализации конституционного права на труд иностранными гражданами в РФ объясним отчетливо выраженной тенденцией к планомерному миграционному приросту населения, приоритетно заявляющему в качестве основания прибытия в Россию осуществление рабочих отношений. При этом в последние годы отмечается увеличение числа случаев нарушения законодательства как со стороны самих мигрантов, так и работодателей, привлекающих иностранных работников. Подобный вывод удалось сделать, опираясь на аналитические данные Министерства внутренних дел РФ. Так, по результатам за 2024 год было проведено «293,2 тыс. (+3,4%) мероприятий, направленных на выявление фактов нарушения миграционного законодательства …» [2], в отношении работодателей, привлекающих к трудовой деятельности мигрантов, было выявлено значительно возросшее по сравнению с предыдущим периодом количество правонарушений (рост составил порядка 69,6%). Столь внушительные показатели обуславливают необходимость в изучении механизма реализации права на труд иностранными работниками на предмет наличия пробельных либо коллизионных аспектов правового регулирования.

Право на труд иностранных граждан не является безграничным и реализуется в строго определенных нормативными актами пределах. Основным национальным правовым источником, конкретизирующим вышеприведенные конституционные положения, является Федеральный закон от 25.07.2002 № 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 115), в статье 15 которого разъясняется, что под иностранным работником следует понимать иностранного гражданина, «временно пребывающего в Российской Федерации и осуществляющего в установленном порядке трудовую деятельность» [3].

Анализ приведенного закона показал вариативность правового статуса иностранного гражданина, которая позволяет ему быть участником различных видов правоотношений, как трудовых, так и гражданско-правового характера. Однако, сам факт возникновения права на труд в данном случае тесно взаимосвязан с существованием сложного юридического состава, предполагающего, в отдельных случаях, наличие

разрешения на работу или, например, патента, отдельными исследователями воспринимаемого в качестве дополнительного препятствия к использованию социально-экономических прав (в качестве примера приведем диссертационное исследование М.А. Янц, размышлявшей о всех сопутствующих статусу иностранного гражданина сложностях «свободно выбирать профессию» [4, с. 10]). Соответственно, при реализации иностранным гражданином своего права на свободное распоряжение имеющимися у него способностями к труду (в частности, выбора предпочтительного рода деятельности) видится возможным отметить наличие следующих сдерживающих факторов:

- привязка к местонахождению – субъекту РФ, на территории которого иностранному гражданину было выдано разрешение на осуществление трудовой деятельности/патент (п. 4.2 ст. 13 Федерального закона № 115). Отметим, что данное ограничение призвано также регламентировать особенности реализации иностранным гражданином права на свободный выбор места жительства;

- временные ограничения в отношении имеющегося законного статуса нахождения иностранного работника на территории РФ. Например, срочный характер патентных отношений, которые по общему правилу (в соответствии с п.5 ст. 13.3 Федерального закона № 115) отграничиваются двенадцатью месяцами (с возможностью продления);

- ограничения, связанный с наличием сфер деятельности, недоступных иностранному работнику, как, например, работа на объектах, деятельность которых связана с обеспечением безопасности РФ (ст. 14 Федерального закона № 115);

- установленная законодателем обязанность иностранных граждан, желающих осуществлять трудовую деятельность на территории РФ, подтвердить свои знания в области русского языка, основ российского законодательства и истории России (ст. 15.1 Федерального закона № 115);

- предоставленная органам власти субъектов РФ возможность по принятию решения «об указании в патенте, выдаваемом на территории данного субъекта Российской Федерации, профессии (специальности, должности, вида трудовой деятельности) иностранного гражданина» [3].

Отметим, что именно последний из приведенных сдерживающих факторов, как видится, вызывает большинство вопросов и трудностей у правоприменителей. Обратим внимание на следующее.

Значимость вопроса о пределах реализации конституционного права на труд иностранными гражданами в РФ достаточно трудно переоценить. Помимо очевидной необходимости и важности сохранения фундаментальных демократических начал, для РФ также острым остается вопрос о решении проблемы миграционной политики. Об этом в 2023 году, в частности, говорил председатель Правительства РФ Михаил Мишустин, отмечавший, что «с учётом масштабов миграционных потоков вопросам безопасности нужно уделить особое внимание» [5]. Именно поэтому большинство из приведенных выше законодательных механизмов объединяет один важный фактор: безальтернативность вменения, чего не скажешь о диспозитивно регламентированном положении касательно возможности (но не обязанности) указания в патенте конкретного рода деятельности.

В качестве дополнения к анализируемому положению в 2021 году был принят Приказ Министерства внутренних дел РФ от 02.11.2021 № 805 «Об утверждении форм патентов, выдаваемых иностранным гражданам …», где в п.1.8 перечня сведений, содержащихся в патенте, отмечается наличие информации о профессии патентообладателя «лишь в случаях «предусмотренных абзацем пятым пункта 29 статьи 13.3 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115…» [6].

Изучение опыта регионального патентования новоприбывших иностранных работников позволяет утверждать, что, в большинстве своем, в таком патенте в соответствующей графе «профессия» ставится прочерк. На наш взгляд, данная ситуация противоречит закрепленным в РФ приоритетным направлениям политического

экономического и социального развития регионов с учетом имеющейся по состоянию на начало 2025 года миграционной ситуации.

Исходя из всего вышеизложенного, считаем возможным предложить внести изменения в п. 29 ст. 13.3 Федерального закона № 115 в части закрепления безальтернативного подхода – обязательности указания в патенте, выдаваемом иностранному гражданину, прибывшему в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, профессии. Как видится, подобное нововведение способно повлечь за собой дополнительные позитивные изменения в части перспектив социально-экономического развития субъектов РФ в ближайшем будущем.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.03.2025). – Текст: электронный.
2. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел РФ: официальный сайт. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/ (дата обращения: 27.03.2025). – Текст: электронный.
3. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 27.03.2025). – Текст: электронный.
4. Янц, М.А. Равенство прав и обязанностей иностранных граждан и граждан Российской Федерации: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.02 / М.А. Янц. – Саратов, 2011. – 175 с.
5. Михаил Мишустин провёл стратегическую сессию по миграционной политике: http://government.ru. – URL: http://government.ru/news/49873/ (дата обращения: 31.03.2025). – Текст: электронный.
6. Приказ МВД России от 02.11.2021 № 805 «Об утверждении форм патентов, выдаваемых иностранным гражданам или лицам без гражданства, прибывшим в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, и перечней сведений, содержащихся в указанных патентах» (Зарегистрировано в Минюсте России 17.12.2021 N 66419). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403864/?ysclid=m8x39iick0874739785 (дата обращения: 31.03.2025). – Текст: электронный.

УДК 343.9

Андруцкий А.Н.
аспирант кафедры теории государства и права
Научный руководитель: Пашнева В.А., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь, Российская Федерация

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ДЕТЕКТИВОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация: рассматриваются вопросы взаимодействия между органами дознания, предварительного следствия с представителями частных дектективных структур в РФ. Раскрыта проблематика совместной работы, конфликта интересов и конкуренции между разными участниками процесса дознания.

Ключевые слова: следователь, расследование, частный детектив, взаимодействие, конфликт.

Abstract. This article examines the issues of interaction between the bodies of inquiry, preliminary investigation in the Russian Federation with representatives of private structures. The problems of joint work, conflict of interest and competition between different participants in the inquiry process are revealed.

Keywords. Investigator, investigation, private detective, interaction, conflict.

Тема настоящего исследования актуальна на протяжении многих лет, ввиду недостаточной проработанности и отсутствия нормативного урегулирования отношений, которые касаются взаимодействия представителей официальных государственных органов и частных детективных структур. Вместе с тем, практика других государств свидетельствует, что частный сектор очень эффективен для проведения расследований. Вместе с тем, отмечается, что показатели раскрываемости преступлений, напрямую зависят от чёткой правовой регламентации, которая определяет пределы допустимого влияния и рамки поведения представителей УМВД и других структур.

История взаимодействия рынков негосударственных детективных предприятий и государства исчисляется ещё задолго до распада СССР и перехода к рыночной экономике. Отмечается, что к концу 1980-х годов начали действовать «первообразы» частных охранных организаций и частных детективных предприятий, которые образовывались как «промышленные кооперативные предприятия, в уставах которых предусмотрена возможность предоставления охранных услуг» [3, с.25]. Отношения между государственными и правоохранительными органами частного сектора, в этот период, можно охарактеризовать как неурегулированные. Потребность частного сектора сформировалась из-за невозможности государства гарантировать интересы граждан, но государство такого рода расследования не поддерживало, зачастую преследуя таких частных сыщиков. Реформация частного сектора произошла уже в 1992 году и положила начало формированию регламентов взаимодействия частного и государственного сектора, которые разрабатываются до сих пор.

Давая характеристику сущности негосударственной (частной) детективной деятельности в Российской Федерации, В. В. Горовенко уточняет: «Частная детективная деятельность — это правоохранительная, самостоятельная, рисковая деятельность, направленная на получение прибыли от удовлетворения потребностей физических и юридических лиц по обеспечению реализации и защите имущественных и неимущественных прав и законных интересов...» [3, с. 26]. Таким образом, учёным было дано определение, которое комплексно характеризует сущность правоохранительной деятельности, определяя, что единственным существенным отличием является деление правоохранительных структур на частные и государственные. Учитывая, что цель деятельности таких структур совпадает, урегулирование возникающих противоречий повысит эффективность правоохранительной деятельности и станет благом для государства и общества.

Регламентация правовой деятельности частных детективных структур сформулирована весьма противоречиво и не соответствует современным реалиям их деятельности. Законодательством не урегулирован процесс законного участия частных детективов при расследовании преступлений [1, с. 55].

По данным социологического опроса, проведённого в одном из субъектов Российской Федерации, следователи и частные детективы отмечали, что «у детективов очень мало возможностей активно участвовать в собирании сведений по уголовным делам,

и что в России частный сыск не развит» [3]. Указанное демонстрирует, что частные детективы оказываются вне процесса расследования, что по мнению следователей является негативной практикой, так как нагрузка на официальных лиц, отсутствие финансирования, квалифицированных кадров, существенной государственной поддержки приводит к тому, что качество следствия не всегда проводится на высоком уровне. Отмечается, что такое участие должно быть строго регламентировано и касаться только тех частных сыщиков, которые прошли процедуру лицензирования. Таким образом, привлекая такие кадры снизится нагрузка на правоохранительные органы и могут быть использованы не регламентированные официально, способы расследования.

Предложения по допуску частных лиц в процедуру расследования уже давно обсуждаются как в теории, так и на практике. Так, например, в 2020 году в Государственную думу было внесено предложение, в соответствии с которым, частным детективам было бы разрешено передавать следователю доказательства по уголовному делу, которые должны быть приобщены к материалам. Автор законопроекта предлагал уточнить статью 89 УПК РФ и «приравнять частную детективную деятельность к оперативно-розыскной, а также прописать в Кодексе определение «результатов частной детективной деятельности»» [4]. Обосновывая необходимость принятия этого законопроекта, отмечалось, что в настоящий момент, частные детективы имеют право проводить расследование и даже передавать его результаты следователю. Однако, прямой обязанности следователя использовать эти результаты законодательством не предусмотрено, а это означает, что принятие решения о приобщении носит субъективный характер. Следовательно, возникает конфликт – доказательства, собранные неофициальным лицом, могут быть просто не учтены в дальнейшем следствии, что может существенно повлиять на раскрытие данного дела. «Кроме того, некоторые следователи просто не хотят идти на такой риск – вдруг кто-то подумает, что они лично заинтересованы в приобщении материалов частных детективов» [4]. В качестве доказательства приводились результаты исследования Генеральной прокуратуры РФ, согласно которым, причина отказа в использовании материалов частного расследования:

«55,8% - при отказе в приобщении доказательств, следователь указал, что в УПК РФ нет пункта, который допускает такое приобщение» [4];

«44,2% - частный детектив не наделен правом представления результатов своей работы в уголовном судопроизводстве» [4].

Этому исследованию почти 10 лет (оно было проведено в 2017 году), но его актуальность до сих пор не утрачена.

При наличии указания в законе о необходимости использования собранных частным детективам доказательств, следователи и представители частного сектора смогут эффективнее и без конфликта заниматься расследованием уголовных дел, тем самым, повышая их эффективность.

Проанализировав общие тенденции развития частного сыска в России [2, с.200], способы взаимодействия следователей и частных детективов, можно сделать ряд общих заключений:

1. Основная проблема - отсутствие в УПК РФ отдельной регламентированной статьи, которая бы закрепляла положение и статус частного детектива в процессе расследования уголовных преступлений. Частные детективы не в праве использовать документы и иные сведения, полученные в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности органами, уполномоченными в данной сфере деятельности.

2. Отсутствие установленных регламентов взаимодействия следователя и частного детектива, использования результатов труда частных детективов в собирании и исследовании доказательств по уголовному делу. Это приводит к субъективной оценке предоставленных доказательств, конфликту между следователем и детективом, понижению эффективности такого труда.

3. Отсутствие у частного детектива полномочий на проведение расследования и направления материалов такого расследования напрямую в суд по делам частного обвинения.

Наличие любых проблем и конфликтов обусловлено отсутствием нормативных предписаний. Так как наличие возможности субъективного подхода в рамках проведения расследования, может привести к тому, что неверная оценка полученных от частных детективов доказательств, может привести к существенным упущениям и последующему «висяку». Основная цель следствия - установление истины, и автор полагает, что при достижении этой цели должны быть использованы все доступные методы сбора и получения доказательств. Частный детектив - ресурс для следователя, а не конкурент.

Разрешить имеющиеся конфликты можно путём дополнения статей уголовно-процессуального закона, в части закрепления списка полномочий частного детектива в сфере уголовного судопроизводства. При этом, отметить, что должен быть установлен ряд условий, среди которых, например, наличие лицензии у частного детектива, обязанность сотрудничества со стороны официального следствия, официальное оформление отношений между частным детективом и его заказчиком, система сдержек, например, допуск участия в следствие только с разрешения следователя и после вынесения соответствующего постановления.

Эти, и иные меры значительно повысят эффективность следственных мероприятий, будет выступать гарантом прав для потерпевших и снизит количество конфликтов между представителями официальных органов дознания и частной сферой.

Список использованных источников:

1. Зеленов Ю.Н., Корниенко О.В., Малыгин С.С., Потапов А.И.: Лицензирование и контроль за частной охранной и детективной деятельностью: учебно-практическое пособие.- М.: ФГУ «ВНИИ МВД России», 2011. – 169 с.
2. Тихомиров М.Ю. Частная охранная деятельность: Практическое пособие. – М.: Издательство: Тихомиров М.Ю. 2012. – 142 с.
3. Иванкин, С. А. Государственное регулирование негосударственной (частной) детективной и охранной деятельности в Российской Федерации / С. А. Иванкин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 38 (276). — С. 25-29. — [Электронный ресурс]. - Режим доступа: (дата обращения: 04.04.2025).
4. Сайт Федеральной палаты адвокатов// [Текст статьи]. — Частное в дело: выводы детективов могут стать доказательствами в судах. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://fparf.ru/news/media/chastnoe-v-delo-vyvody-detektivov-mogut-stat-dokazatelstvami-v-sudakh/ (дата обращения: 02.04.2025 г.).

УДК 342(470)(072.8)

Головко К.А.
аспирант кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева
Научный руководитель: Д.С. Велиева доктор юридических наук, профессор ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ограничения прав и свобод военнослужащих в Российской Федерации. Анализируются нормативно-правовые акты, регулирующие ограничения прав и свобод военнослужащих в Российской Федерации.

Ключевые слова. Военнослужащие, права человека, конституционные гарантии, ограничения прав, государственная служба, военная служба, правовой статус.

Annotation. The article examines the specifics of restrictions on the rights and freedoms of military personnel in the Russian Federation. The normative legal acts regulating restrictions on the rights and freedoms of military personnel in the Russian Federation are analyzed.

Keywords. Military personnel, human rights, constitutional guarantees, restrictions on rights, civil service, military service, legal status

Наличие любого конституционно-правового статуса несет за собой большой спектр особенностей таких как: права, свободы, гарантии, обязанности, а также ограничения и запреты. Каждый из этих факторов взаимосвязан с другим, наличие прав и свобод влечет за собой ограничения и запреты, властные полномочия возлагают дополнительные обязанности. Особенно данный аспект затрагивает государственных служащих, этот факт обусловлен спецификой прохождения службы. В рамках государственной службы термин «ограничения» можно охарактеризовать как – комплекс экономических, политических и организационно-управленческих факторов запретов. Наличие ограничений показывает границы «дозволенного», нарушение которых государство либо однозначно запрещает, либо не одобряет и не поощряет.

Наличие властных полномочий у государственных служащих порождает вероятность их использования в несоответствующих целях: личного обогащения, политических предпочтений, а также интересы третьих лиц. Правовое закрепление положений об ограничениях правового статуса госслужащего, носит ультимативный характер и стоит на страже государственных интересов.

Еще во времена петровского законодательства были предприняты попытки нормативно закрепить ограничения для лиц, проходящих государственную службу. В качестве примера можно привести:

- запрет приема на службу «ради дружбы или подарков недостойного и неискусного человека» [1];
- запрет на ведение дел на дому [2];
- Генеральный регламент [3] и Указ «О должности Сената» [4] запрещали разговаривать в коллегиях на посторонние темы, смеяться, употреблять непотребные и праздные слова. Все усилия чиновника должны были быть направлены на решение служебных вопросов.

В законодательства того времени так же четко регламентировалось поведение чиновников, запреты на сквернословие, алкоголизм и т. д. имели нормативно-правовое закрепление. Таким образом уже в петровские времена начала закладываться нормативно-правовая база, регулирующая запреты и ограничения государственных служащих.

В настоящее время 2 глава Конституции Российской Федерации закрепляет перечень фундаментальных прав и свобод человека и гражданина которые гарантируются на территории Российской Федерации. В тексте права и свободы разделены на группы: личные права и свободы; политические; социальные и экономические; правосудие и права обвиняемого; особые положение (права иностранных граждан; предоставление политического убежища и другие). Данные права и свободы являются основой правового статуса личности. Однако следует отметить, что п. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации предусматривает ограничения прав и свобод граждан с целью защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Статус военнослужащего Вооруженных Сил Российской Федерации как нельзя лучше подходит по данную

формулировку. Обязанностью военнослужащего является защита государства, в связи с этим фактором данный статус обладает широким перечнем ограничений и запретов.

На основании Федерального закона от 27.05.2003 N 58-ФЗ (ред. от 14.02.2024) "О системе государственной службы Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024) [5] военная служба определяется как – «вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на воинских должностях или не на воинских должностях в случаях и на условиях, предусмотренных федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства. Таким гражданам присваиваются воинские звания.». Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 02.10.2024) "О воинской обязанности и военной службе"[6] интерпретирует «военную службу» как – особый вид федеральной государственной службы …». Следовательно деятельность граждан, проходящих военную службу, регулирует не только Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе" от 28.03.1998 N 53-ФЗ, но и ранее упомянутый Федеральный закон.

Ст. 27.1. Федерального закона от 27.05.1998 N 76-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 12.02.2025) "О статусе военнослужащих"[7], устанавливает перечень нормативно-правовых актов, закрепляющих ограничения запреты и обязанности, связанные с прохождением военной службы. Таковыми являются:

- Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция) [8];
- п. 10 ч. 1 ст. 15, ст. 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 года N 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации"[9];
- ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 14 июля 2022 года N 255-ФЗ "О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием"[10].

Данные нормативно-правовые акты являются фундаментальными и являются основой для формирования рамочных нормативно-правовых актов, которые конкретизируют и уточняют положения федерального законодательства. Практика Конституционного суда показывает, что, все ограничения и запреты, которым подвергнуты военнослужащие в период прохождения службы, не противоречат конституции Российской Федерации. Это обусловлено добровольным характером военной службы.

Таким образом ограничения и запреты как инструмент контроля над должностными лицами, имеющими властные полномочия имеет свой исторический подтекст и находит свое отражение в современных реалиях. Изначально запланированный как способ подавления неправомерного использования своего «положения», он эволюционировал в инструмент защиты государственного суверенитета. Военнослужащие на которых распространяется ряд нормативно-правовых актов определяющих перечень ограничений, имеют право на получение исключительных мер поддержки со стороны государства. Это позволяет компенсировать ограничения конституционных прав, которым подвергаются военнослужащие. Исходя из этого мы можем сделать вывод о том, что ограничения и запреты в рамках военной службы — это необходимость, которая обуславливается требованием защиты суверенитета государства. Военнослужащие – лица, которые добровольно соглашаются на ограничение своих конституционных прав, во благо родины, взамен получая дополнительные меры государственной поддержки.

Список использованных источников:

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. VI. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 3534 Реформы Петра I. Сборник документов. Сост. В.И.Лебедев. М., Гос.соц.-эк.изд-во, 1937, с. 118

2. Реформы Петра I. Сборник документов. Сост. В.И.Лебедев. М., Гос.соц.-эк.изд-во, 1937.
3. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. Отв. ред. А.Г.Маньков. М., Юридическая литература, 1986.
4. Федеральный закон от 27.05.2003 N 58-ФЗ (ред. от 14.02.2024) "О системе государственной службы Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024)
5. Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 02.10.2024) "О воинской обязанности и военной службе"
6. Федеральный закон от 27.05.1998 N 76-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 12.02.2025) "О статусе военнослужащих"
7. Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция)
8. Федеральный закон от 27 июля 2004 года N 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации"
9. Федеральный закон от 14 июля 2022 года N 255-ФЗ "О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием"

УДК 342.72/73

Данильченко В.В.
аспирант кафедры истории и теории государства и права.
Научный руководитель: Адельсеитова А.Б., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь.

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕМЕНТАХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ОМБУДСМЕНА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. На основе анализа законодательства зарубежных стран исследуется юридическая природа института омбудсмена. Проводится комплексный анализ элементов конституционного - правового статуса омбудсмена. Автором выделяются основные и дополнительные элементы конституционно-правового статуса омбудсмена, где к основным отнесены – общая правоспособность, права и обязанности омбудсмена, гарантии его деятельности, и к неосновным (дополнительным) – формы и принципы деятельности омбудсмена, его ответственность, характеризующие конституционно-правовой статус омбудсмена.

Ключевые слова: омбудсмен, конституционно-правовой статус, права человека, права и обязанности

Annotation. Based on the analysis of the legislation of foreign countries, the legal nature of the institution of the Ombudsman is being investigated. A comprehensive analysis of the elements of the constitutional and legal status of the Ombudsman is carried out. The author identifies the main and additional elements of the constitutional and legal status of the Ombudsman, where the main ones include the general legal capacity, rights and duties of the Ombudsman, guarantees of his activity, and the non-basic (additional) ones include the forms and principles of the Ombudsman's activity, his responsibility, characterizing the constitutional and legal status of the Ombudsman.

Keywords: ombudsman, constitutional and legal status, human rights, rights and obligations

В реализации механизма защиты гражданских и личных прав и свобод в системе органов государственной власти омбудсмен занимает одно из центральных мест. Исследования Института омбудсмена, при всем многообразии научных работ в этой области, остаются актуальными и востребованными, включая определение элементов конституционно-

правового статуса омбудсмена. Сложные, многогранные отношения, возникающие между Омбудсменом и гражданами, омбудсменом и государством, различными общественными объединениями, требуют четкого регулирования и регламентации, они закреплены в правовой форме, которая определяет конституционно-правовой статус Омбудсмена. Это один из важных моментов, который определяет легитимность института омбудсмена, важные параметры его поведения в структуре общественных отношений, а также его место в системе органов государственной власти.

Правовое регулирование статуса омбудсмена отражает предполагаемое назначение этого института и направлено на надлежащее осуществление им правозащитной и контрольно-надзорной деятельности, определение сферы его компетенции, обеспечение надлежащих механизмов осуществления его полномочий и т.д. Богатый правозащитный опыт правового регулирования института омбудсмена, накопленный в зарубежных странах, позволяет выделить и обратить внимание на некоторые аспекты, которые определяют ключевую роль и содержание конституционно-правового статуса омбудсмена. А именно, статус омбудсмена выступает как инструмент, систематизирующий нормы о нем как участнике общественно-правовых отношений и приводящий их в стабильное правовое состояние, это структура, сочетающая нормативные характеристики, теоретические концепции и реальную практику реализации правовых предписаний [1, с. 5].

В юридической литературе нет единого подхода к определению основных элементов конституционно-правового статуса института омбудсмена. Причина заключается в недостаточном исследовании категории статуса в праве, а также в том, что статус в конституционном праве имеет несколько воплощений в зависимости от роли, которую он играет в определении и фиксации статуса участников конституционно-правовых отношений, и подходов к его характеристике.

Элементы личностного статуса человека и гражданина в основном были подвергнуты наиболее тщательному теоретическому исследованию. Хотя, несмотря на это, в теории права на сегодняшний день до сих пор нет единой точки зрения по этому вопросу.

Правовое регулирование статуса омбудсмена отражает основные требования, предъявляемые к его деятельности. правовой статус (совокупность предусмотренных законом прав и обязанностей) определяет место в системе общественных отношений и субъектов права, наиболее важные права и обязанности, формы (процедуру) их реализации и предпринимаемые акты или совместные действия [2].

Тщательное изучение категории статуса в конституционном праве было проведено Н.А. Богдановой, которая исходит из того, что в любом из своих проявлений конституционно-правовой статус обладает такими признаками, как стабильность, относительное постоянство, внутренняя непротиворечивость, системообразующее значение, и состоит из следующих элементов: 1) место субъекта в обществе и государстве, его социально-политическая роль и предназначение; 2) общая правоспособность; 3) права и обязанности или компетенция субъекта и ответственность; 4) гарантии стабильности и реальности правового статуса субъектов [3, с. 3-20]

Сторонники широкого толкования конституционно-правового статуса исходят из того, что он является более совершенным, поскольку позволяет всесторонне охарактеризовать субъект конституционно-правовых отношений, определив его основные правовые свойства и связи. Кроме того, они убеждены, что при широком подходе к толкованию элементов конституционно-правового статуса субъекта можно придать им динамизм, проследив последовательность этапов получения статуса, обладания им и его реализации [4].

Соглашаясь в целом с такими доводами, следует отметить, что сегодня целесообразно придерживаться несколько иного подхода к характеристике статусных элементов. На наш взгляд, современный подход должен основываться на различении между ними основных и неосновных (дополнительных) элементов конституционно-правового статуса субъектов правоотношений. К основным элементам следует отнести те, которые позволяют сделать вывод о юридической “регистрации” органа в качестве полноценного юридического лица. Они

непосредственно находят свое признание на законодательном уровне и существенно влияют на функционирование субъекта правоотношений, определяют его роль и место в системе органов государственной власти. Это, прежде всего, общая правоспособность субъекта, его права и обязанности, гарантии деятельности. Эти элементы, объединенные в единый блок конституционно-правового значения, придают общую статусную характеристику субъекту правового регулирования.

Эти элементы, объединенные в единый блок конституционно-правового значения, дают общую статусную характеристику субъекта правоотношений. Права и обязанности занимают центральное место в структуре конституционно-правового статуса субъектов правоотношений. Они характеризуют большую часть отношений и связей, возникающих между субъектом и государством, гражданами и другими органами власти, органами местного самоуправления и общественными организациями. Характеризуя общую правоспособность омбудсмена как основной элемент его конституционно-правового статуса, необходимо исходить из того, что он выступает в форме его правосубъектности. Его нельзя рассматривать как краткое изложение прав и обязанностей, которыми наделен Омбудсмен, поскольку в этом смысле определяется правоспособность.

Общая правоспособность Омбудсмена заключается в его правовой легитимации, юридическом оформлении этого органа по защите прав человека.

Обязанности омбудсменов составляют основу их конституционно-правового статуса. Как правило, они закреплены в форме полномочий или компетенции этого правозащитного органа. Это неизменный и постоянный правовой статус омбудсмена, когда государство, законодательно определяя конституционно-правовой статус, определяет порядок его назначения, срок полномочий, условия и процедуру прекращения полномочий, основные направления и пределы его деятельности и тому подобное, и тем самым признает его как полноправный субъект государственно-правовых отношений.

Однако положения конституций не исчерпывают закрепления статуса омбудсмена, поскольку они получают свое конкретизацию и развитие в законах и других нормативных актах. В некоторых странах их правовой статус определяется только законами и нормативными актами. Права и обязанности омбудсменов составляют основу их конституционно-правового статуса. Как правило, они закреплены в форме полномочий или компетенции этого органа по правам человека. Например, в законодательстве Молдовы, Грузии, Ирландии, Португалии и некоторых других стран права и обязанности омбудсменов регулируются разделами об их полномочиях. Правовые акты об омбудсменах Дании, Испании, Латвии, Македонии и Российской Федерации устанавливают права и обязанности этих правозащитных органов в разделах специальных законов, касающихся их компетенции. В Германии права военного омбудсмена регулируются разделом о его полномочиях, но обязанности закреплены отдельными статьями закона. Права омбудсмена, как элемент конституционно-правового статуса, представляют собой меру его свободы при выполнении своих функций и в то же время являются средством выполнения задач, стоящих перед этим органом по правам человека. Мы не разделяем точку зрения тех авторов, которые убеждены, что для государственного органа возможное поведение является одновременно и необходимым поведением, и считают, что права и обязанности государственного органа объединены в его полномочиях как единое целое – "право обязанности". Поскольку соблюдение органами государственной власти принципа "то, что прямо предусмотрено законом" означает, прежде всего, недопустимость выхода в своей деятельности за рамки предусмотренных законом полномочий, тем не менее, они обладают свободой выбора конкретного средства воздействия (закона), в зависимости от ситуации, обстоятельств для эффективного решения поставленной задачи или проблемы. Более того, вышеуказанная позиция не может быть применена к омбудсмену, который часто использует неформальные подходы при осуществлении своих полномочий. Права омбудсмена весьма разнообразны и могут быть классифицированы на права при приеме обращений, права при рассмотрении обращений и расследовании обстоятельств нарушения прав человека и права при принятии

мер по восстановлению нарушенных прав граждан. Получив заявление или жалобу о нарушениях или ограничениях прав человека, омбудсмены большинства стран имеют право принять их к рассмотрению; или, при наличии мотивированных обстоятельств, отказать в принятии их к рассмотрению; отказать в принятии, объяснив заявителям средства, которые они могут использовать для защищать их права и свободы, знакомя их с решениями нормативных актов и другими материалами, чтобы заявители могли самостоятельно предпринять соответствующие действия по восстановлению нарушенных прав; или передать это заявление или жалобу в орган государственной власти, местного самоуправления или соответствующему должностному лицу, в компетенцию которого, по сути, входит их решение.

Омбудсмен также сам определяет схему рассмотрения жалоб граждан. Этот процесс не очень формален. Омбудсмен сам определяет, какую процедуру следует применить для надлежащего расследования обстоятельств дела, получения необходимых дополнительных материалов, касающихся обстоятельств нарушения прав и свобод граждан, изложенных в жалобе, и т.д. Другим важным элементом конституционно-правового статуса Омбудсмена являются его обязанности, которые выражают надлежащее и социально необходимое поведение этого института. В отличие от прав, обязанности не имеют столь широкой законодательной базы, что в определенной степени создает иллюзию того, что у омбудсмена их немного. Однако в характере обязанностей этого правозащитного органа необходимо различать те, которые носят прямо запретительный характер, их немного, и те, которые косвенно, в конечном счете, определяют меру его необходимого поведения, их гораздо больше. Например, подготовка и представление ежегодного отчета или доклада парламентского омбудсмена является именно такой возможной обязанностью.

Следует отметить, что в разных государствах обязанности омбудсмена различны и их правовая природа зачастую не совпадает, то есть в одной стране обязанность омбудсмена может выступать в качестве прямого запрета, в другой – она также носит второстепенный характер. Обязанности омбудсмена направлены на надлежащее выполнение возложенных на него функций. Среди них, прежде всего, необходимо упомянуть обязанность соблюдать требования действующего национального и международного законодательства в области прав человека. Омбудсмены не имеют права разглашать факты из частной жизни заявителя и других лиц, участвующих в деле, которые они выявили в ходе расследования дела, без их согласия и нарушать другие права и свободы человека и гражданина. Материалы дела не подлежат широкому распространению до окончания рассмотрения жалобы.

Права и обязанности Омбудсмена - ничто без гарантий, способных их реализовать, гарантии сформулированы в виде правовых условий, средств и способов осуществления Омбудсменом своих прав и обязанностей. Их суть и содержание заключается, прежде всего, в обеспечении стабильности правовой структуры этого правозащитного института. Гарантии деятельности омбудсмена разнообразны. Среди них важное место занимает неприкосновенность деятельности. На весь срок своих полномочий омбудсмены наделены правом неприкосновенности и без согласия Парламента государства не могут быть привлечены к уголовной ответственности или подвергнуты административным взысканиям, налагаемым судом, задержанию, аресту, обыску или личному досмотру. Институт иммунитета омбудсмена призван обеспечить его независимость и эффективную правозащитную деятельность и не освобождает его от ответственности в случае совершения правонарушения. Смысл этого иммунитета заключается в том, что ответственность за преступление или административное правонарушение, совершенное омбудсменом, должна наступить обязательно, но с соблюдением процедур и правил, определенных законом.

Мировая практика показывает, что неприкосновенность деятельности омбудсмена закреплена в большинстве стран, например, в Швеции, Испании, Великобритании, Канаде. Омбудсмены этих стран не только защищены от уголовного преследования, но и получают гарантию освобождения от обязанности предоставлять судебным органам информацию, которая стала им известна в результате расследования. Неприкосновенность деятельности омбудсменов в других странах регулируется законодательством почти таким же образом.

Значительная часть правовых гарантий деятельности омбудсменов касается обеспечения их прав при проведении расследований обстоятельств нарушений прав человека. Законодательными актами большинства стран предусмотрено, что должностные лица различных государственных органов, органов местного самоуправления, объединений граждан, предприятий, учреждений, организаций, независимо от их форм собственности, к которым обратился омбудсмен, обязаны сотрудничать с ним и оказывать ему необходимую помощь. Во-первых, они должны обеспечить доступ к материалам и документам, в том числе основанным на принципах, указанных в положении о защите государственной и служебной тайны; во-вторых, они должны предоставить ему информацию и объяснения относительно фактической и правовой основы своих действий и решений.

Следует отметить, что омбудсмен эффективно выполняет свои функции только в тесном сотрудничестве с органами государственной власти, общественными организациями, в первую очередь правозащитными, и различными международными институтами. Именно в таком сотрудничестве заключается сила его авторитета в государстве и обществе и раскрывается его правозащитный потенциал. Законодательство зарубежных стран четко и недвусмысленно устанавливает требования к взаимодействию органов государственной власти, органов местного самоуправления, объединений граждан, предприятий, учреждений, организаций, независимо от их форм собственности, с омбудсменом и оказанию ему соответствующей помощи. Например, согласно испанскому законодательству, государственные органы и их должностные лица обязаны предоставлять государственному защитнику все необходимые материалы и документы, в том числе секретные. Сотрудники, которые препятствуют расследованию Омбудсмена, отказываются предоставить ему необходимые материалы или затрудняют доступ к документам, проявляют неповиновение и рискуют быть привлеченными к ответственности прокурором, которому государственный защитник имеет право передавать соответствующую информацию о поведении сотрудника. Если народному защитнику не выдаются секретные документы, то в каждом отдельном случае принимается решение Совета Министров. В Нидерландах, если эксперты или переводчики приглашаются повесткой для участия в расследовании жалобы, национальный омбудсмен может распорядиться о применении полицейских сил для их принудительной доставки. Лицо, препятствующее надлежащему выполнению функций государственным советником штата Небраска (США), намеренно вводящее его в заблуждение или пытающееся ввести в заблуждение во время проведения следственных действий, наказывается штрафом в размере до 1000 долларов. Штрафы за препятствование, усложнение или противодействие выполнению омбудсменом его функций, отказ выполнять его законные требования или введение в заблуждение путем дачи ложных показаний также предусмотрены законами Новой Шотландии (до 500 долларов США), Айовы в Соединенных Штатах (не менее 1000 долларов США) и Ямайки (не менее 5000 долларов) [5].

Таким образом, омбудсмены, как государственные институты, наделены значительными гарантиями эффективного выполнения стоящих перед ними задач и функций. Они также пользуются рядом социальных и материальных гарантий, что часто приравнивает этот правозащитный институт к высшим должностным лицам государства. Например, некоторые страны предоставляют своим омбудсменам финансовые и социальные гарантии, приравнивая их по статусу к министрам (Дания, Венгрия, Португалия) или судьям Верховного суда (Ирландия, Новая Зеландия, Дания). Уполномоченный по административным вопросам Кипра, согласно закону, получает вознаграждение, равное вознаграждению Генерального аудитора, а его пенсия и надбавки начисляются в соответствии с процедурой, установленной для председателя Комиссии по государственной службе. Аналогичные правила законодательно регулируются для омбудсменов Соединенного Королевства, Западной Австралии, Новой Шотландии и других штатов. Следует отметить, что целью социальных и материальных гарантий для омбудсменов является не установление для них определенных льгот и привилегий, а обеспечение надлежащего осуществления предусмотренных законом прав и создание надлежащих условий труда. В общей системе гарантий они направлены на

повышение качества и эффективности работы Уполномоченного по правам человека. Как уже отмечалось, гарантии деятельности Омбудсмена, его права, обязанности и общая правоспособность составляют основу его конституционно-правового статуса, в то время как другие элементы выступают в качестве дополнительных элементов статуса этого надзорного и правозащитного учреждения, поскольку они являются производными от основных.

В частности, к дополнительным элементам относятся формы деятельности Омбудсмена, которые выступают в качестве внешней стороны при осуществлении им своих прав и обязанностей. Следует отметить, что в юридической литературе проблема форм деятельности органов государственной власти является одной из наиболее спорных и существуют различные точки зрения относительно их понимания и классификации. На наш взгляд, наиболее разумной и конструктивной является позиция тех ученых, которые рассматривают формы деятельности органов государственной власти как особый структурный элемент правового статуса этих органов и понимают их как внешнюю сторону функционирования органов государственной власти, то есть совокупность однородных действий, которые являются осуществляется в определенных рамках законодательства. Они подразделяются на надзорные и правоприменительные, а в некоторых странах также косвенно на учредительные, законотворческие и толковательные.

Исходя из этого, можно констатировать, что формы деятельности омбудсмена - это основные однородные, самостоятельные действия, которые осуществляются в рамках предусмотренных законом правовых и неправовых рамок и направлены на реализацию его прав и обязанностей.

При осуществлении своих полномочий Омбудсмен в своей деятельности должен руководствоваться определенными принципами, в частности, беспристрастность Омбудсмена тесно связана с его независимостью. Этот основополагающий принцип организации и функционирования института омбудсмена четко законодательно закреплен практически во всех странах, где он действует. В некоторых странах законодательство предусматривает, что омбудсмен независим при исполнении своих обязанностей (Австрия, Венгрия, Ирландия и некоторые другие государства), в других существует положение о том, что омбудсмен является независимым органом и никакие лица или органы не могут вмешиваться в его деятельность при осуществлении им своих полномочий (Босния и Герцеговины, Мальты, Израиля, Испании, региональных омбудсменов Индии, США, Австралии, Российской Федерации и др.). Важность принципа независимости заключается в создании условий для осуществления омбудсменом своих полномочий, при которых он мог бы рассматривать дела и принимать решения, в соответствии со своими внутренними убеждениями и критериями, основываясь на нормах Конституции и других законов.

Омбудсмен борется за внедрение демократических принципов организации работы и отношений с общественностью в практическую деятельность органов государственной власти. Принцип демократичности в работе Омбудсмена выражается в принципе доступности Омбудсмена для граждан, различных органов, организаций, учреждений и должностных лиц, он осуществляет свою деятельность не изолированно, а посредством взаимодействия с широким кругом международных правительственных и неправительственных организаций и их представителей, а также с государственными учреждениями, организациями, неправительственными структурами и гражданами. Обеспечение права каждого гражданина обращаться к Омбудсмену за защитой своих прав и свобод является подтверждением его правозащитной роли. Это право обеспечивается тем фактом, что каждый может свободно обращаться к Омбудсмену за защитой своих прав от незаконных действий государственных органов и должностных лиц.

Омбудсмен обязан создавать все условия для свободного доступа граждан, которые могут получить от него соответствующую помощь по восстановлению нарушенных прав и свобод, консультации по вопросам защиты прав и свобод, а также ответы на все вопросы, касающиеся обеспечения прав и свобод. Важную роль в осуществлении деятельности Омбудсмена играет принцип открытости и транспарентности работы Омбудсмена.

Прозрачность и открытость как принцип работы Омбудсмена являются одним из показателей демократичности этого института. Это тесно связано с информационной функцией Омбудсмена. Его работа не может носить закрытый характер, но должна освещаться в средствах массовой информации и открыто обсуждаться общественностью. Это, в первую очередь, помогает предотвратить нарушения прав человека в будущем. Однако прозрачность в работе омбудсмена должна быть ограничена соблюдением принципа неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности информации о лицах, проходящих по делу. Выполнение Омбудсменом возложенных на него задач требует от него определенных профессиональных качеств. А профессионализм омбудсмена необходим для реализации потенциала этого правозащитного органа. Законодательство многих стран предусматривает среди требований к кандидатам на должность омбудсмена, что они должны либо быть юристами, иметь определенный опыт работы в области прав человека, либо соответствовать требованиям, предъявляемым к судьям судов общей юрисдикции, Верховного суда страны или судьям Конституционного суда. Если такие требования законодательно не закреплены, то практика, как правило, все равно идет по пути назначения юриста на эту должность, чтобы он мог профессионально выполнять свои правозащитные функции. Еще одним дополнительным элементом конституционно-правового статуса Омбудсмена является ответственность. Ответственность Омбудсмена является следствием неисполнения или ненадлежащего исполнения им своих прав и обязанностей, предусмотренных законом, согласно которому Омбудсмен должен нести ответственность за их нарушение. Таким образом, он определяет в качестве своей цели обеспечение законности в стране, предупреждение и пресечение правонарушений омбудсменом, защиту и восстановление нарушенных прав человека, максимально возможное устранение ущерба, причиненного действиями омбудсмена гражданам, обществу и т.д. Ответственность — это конструктивный инструмент и гарантия эффективной работы Омбудсмена и надлежащего осуществления им своих полномочий. Она часто используется не только в тех случаях, когда омбудсмен нарушил нормы закона, но и в том случае, если его поведение или деятельность нарушает нормы морали. Это связано с тем, что к Омбудсмену, как к правозащитному органу, предъявляются достаточно жесткие требования, в том числе и с моральной точки зрения. Таким образом, ответственность способствует соблюдению Омбудсменом действующего законодательства и моральных норм и напрямую влияет на качество его работы и поведение. Однако, анализируя правовую базу ответственности омбудсмена на сегодняшний день, мы вынуждены констатировать, что законодательство не всегда представляет собой эффективную систему норм, которая обеспечивала бы надлежащее функционирование этого контрольно-надзорного органа. Не следует забывать, что ответственность любого государственного органа является неотъемлемой составляющей демократического правления, гарантией от узурпации и злоупотребления властью. И институт омбудсмена не является исключением.

Проанализировав элементы конституционно-правового статуса Омбудсмена, были выделены основные из них - общая правоспособность, права и обязанности омбудсмена, гарантии его деятельности, и второстепенные (дополнительные) – формы и принципы деятельности омбудсмена, его ответственность. Эти элементы наиболее полно характеризуют конституционно-правовой статус института омбудсмена, но не раскрывают в полной мере его природу.

Список использованных источников:

1. Бойцова В.В. Нужен ли нам уполномоченный по правам человека // Советская юстиция. – 1993. – № 20. – С. 11-12.
2. Конституционное право. Энциклопедический словарь / Отв. ред. и рук. автор. коллектива д. юр. наук, проф. С.А. Авакьян. – М.: Изд-во НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА М), 2001. – 675 с
3. Боков Х.Х., Перфильев М.Н., Солопов Е.Ф. Институт омбудсменов (национальные и региональные отношения в России). – М.: ВИУ, 1998. – 31 с.

4. Боков Х.Х., Перфильев М.Н., Солопов Е.Ф. Институт омбудсменов (национальные и региональные отношения в России). – М.: ВИУ, 1998. – 31 с.
5. Гамцелыдзе Т.В. Правовой статус личности в скандинавских странах: Дис. канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 1985. – 203 с.

УДК 349.4

Евграфова А.Г.
Аспирант
Научный руководитель: Королев С.В., доктор юридических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»,
г. Москва

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОПРОСОВ ОЗЕЛЕНЕНИЯ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ОБЩЕСТВЕННОСТИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ДОНБАССА И НОВОРОССИИ

Аннотация. Вопросы озеленения населенных пунктов Новороссии и Донбасса являются актуальными, так как их решение позволит создать современные, комфортные условия для жизни, отдыха и культурной деятельности жителей городов и районов, обеспечить санитарное и эстетическое состояние сельских и городских территорий. Скорейшее решение этих вопросов возможно при условии привлечения к мероприятиям по озеленению территорий граждан, организаций и иных лиц. Для широкого привлечения общественности к решению вопросов озеленения необходимо нормативно-правовое обеспечение данных процессов.

Ключевые слова: Новороссия, Донбасс, озеленение, социальные проекты, семейный лес, нормативно-правовое обеспечение

Abstract. The issues of landscaping the settlements of Novorossiya and Donbass are relevant, as their solution will create modern, comfortable living conditions, recreation and cultural activities for residents of cities and districts, ensure the sanitary and aesthetic condition of rural and urban areas. An early solution to these issues is possible provided that citizens, organizations and other persons are involved in landscaping activities. In order to widely involve the public in solving landscaping issues, regulatory support for these processes is necessary.

Keywords: Novorossiya, Donbass, landscaping, social projects, family forest, regulatory support.

На протяжении десятилетий после развала СССР в населенных пунктах Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей мало внимания уделялось озеленению городов и сел. В результате посадки деревьев времен СССР, когда было объявлено о «зеленом строительстве» [1, с. 21], достигли возраста, когда они подлежат санитарной рубке.

Ситуация начала усугубляться с 2014 года после начала политического кризиса на Украине. В условиях вооруженного конфликта вопросы озеленения и благоустройства отошли на последний план. Жители ряда населенных пунктов перешли на древесное топливо в результате отключения газоснабжения. Хищнически вырубались леса в Луганской Народной Республике Донецкой Народной Республике и вывозились в западном направлении [2, с. 1]. Более того, леса преднамеренно сжигались [3, с. 1].

С началом специальной военной операции по итогам 2022 года ВС РФ освободили не менее 79535 км² территории Украины (13.79%), в течении 2024 года (по состоянию на 31 октября) – также не менее 2636 км² территории Украины (0.46%). В состав России вошли

ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области, а это сотни сел и городов, требующих восстановления, благоустройства и озеленения.

Вопросы благоустройства и озеленения населенных пунктов относятся к вопросам местного значения, а значит, регулируются местными законодательными актами. Потому в первую очередь требуется разработка нормативно-правовой базы на местном уровне, постановка территории на кадастровый учет с определением собственника земель, разграничением территории по видам пользования.

Основные озеленительные мероприятия проводятся с учетом целей освоения новых территорий. Субъектами процесса озеленения являются муниципальные предприятия, привлекаемые ими или органами местного самоуправления подрядчики, а также общественность, потому что включение населения в данную работу поможет изменить его настроение, вовлечь в созидательный труд. Совместная посадка деревьев семьями может стать основной для патриотического воспитания, одним из базисов воспитания любви к своей Родине. Также в рамках Всероссийского эколого-патриотического и просветительского проекта «Семейный лес» [4, с. 421], например, закладываются горизонтальные связи, происходит обмен опытом и вовлечение в процесс озеленения новых территорий еще большего количества общественности.

Правовым документом, регламентирующим вопросы благоустройства и озеленения населенных пунктов, является Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В частности, подп. 5 п. 2 ст. 45.1 регламентировано, что «организация озеленения территории муниципального образования, включая порядок создания, содержания, восстановления и охраны расположенных в границах населенных пунктов газонов, цветников и иных территорий, занятых травянистыми растениями» может регулироваться правилами благоустройства территории муниципального образования. Уже на местном уровне, как правило, каким образом граждане и организации будут участвовать в воплощении в жизнь мероприятий, направленных на благоустройство и озеленение территории муниципального образования.

Законодательный акт муниципального органа обычно учитывает практику, условия местности. С учетом этого разрабатываются правила благоустройства и озеленения конкретных муниципальных образований на новых территориях.

В ряде муниципалитетов Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области приняты народными советами законодательные акты, которые определяют порядок участия жителей в вопросах благоустройства и озеленения сел и городов:

- Распоряжение Администрации города Краснодона и Краснодонского района Луганской Народной Республики (АГКиКР ЛНР) от 29 июля 2020 г. № 1130 «Об утверждении Правил благоустройства территории города Краснодона и Краснодонского района Луганской Народной Республики» [5, с. 1]. Пунктом 3.1.2 установлено, что граждане вправе принимать участие при благоустройстве, озеленении города и района, содержать в надлежащем состоянии усадьбы, дворовые территории, парки, площади, улицы, кладбища. Также в ведении граждан оборудование детских и спортивных площадок, ремонт дорог и тротуаров, других объектов благоустройства. На практике получается, что граждане активно участвуют в субботниках, мероприятиях по закладке парков и аллей. Ведущая роль в организации таких событий принадлежит муниципалитету.
- Решение Совета городского округа Муниципального образования город Луганск Луганской Народной Республики от 29.08.2024 №1-25/6 «Об утверждении Правил благоустройства территории муниципального образования городской округ город Луганск Луганской Народной Республики» [6, с. 1]. Согласно подпункту а) пункта 1 ст. 4. жители муниципального образования, а под ними подразумеваются граждане, группы граждан, добровольцы и волонтеры, участвуют в процессе благоустройства города Луганска. В частности, они могут определять перечень территорий для последующего благоустройства,

финансово или личным трудовым вкладом благоустраивать дворы, содержать и эксплуатировать общественные и дворовые пространства наравне с муниципалитетом. Допускается формирование активного, сплоченного сообщества местных жителей, которые живо интересуются развитием городской среды. Именно они, по мнению муниципальной власти, могут быть двигателем при реализации различных идей.

- Распоряжение Главы Администрации города Алчевска Луганской Народной Республики от 2 июня 2020 года № 273 «Правила благоустройства территории города Алчевска Луганской Народной Республики» [7, с. 1]. Согласно пункту 4 ст. 3.1 гражданам дано право принимать участие в осуществлении мероприятий по благоустройству территории города Алчевска, его озеленению.
- Решение Мелитопольского окружного Совета депутатов от 27 августа 2024 г. № 56 «Об утверждении Правил благоустройства территории Мелитопольский муниципальный округ Запорожской области» [8, с. 21]. Согласно подпункту а) пункта 4 ст. 3 в деятельности по благоустройству могут участвовать жители округа. Они формируют запрос на благоустройство (на практике направляют свои предложения, какие территории имеют первостепенное значение), участвуют в оценке предлагаемых решений, могут даже участвовать в выполнении работ. Интересы жителей в вопросах благоустройства и озеленения также могут представлять общественные организации и объединения.
- Решение Бердянского городского Совета депутатов от 25 января 2024 г. № 8/7 «Об утверждении Правил благоустройства территории муниципального образования «Городской округ Бердянск Запорожской области» [9, с. 1]. Согласно пункту 4.4 ст. 4 население муниципалитета может участвовать в деятельности по благоустройству посредством формирования запроса, оценке предлагаемых решений. Учитывая, что округ также входит в состав Запорожской области и правила идентичны с правилами Мелитопольского муниципального округа, можем предположить, что в данном случае имеет место централизованная разработка нормативного акта в сфере благоустройства и озеленения для всех муниципалитетов субъекта.

Аналогичные правила в настоящий момент не разработаны в большинстве муниципальных районов и округов на новых территориях. Так, проект решения Мариупольского городского совета Донецкой Народной Республики «Об утверждении Правил благоустройства на территории муниципального образования городского округа Мариуполь» находится на стадии рассмотрения, о чем свидетельствует Постановление Администрации от 21.08.2024 №340.

Имеется Решение Совета депутатов Верхнерогачикского муниципального округа Херсонской области от 10 октября 2023 г. № 15 [10, с. 1], которым народные избранники одобрили порядок организации и проведения общественных обсуждений или публичных слушаний по проекту Правил благоустройства территории Верхнерогачикского муниципального округа. Тем не менее нормативный акт в сфере благоустройства и озеленения до сих пор не принят.

Научная аналитика показывает, что в условиях военного положения не все муниципалитеты считают первостепенным принятие на местном уровне правил благоустройства и озеленения территории. Действительно, есть другие важные задачи: обеспечение безопасности жителей, их базовых потребностей в тепле, пропитании, водоснабжении, электрификации и оперативном устранении последствий после атак ВСУ.

Это можно понять, но тем не менее администрации освобожденных населенных пунктов будут приводить в соответствие с российским законодательством местные нормативные акты, особенно, если будет жесткий контроль со стороны вышестоящих лиц с указанием сроков исполнения.

Также стоит учитывать, что вовлечение общественности в объединяющие, созидательные проекты, такие как «Семейный лес», позволит скорее восстановить населенные пункты, направить общий настрой в созидательное русло.

Список использованных источников:

1. Скороходов В.Г., Макаров Н.П. Озеленение городов Донбасса. Сталино, 1952 (2016). - 120 с. Электронный ресурс. Доступ по ссылке: https://elib.rgo.ru/handle/123456789/217392.
2. Титоренко Д. Минприроды ЛНР: регион потерял более 1000 га заповедных лесов с 2014 по 2020 год // Газета.ру, 2022. Электронный ресурс. Доступ по ссылке: https://www.gazeta.ru/social/news/2022/11/20/19077427.shtml.
3. Биятов Е. В ЛНР нашли документы о намеренном уничтожении Киевом лесов в Донбассе // РИА Новости, 2024. Электронный ресурс. Доступ по ссылке: https://ria.ru/20240206/donbass-1925592239.html.
4. Вишневская М.П., Евграфова А.Г., Соловьев А.В. Семейный лес: от идеи до реализации. В сборнике: Куражсковские чтения. Материалы II Международной научно-практической конференции. 2023. С. 421-425. EDN: FUMIHN.
5. Об утверждении Правил благоустройства территории города Краснодона и Краснодонского района Луганской Народной Республики: Распоряжение Администрации города Краснодона и Краснодонского района Луганской Народной Республики (АГКиКР ЛНР) от 29 июля 2020 г. № 1130. Электронный ресурс. Доступ по ссылке: https://sovminlnr.ru/docs/2020/08/07/k1130.pdf.
6. Об утверждении Правил благоустройства территории муниципального образования городской округ город Луганск Луганской Народной Республики: Решение Совета городского округа Муниципального образования город Луганск Луганской Народной Республики от 29.08.2024 №1-25/6. Электронный ресурс. Доступ по ссылке: https://gorod-lugansk.com/2024/08/29/ot-29082024-1-25-6.html.
7. Правила благоустройства территории города Алчевска Луганской Народной Республики: Распоряжение Главы Администрации города Алчевска Луганской Народной Республики от 2 июня 2020 года № 273. Электронный ресурс. Доступ по ссылке: https://sovminlnr.ru/docs/2020/06/05/a273.pdf.
8. Об утверждении Правил благоустройства территории Мелитопольский муниципальный округ Запорожской области: Решение Мелитопольского окружного Совета депутатов от 27 августа 2024 г. № 56. Электронный ресурс. Доступ по ссылке: https://official.za-inform.ru/docs/okruga/melitopolskij-municipalnyj-okrug/n56-ob-utverzhdenii-pravil-blagoustroystva-territorii-melitopolskiy-municipalnyy-okrug-zaporozhskoy-oblasti/.
9. Об утверждении Правил благоустройства территории муниципального образования «Городской округ Бердянск Запорожской области: Решение Бердянского городского Совета депутатов от 25 января 2024 г. № 8/7. Электронный ресурс. Доступ по ссылке: https://berdyansk.gosuslugi.ru/netcat_files/46/469/da_07_Ob_utverzhdenii_Pravil_blagoustroystva_Reshenie.pdf.
10. Об одобрении Порядка организации и проведения общественных обсуждений или публичных слушаний по проекту Правил благоустройства территории Верхнерогачикского муниципального округа Херсонской области и утверждении Порядка учета предложений по проекту решения Совета депутатов Верхнерогачикского муниципального округа «О принятии Правил благоустройства территории Верхнерогачикского муниципального округа Херсонской области»: Решение Совета депутатов Верхнерогачикского муниципального округа Херсонской области от 10 октября 2023 г. № 15. Электронный ресурс. Доступ по ссылке: https://khogov.ru/documents/reshenie-soveta-deputatov-verhnerogachikskogo-municzipalnogo-okruga-ot-10-10-2023-g-№-15-ob-odobrenii-poryadka-organizaczii-i-provedeniya-obshhestvennyh-obsuzhdenij-ili-publichnyh-slushanij/.

УДК 349.4

Калантай Р.Ю.
аспирант кафедры гражданского и трудового права юридического факультета
Научный руководитель: Ярошевская А.М., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

К ВОПРОСУ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Актуальность темы тезисов обусловлена необходимостью определения юридической природы земельных отношений с целью поиска универсальной модели их регулирования. Автором доказано, что по состоянию на сегодняшний день вопросы правового регулирования земельных отношений исследуются, главным образом, в пределах трех отраслевых юридических наук, а именно земельного, гражданского и административного права. В конце статьи обосновывается перспективность сочетания публично-правовых и частно-правовых основ их регулирования земельных отношений.

Ключевые слова: земельные отношения, земля, недвижимое имущество, правовое регулирование, гражданско-правовой аспект, административно-правовой аспект.

Abstract. The relevance of the topic of the theses is due to the need to determine the legal nature of land relations in order to find a universal model for their regulation. The author has proven that, as of today, issues of legal regulation of land relations are studied mainly within the three branch legal sciences, namely land, civil and administrative law. At the end of the article, the prospects of combining public-law and private-law principles for regulating land relations are substantiated.

Key words: land relations, land, real estate, legal regulation, civil-law aspect, administrative-law aspect.

В статье 3 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) земельные отношения определяются как: «общественные отношения по использованию и охране земель в Российской Федерации как основы жизни и деятельности народов проживающих на соответствующей территории» [1].

По мнению С. П. Гришаев: «земля является важнейшей разновидностью недвижимого имущества, поскольку остальные недвижимые вещи приобретают свое положение недвижимости прежде всего через неразрывную связь с землей, в связи с ограниченностью земли как природного ресурса, ее особый правовой статус отражается в некоторых ограничениях на участие земли в гражданском обороте; в связи с этим, одна из классификаций земель подразделяет все земли по степени участия в обороте на изъятые из оборота, ограниченные в обороте и не изъятые из оборота» [2]. В данном случае в определении понятия «земля» также доминирует гражданско-правовой аспект, проявляющийся через использование категории «имущество».

Но следует отметить, что субъектами очень большой доли земельных отношений являются субъекты властных полномочий, то есть органы государственной власти и органы местного самоуправления, которые наделены значительным объемом властных полномочий в сфере земельных отношений. Следовательно, можно предположить, что наряду с гражданско-правовым, в правовом регулировании земельных отношений существует значительная часть административно-правового регулирования.

На современном этапе развития отраслевых наук актуальные проблемы правового регулирования земельных отношений исследуются в рамках земельного, гражданского и административного права.

Представители науки земельного права вполне логично считают, что его предметом являются фактически земельные отношения. Но, в отличие от вышеприведенного законодательного определения земельных отношений, в современной науке земельного права господствует точка зрения, согласно которой земельными считаются отношения, связанные с использованием, охраной земель. По мнению представителей науки земельного прав: «во-первых, земельные отношения как предмет правового регулирования возникают по отношению к земле, которая рассматривается как соответствующий объект правового регулирования, во-вторых, земельные отношения направлены на рациональное и эффективное использование земли всеми субъектами соответствующего правоотношения, в-третьих, земельные отношения характеризуются сочетанием публично-правовых и частно-правовых основ их регулирования» [3, с. 30].

При этом, по мнению Н. М. Коршунова: «применение публично-правовых методов регулирования отношений собственности нельзя рассматривать в качестве государственного вмешательства в частноправовые отношения» [3, с. 45]. Другими словами, гражданско-правовое и административно-правовое регулирование в равной степени может использоваться для регулирования общественных отношений, образующих предмет земельного права. Хотя, на практике это приводит к такому негативному явлению как конкуренция предметной компетенции судов или, другими словами, юрисдикционных коллизий при разрешении земельных споров.

По этому поводу следует отметить, что подходы к определению предмета той или иной отрасли права традиционно отличаются и представители разных отраслевых наук акцентируют внимание на тех характеристиках предмета правового регулирования, которые, по их мнению, наиболее существенны. Так, в административном праве ключевыми элементами при характеристиках отношений, являющихся его предметом, являются особенности субъектного состава отношений, а именно наличие у одного субъекта в отношении другого властных полномочий, что отражается на содержании отношений. При этом, что является объектом таких отношений не имеет значения. В свою очередь, для земельного права, напротив, ключевой характеристикой его предмета является предмет или объект соответствующих отношений, а именно земля.

В то же время ЗК РФ: «определяет компетенцию значительного количества именно властных субъектов земельных отношений, прежде всего органов исполнительной власти на федеральном, субъектовом и местном уровне (ст. ст. 9, 10, 11).» [1].

Согласно статье 9 ЗК РФ, определяющей полномочия РФ в области земельных отношений: «установление основ федеральной политики в области регулирования земельных отношений; установление ограничений прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев, арендаторов земельных участков, а также ограничений оборотоспособности земельных участков; государственное управление в области осуществления мониторинга земель, федерального государственного земельного контроля (надзора), землеустройства; установление порядка резервирования земель, принудительного отчуждения земельных участков (изъятия земельных участков) для государственных и муниципальных нужд; разработка и реализация федеральных программ использования и охраны земель» [1].

Согласно статье 10 ЗК РФ, которая определяет полномочия субъектов РФ в области земельных отношений, в компетенцию данных органов входит: «резервирование, изъятие земельных участков для нужд субъектов Российской Федерации; разработка и реализация региональных программ использования и охраны земель, находящихся в границах субъектов Российской Федерации; иные полномочия, не отнесенные к полномочиям Российской Федерации или к полномочиям органов местного самоуправления» [1].

По мнению современных ученых и специалистов в сфере земельного права: «государственное управление в области земельных отношений рассматривается как вид властной управленческой деятельности, направленной на сохранение целостностии неприкосновенности земель территории как природных богатств, обеспечение законности в сфере земельных отношений прав и законных интересов землевладельцев и землепользователей целевого их использования» [4, с.287].

Значительное количество научных трудов посвящено вопросам государственного регулирования в сфере земельных отношений, что наряду с гражданско-правовой составляющей в правовом регулировании земельных отношений имеется наличие весомой административно-правовой составляющей.

Отдельно необходимо остановиться на вопросах правовой природы деятельности органов местного самоуправления по реализации их полномочий в области земельных отношений.

Согласно статье 11 ЗК РФ к полномочиям органов местного самоуправления в сфере регулирования земельных отношений принадлежит ряд полномочий чисто управленческого характера, к таким, в частности, относятся полномочия по: «резервированию земель, изъятию земельных участков для муниципальных нужд, установление с учетом требований законодательства РФ правил землепользования и застройки территорий городских и сельских поселений, территорий других муниципальных образований, разработка и реализация местных программ использования и охраны земель, а также иные полномочия на решение вопросов местного значения в области использования и охраны земель» [1]. Кроме того, к управленческим полномочиям упомянутых органов местного самоуправления можно отнести полномочия по выкупу земельных участков для общественных нужд; полномочия по организации землеустройства, полномочия по координации деятельности местных органов, полномочия по установлению и изменению границ районов в городах. Для выполнения присущей функции контроля, органы местного самоуправления наделены полномочиями по осуществлению контроля за использованием и охраной земель муниципальной собственности, соблюдением земельного и экологического законодательства. Среди юрисдикционных полномочий органов местного самоуправления следует отметить полномочия по ограничению, временному запрету (остановке) использования земель гражданами и юридическими. лицами в случае нарушения ими требований земельного законодательства, полномочия по разрешению земельных споров и так далее.

Проанализировав приведенные нормы, можно утверждать, что что наряду с гражданско-правовой составляющей в правовом регулировании земельных отношений имеется наличие весомой административно-правовой составляющей. По нашему мнению, сочетание публично-правовых и частно-правовых основ регулирования земельных отношений является оптимальной управленческой моделью.

Список использованных источников:

1. Земельный кодекс российской Федерации: федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025) [Электронный ресурс] // Официальный Сайт компании «КонсультантПлюс». – 09.09.2017. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/.
2. Гришаев С.П. Земельные участки как объекты гражданских прав / С.П. Гришаев // Справочная правовая система «КонсультантПлюс», 2005.
3. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 240 с.

4. Безопасность России. Анализ риска и проблем безопасности. В 4 частях. Часть 2. Безопасность гражданского и оборонного комплексов и упраление рисками; Международный гуманитарный фонд "Знание" - Москва, 2014. - 752 с.

УДК 342.71

Конопелько А.М.
соискатель кафедры истории и теории государства и права
Научный руководитель: Адельсеитова А.Б., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь.

ДОКТРИНА ПОДДАНСТВА И ГРАЖДАНСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ И СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация: данная научная статья посвящена исследованию роли доктрины подданства и гражданства в различных государствах, а также исследованию ее эволюционного пути. В статье проведен анализ практики применения доктрин подданства и гражданства в различных странах, а также выявлены перспективы развития данного института.

Ключевые слова: доктрина подданства и гражданства, институт гражданства.

Abstract: this scientific article is dedicated to the study of the role of the doctrine of subjectship and citizenship in various states, as well as the examination of its evolutionary path. The article analyzes the practice of applying the doctrines of subjectship and citizenship in different countries and identifies the prospects for the development of this institution.

Keywords: doctrine of subjectship and citizenship, institution of citizenship.

Доктрина подданства и гражданства представляет собой фундаментальные концепции, определяющие правовую связь между индивидом и государством. Они регулируют статус личности в государстве, объем прав и обязанностей, а также порядок их приобретения и прекращения. Изучение эволюции этих доктрин и их сравнительно-правовой анализ позволяет глубже понять природу государства, права и место человека в современном мире.

Анализ вопросов генезиса гражданства действительно уводит нас в далекое прошлое, к истокам человеческой цивилизации. Зарождение форм, предвосхищающих современное понимание гражданства, можно обнаружить уже в племенной и семейной организации общества. В этих ранних социальных структурах решающим признаком принадлежности к группе – племени или роду – выступало кровное родство. Это естественное основание для общности, обусловленное необходимостью выживания и взаимопомощи в небольших, тесно связанных коллективах. Кровные узы определяли круг "своих", обеспечивая взаимную поддержку и защиту.

Вместе с тем, даже в этих архаичных формах социальной организации, племя и род не были абсолютно замкнутыми системами. Они допускали принятие новых членов, демонстрируя определенную гибкость и способность к расширению.

По мнению О.В. Тараниной, античный период истории человечества ознаменовался расцветом городов-государств, где гражданство играло ключевую роль, но при этом носило привилегированный характер [5]. Античное гражданство – это не просто формальная принадлежность к полису, а особый статус, доступный далеко не всем. Гражданином мог стать лишь избранный круг лиц, как правило, мужчины, свободные, рожденные от граждан и обладающие определенным имущественным цензом. Рабы, женщины, иностранцы

(метеки) были исключены из гражданской общности, оставаясь на периферии политической и социальной жизни.

Античный гражданин обладал обширным набором прав, немыслимым для большинства населения. Это включало политические права: право голоса в народном собрании, право избираться на государственные должности, право участвовать в управлении полисом. Гражданин обладал юридическими правами: право на защиту закона, право на справедливый суд, право владеть собственностью. Вместе с тем, гражданство предполагало и определенные обязанности перед обществом. В первую очередь, это была военная служба – защита полиса являлась почетной обязанностью гражданина. Также граждане участвовали в общественных работах, несли финансовые повинности и активно участвовали в религиозной и культурной жизни города. Античное гражданство было неразрывно связано с полисом, его процветанием и благополучием. Это был статус, дарующий не только права, но и ответственность, вовлекая индивида в жизнь общины и формируя чувство гражданской идентичности.

Интересный взгляд на понятие "гражданин" в Древней Руси, который существенно отличается от современного понимания. Согласно летописям и историческим свидетельствам, термин "граждане" в Древней Руси действительно имел выраженную городскую привязку. В отличие от жителей сельской местности и волостей, "гражданами" называли тех, кто постоянно проживал в городах. Это было не столько юридическое понятие в современном смысле, сколько социальное и, возможно, даже сословное различие.

Важно отметить, что древнерусское "гражданство" не было формализовано в виде законодательных актов, как мы привыкли сегодня. Не существовало положений о приобретении или утрате "гражданства" в юридическом смысле. Скорее, это был описательный термин, отражающий принадлежность человека к городской общине и определенный образ жизни.

Основу городского населения составляли мещане, люди, занятые ремеслами, торговлей и различными городскими промыслами. Именно мещане, "люди городские", чаще всего и фигурируют в летописях как "граждане". Это подчеркивает, что понятие "гражданин" было тесно связано с городской жизнью, экономической деятельностью и социальной организацией города.

Связь термина "гражданин" с понятием "город" (град) очевидна и лингвистически. "Город" в древнерусском языке означал не просто поселение, но и укрепленное место, центр ремесла, торговли и управления. Таким образом, "гражданин" буквально означал "житель города", человек, принадлежащий к этой городской структуре и живущий по ее правилам.

Как указывает Ю.В. Капранова и С.Г. Трифонов: «Подданство в формально-юридическом смысле можно определить как личную юридическую связь лица с феодалом (монархом), что находит свое выражение во взаимных правах и обязанностях этих субъектов» [3].

В Западной Европе, где феодализм достиг своего классического выражения, подданство тесно переплелось с институтом вассалитета. Феодальная система отличалась вертикальной структурой власти, где каждый индивид был связан отношениями личной зависимости. Человек являлся подданным своего непосредственного феодала, который, в свою очередь, мог быть вассалом другого, более могущественного феодала, и так далее, вплоть до короля. Таким образом, подданство носило иерархический характер, где лояльность и обязательства были направлены в первую очередь к сеньору, а не к абстрактному государству. Территориальная связь отступала на второй план, уступая место личной вассальной клятве.

Однако с развитием территориальных государств и усилением королевской власти, особенно в эпоху абсолютизма, концепция подданства претерпевает трансформацию. Подданство начинает рассматриваться как принадлежность всего населения монарху-суверену. Личная вассальная связь постепенно уступает место личной связи подданного с

монархом, выступающим символом и воплощением государства. Территориальная принадлежность к государству выходит на первый план, но личная связь с монархом остается ключевым элементом подданства. Эта связь выражалась во взаимных правах и обязанностях между монархом и его подданными. Монарх обеспечивал защиту и порядок, а подданные, в свою очередь, были обязаны повиноваться, платить налоги и служить государству.

Великая французская революция 1789–1799 годов стала не просто политическим переворотом, но и фундаментальным переосмыслением взаимоотношений между индивидом и государством. В противовес устоявшейся концепции подданства, характерной для феодально-абсолютистских монархий, революция выдвинула на передний план концепцию гражданина. Это был радикальный разрыв с прошлым, провозглашавший человека не пассивным объектом власти, а активным участником политической жизни страны и народа, образующих общность равноправных граждан.

Дореволюционная Франция, как и большинство европейских государств того времени, строилась на принципе подданства. Человек был подданным короля, обязанным ему лояльностью и повиновением. Права и свободы, если и существовали, носили сословный и привилегированный характер, а не были неотъемлемым атрибутом личности. Народ рассматривался как совокупность подчиненных, а не как источник власти.

Революция кардинально изменила этот порядок. Уже первые революционные декреты от 3 ноября и 22 декабря 1789 года, а затем и раздел II Конституции Франции 1791 года, заложили правовую основу нового понимания гражданства. Эти документы регламентировали вопросы приобретения и утраты французского гражданства, но главное – они наполнили понятие гражданства новым содержанием. Гражданин Французской Республики – это не просто житель страны, а член политического сообщества, обладающий неотъемлемыми правами и обязанностями.

Именно во Франции, в пламени революции, впервые оформилось современное понятие гражданства.

В Российской Империи подданство определялось происхождением из одного из сословий (дворянство, духовенство, городские обыватели, крестьянство), что означало неравенство перед законом и привилегии дворянства. Существовала категория инородцев с упрощенным порядком принятия в подданство. Двойное подданство не регулировалось, выход из подданства был затруднен, а самовольный переход в иностранное подданство карался. Присяга включала слова о "рабе" и "подданном".

После Октябрьской революции 1917 г. сословия и подданство были упразднены, введено понятие гражданства. Декреты 1918 и 1921 годов регулировали приобретение гражданства, в том числе иностранцами (с условием проживания). Конституция РСФСР 1918 г. установила единое гражданство. Вопросы гражданства регулировались сначала на уровне республик, затем, после образования СССР, появилось единое союзное гражданство (Конституция СССР 1924 г.), но сохранялось и республиканское гражданство. Решения о гражданстве перешли на центральный уровень власти.

Значительные изменения в установлении гражданства при рождении и изменении гражданства детей произошли с принятием Положения о гражданстве СССР в 1930 году, которое расширило полномочия союзной власти. Конституция 1936 года потребовала обновления законов, и в 1938 году был принят Закон «О гражданстве СССР», впервые введший термин «советское гражданство». Закон 1978 года провозгласил равенство гражданства для всех. С 90-х годов XX века началась демократизация регулирования гражданства, что отразилось в Законе 1990 года, который запретил лишение гражданства. Начало современного законодательства о гражданстве ознаменовал Закон РСФСР 1991 года. Исторически развитие законодательства о гражданстве прошло три периода: до Октября 1917 года, в советскую эпоху и в современной России, каждый из которых имеет свои особенности.

С принятием Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» в 2002 году [2] многие проблемы и несоответствия в правоприменительной практике между Конституцией РФ 1993 [1] года и предыдущим законом от 1991 года были разрешены. Конституция была принята на два года позже, что создало правовые коллизии и неопределенности. Новый закон помог уточнить и систематизировать нормы, касающиеся гражданства, что способствовало более четкому правоприменению.

В Российской Федерации для обозначения правовой связи лица с государством традиционно используется понятие «гражданство», пришедшее на смену подданству с момента перехода к республиканской форме правления.

В статье 4 Федерального закона "О гражданстве Российской Федерации" от 28.04.2023 N 138-ФЗ [2] дано четкое и системное определение понятия «гражданства», что подчеркивает его важность как правовой категории. Гражданство рассматривается как устойчивая связь между индивидуумом и государством, основанная на взаимных правах и обязанностях. Это определение акцентирует внимание на взаимной ответственности граждан и государства, что является ключевым элементом для формирования правового государства и обеспечения правового порядка. Таким образом, законодатели подчеркивают важность гражданства не только как статуса, но и как основы для взаимодействия личности и общества в рамках правовой системы России.

В настоящее время действующий Федеральный закон о гражданстве Российской Федерации использует термины «гражданство» и «подданство» как равнозначные, что отражает современное понимание правового статуса личности в контексте международных отношений. Это становится очевидным при анализе основных понятий, приведенных в законе.

Так, понятие «иное гражданство» определяется как гражданство (подданство) иностранного государства, а «двойное гражданство» указывает на наличие у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства. Важно отметить, что иностранным гражданином признается лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее гражданство (подданство) иностранного государства.

Автор А.К. Смирнова пишет, что гражданство и подданство являются схожими политико-правовыми категориями, определяющими взаимосвязь между личностью и публичным образованием. При этом, гражданство и подданство различаются по нескольким существенным признакам:

- Институт подданства свойственен исключительно страна с монархической формой правления и определяется как политико-правовая связь человека и монарха. В этом состоит основное отличие подданства от гражданства, где подчеркивается правовая связь человека и государства, тогда как в отношениях подданства определяется правовая подчиненность личности монарху, а не государству;

- Правовая связь между подданным и монархом имеет односторонний характер по выстраиванию обязательств, и обязанной стороной является исключительно подданный. Отсутствует признак взаимности прав и обязанностей, как это имеет место в отношениях гражданства между гражданином и государством;

- Ограниченный объем политических прав подданных в управлении делами государства и выборе главы государства [4].

Говоря о соотношении терминов «гражданство» и «подданство», стоит отметить, что их фиксация в тексте Федерального закона о гражданстве вызывает определенные вопросы. Закрепление слова «подданство» в скобках после термина «гражданство» как его синонима не является удачным решением. Это подход, на мой взгляд, привел к отсутствию термина «подданство» в основных актах, касающихся реализации Федерального закона, таких как Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации и Инструкция по рассмотрению органами внутренних дел Российской Федерации заявлений по вопросам гражданства.

Исторический анализ показывает, что подданство изначально основывалось на родственных и феодальных связях, где личная зависимость и лояльность к сеньору имели первостепенное значение. С переходом к республиканской форме правления в России, подданство было заменено на гражданство, которое стало отражать более равноправные и взаимные отношения между индивидуумом и государством.

Современное законодательство, в частности Федеральный закон "О гражданстве Российской Федерации", подчеркивает важность гражданства как устойчивой правовой связи, акцентируя внимание на взаимных правах и обязанностях. Это определение способствует формированию правового государства и подчеркивает активную роль граждан в обществе. Использование терминов «гражданство» и «подданство» как равнозначных в современном контексте свидетельствует о том, что правовой статус личности продолжает развиваться, учитывая как исторические, так и современные реалии международных отношений.

Таким образом, эволюция от подданства к гражданству отражает изменения в понимании прав и обязанностей индивидов, а также их взаимосвязи с государством, что является важным аспектом для дальнейшего развития правовой системы и обеспечения правового порядка в России.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., N 0001202210060013
2. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.
3. Капранова Ю. В., Трифонов С. Г. Ретроспективный анализ института гражданства // Философия права. 2019. №3 (90). С. 53-58.
4. Смирнова, А. К. Понятие гражданства и его отличие от подданства / А. К. Смирнова // Молодой ученый. — 2022. — № 46 (441). — С. 347-349.
5. Таранина, О. В. Историческое формирование института гражданства / О. В. Таранина // Молодой ученый. — 2020. — № 21 (311). — С. 384-388.

УДК 342.536

Легкоступова Н. В.
аспирант кафедры истории и теории государства и права
Научный руководитель: Адельсеитова А.Б., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь.

БИКАМЕРАЛИЗМ КАК ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ПАРЛАМЕНТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация: В работе рассматривается эволюционный процесс института бикамерализма в зарубежных странах. Автор подчеркивает неизбежность элементов бикамерализма в государствах с федеративной формой правления, анализируются элементы конституционно-правового статуса парламентов зарубежных стран. Подчеркивается значимость законодательного процесса, среди всех парламентских процедур, осуществляемых обеими палатами парламента с целью реализации представительских функций парламента.

Ключевые слова: бикамерализм, парламент, парламентская процедура, представительство

Abstract: The paper examines the evolutionary process of the institute of bicameralism in foreign countries. The author emphasizes the inevitability of elements of bicameralism in states with a federal form of government, and analyzes the elements of the constitutional and legal status of parliaments of foreign countries. The importance of the legislative process is emphasized, among all parliamentary procedures carried out by both houses of Parliament in order to implement the representative functions of Parliament.

Keywords: bicameralism, parliament, parliamentary procedure, representation

Появление существующих ныне однопалатных или двухпалатных систем в каждой стране объясняется различными факторами: условиями ее истории и традициями, особенностями конституционного строя, размерами территории, социально - экономическими и политическими обстоятельствами.

Исторически первой сложилась и долгое время была и остается доминирующей двухпалатная структура парламента. Эта система возникла в Англии в середине четырнадцатого века, когда парламент разделился на Палату лордов и Палату общин, и которые существуют до сих пор. Затем этот институт был введен в США.

Двухпалатный парламент современного демократического государства качественно отличается от сословно представительного учреждения эпохи феодализма, каким был британский Парламент в XIV веке. В связи с чем, принято связывать начало истории бикамерализма с эпохой буржуазных революций, с завершением которых в нескольких государствах парламенты стали двухпалатными. Так, в ходе Реставрации упраздненный во время диктатуры Британский Парламент был восстановлен в прежней двухпалатной структуре. В 1795 году во Франции также был учрежден двухпалатный парламент. В 1787 году однопалатный Конгресс США был заменен на двухпалатный [1, с.490]. Конституция 1787 года сформировала Конгресс, состоящий из двух палат: Палаты представителей, представляющей всю нацию, и Сената, представляющего Штаты. Сенат был основан не только, как орган федерального представительства, но и как орган, способный устранить произвол законодательной власти и вместе с тем установить равновесие между законодательной и исполнительной властью.

В юридической литературе под двухпалатной системой понимают такую организацию законодательной власти, при которой окончательное принятие текста закона осуществляется путем согласования недоразумений между двумя самостоятельными коллегиальными учреждениями, - первой и второй, или верхней и нижней палатами. Именно равноправие обеих палат и необходимость согласования между ними для издания всех, без исключения, законов, - таковы наиболее существенные моменты в понимании двухпалатной системы, - так, в частности, считал В. М. Гессен [2,с. 365]. Двухпалатная система имеет естественную базу как в федеративных государствах, где одна палата возникает как орган, представляющий всю нацию в целом, а вторая состоит из депутатов, так и в ряде унитарных государств, где вторые палаты являются органами регионального представительства [3, С. 32]. Например, ст. 24 Конституции Франции содержит предписание, по которому Сенат “обеспечивает представительство территориальных коллективов Республики” [4, с. 17]. А по ст. 69 Конституции Испании Сенат — это палата территориального представительства [5, С. 67].

Современные парламенты, как правило, имеют двухпалатную структуру, что как правило, определяет принадлежность государства с двухпалатной моделью организации парламента к федеративной форме политико-территориального устройства (Индия, Бразилия, Нигерия, Германия, Австрия и др.). Следовательно, одна палата формируется на основе представительства всего населения государства, в то время как другая представлена отдельными субъектами. Однако, среди федеративных государств есть исключения, например, в Танзании, Сент-Китсе и Невисе и на Коморских островах функционирует однопалатный парламент. Двухпалатные парламенты действуют во всех крупных государствах современного мира, за исключением Китая. Своеобразная ситуация

сложилась в парламентской системе Германии. Например, некоторые ученые вообще не признают двухпалатный характер немецкого парламента и считают, что Бундесрат не является палатой парламента. Другие отмечают специфику правового положения бундесрата, более того, оно не столь аллегорично с верхней палатой парламента. Таким образом, по мнению большинства немецких юристов, единственной палатой парламента является Бундестаг, поскольку только он представляет немецкий народ в целом. Если проанализировать функции бундесрата, то с этой точки зрения он полностью соответствует характеристикам верхних палат других парламентов, с другой стороны, он формируется не путем выборов, а путем назначения своих представителей землями. В теории конституционного права выделяются следующие причины создания двухпалатных парламентов: во-первых, исторические традиции (как ранее было замечено) (например, в Великобритании), во-вторых, федеративное устройство государства (например, в Германии и США). В-третьих, интересы создания системы сдержек и противовесов, которая позволит урегулировать ситуацию в случае проявления радикализма одной из палат (например, Франция).

Анализируя двухпалатные системы, отметим, что двухпалатное представительство как правило не предусматривает равноправия обеих палат парламента. В связи с этим, имеют палаты равный статус или неравный, становится понятным при существовании общего и различного в принятых парламентских процедурах.

Равным статусом характеризуются палаты в таких странах, как США, Италия, Япония и ряд других. В частности, палаты указанных государств имеют равные права в законодательной сфере, что обуславливает существование таких парламентских процедур, как обязательного обсуждения законопроекта обеими палатами, обязательного голосования обеими палатами парламента и тому подобное. Реализуя основную законодательную функцию, парламенты зарубежных стран, посредством обсуждения и принятия законопроекта в обеих палатах, однозначно еще раз демонстрируют представительный характер деятельности парламента. Однако, в странах с неравным статусом палат, где нижняя палата является основным законодательным органом, можно наблюдать обратное. Следует также отметить в данном контексте в качестве сравнения и особенности парламента Российской Федерации. Например, в соответствии с положениями ст. 105 Конституции Российской Федерации федеральные законы принимаются только Государственной Думой. Однако это не исключает участия верхней палаты - Совета Федерации в законодательном процессе, даже в случае несогласия нижней палаты с решением верхней федеральный закон считается принятым, если при повторном голосовании за него проголосовало не менее двух третей от общего количества депутатов Государственной Думы [6]. Приведенное конституционное положение дополняется и детализируется на практике непосредственно правилами парламентской процедуры, устанавливаемыми каждой палатой отдельно с учетом двухпалатного представительства.

Относительно однопалатной системы аргументированно отмечал в 1848 г. Арман Марраст в своем докладе Учредительному собранию Франции. "Суверенитет един, нация едина, национальная воля едина. Как же хотят, чтобы и делегация суверенитета не была единой, чтобы национальное представительство было поделено надвое, чтобы закон был принужден иметь два высказывания для одной мысли. В стране, где царит народный суверенитет, может быть только одно представительство – представительство народного суверенитета [7, С. 470]. В то же время отказ некоторых стран (Латвии, Дании и др.) от второй палаты вызван учетом традиций, общественного мнения, социально-экономического и политического развития государств и других специфических факторов.

В наше время сторонники единства парламента (монокамерализма) выдвигают соображения практического характера. Считается, что при двухпалатной системе конфликты между палатами являются постоянными, вследствие чего тормозится процесс законотворчества, происходит ослабление эффективности деятельности органов государства [8, С. 521]. Существование однопалатной системы предопределяет разработку

единого механизма процедурного регулирования деятельности парламента. Поскольку правила парламентской процедуры однопалатных парламентов, конечно, являются едиными для органа народного представительства.

Таким образом, бикамерализм как явление неизбежно в государствах с федеративной формой правления. Наличие двух палат в парламенте существенно влияет на формирование полномочий и компетенции в целом, а также на иные элементы конституционно-правового статуса парламентов зарубежных стран. Двухпалатное представительство как правило не предусматривает равноправия обеих палат парламента. В связи с этим, существование общего и различного в принятых парламентских процедурах также оказывает влияние и на законодательный процесс, среди всех парламентских процедур, осуществляемых обеими палатами парламента с целью реализации представительских функций парламента.

Список использованных источников:

1. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М. В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю. И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л. М. Энтина. — М.: Норма, 2004 — 832 с.
2. Гессен В.М. Основы конституционного права. Изд. второе. Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1918.-538с.
3. Парламенты.Сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учереждений 55 стран мира / Под ред. М.Аммелера: Вступ. ст. Ф.И.Калиничева и В.В.Евгеньева. - М.:Прогресс, 1967.-512 с.
4. Конституция Франции // Французская Республика: Конституция и законодательные акты /Под ред. Туманова В.А. - М.: Прогресс, 1989. – С.30-53.
5. Конституция Испании// Испания: Конституция и законодательные акты / Сост. Савинов В.А. - М.: Прогресс, 1988. - С.29-100.
6. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) \ КонсультантПлюс. Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid/ Дата обращения 1.04.2025
7. Дюги Леон. Конституционное право. Общая теория государства. – М.: Т-во И.Д. Сытина, 1908. - 957 с.
8. Сравнительное конституционное право / Отв. ред. Чиркин В.Е. - М.: Манускрипт, 1996. - 729 с.

УДК 343.215

Агеев А.Д.

Научный руководитель: Корень Т.А., кандидат юридических наук, доцент

Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, Республика Беларусь, г. Могилев

ПРОБЛЕМАТИКА МЕСТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье рассматривается проблемные аспекты участия несовершеннолетних лиц в качестве полноценного участника исполнительного производства в Республике Беларусь. Рассматривается, как общее положение несовершеннолетних, так и свойственные только данной группе признаки. Анализируются существующие проблемы в законодательстве об исполнительном производстве Республики Беларусь с последующем предложением по их устранению.

Ключевые слова: Исполнительное производство, взыскатель, должник, несовершеннолетние, законные представители, дееспособность, принудительный сбор.

Abstract. The article examines the problematic aspects of the participation of minors as a full-fledged participant in enforcement proceedings in the Republic of Belarus. It considers both the general situation of minors and the characteristics peculiar only to this group. The existing problems in the legislation on enforcement proceedings of the Republic of Belarus are analyzed with a subsequent proposal to eliminate them.

Keywords: Enforcement proceedings, recoverer, debtor, minors, legal representatives, legal capacity, compulsory collection.

Исполнительное производство, как отдельное самостоятельное производство, допускает участие несовершеннолетних лиц. Несовершеннолетние граждане могут выступать в качестве полноценной стороны исполнительного производства.

Несовершеннолетний может занять положение стороны как с момента возбуждения исполнительного производства, так и позднее (например, в результате правопреемства). Так, в соответствии с абзацем 1 статьи 17 Закона Республики Беларусь № 439-З от 24 октября 2016 «Об исполнительном производстве» (далее – Закон № 439-З), сторонами исполнительного производства являются взыскатель и должник. Для понимания сущности данных сторон, белорусским законодателем дано четкое определение каждой из сторон.

Так, в соответствии с абзацем 2 статьи 1 Закона № 439-З взыскателем признается гражданин Республики Беларусь, иностранный гражданин, лицо без гражданства (далее – гражданин), в том числе индивидуальный предприниматель, юридическое лицо Республики Беларусь, иностранное юридическое лицо (далее – юридическое лицо), организация, не являющаяся юридическим лицом, Республика Беларусь, административно-территориальная единица Республики Беларусь (далее – административно-территориальная единица), в пользу или в интересах которых выдан исполнительный документ.

Должником признается согласно абзацу 4 статьи 1 Закона № 439-З гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, организация, не являющаяся юридическим лицом, Республика Беларусь, административно-территориальная единица, обязанные по исполнительному документу совершить определенные действия: передать денежные средства и (или) иное имущество, исполнить другие требования, содержащиеся в исполнительном документе или воздержаться от совершения определенных действий [4].

Конкретно между этими участниками исполнительного производства, одну из сторон которой может занять несовершеннолетний, и разворачиваются основные правоотношения, в которых одна сторона (взыскатель) требует от другой (должника) объект материального мира, которая положена взыскателю по закону, установленных решением суда или иным государственным органом.

Однако, белорусское законодательство не содержит отдельных норм о правоспособности и дееспособности участников исполнительного производства, обладающих непосредственной заинтересованностью [1, с. 55]. Так же, к данному потенциальному участнику исполнительного производства прилагаются определенные, свойственные данной группе населения, особенности, установленные законодательством.

Так в абзацах 1 и 2 статьи 22 Закона № 439-З говорится, что права и законные интересы несовершеннолетних, не обладающих дееспособностью в полном объеме в исполнительном производстве представляют их законные представители, которые совершают от имени представляемых действия, право на совершение которых принадлежит представляемым, с ограничениями, установленные законодательством [4].

Подобная формулировка является неполной и в очередной раз противоречит основополагающим нормативным правовым актам, устанавливающим права лиц, не достигших 18 лет.

Во-первых, лицо, не достигшее 18 лет, имеет право приобрести дееспособность через процедуру эмансипации, установленную частью 1 статьи 26 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), где данное лицо признается полностью дееспособным, не достигая 18 лет. Также, лицо, не достигшее 18 лет, согласно части 2 статьи 20 ГК, вступившее в брак, в порядке установленным брачно-семейным законодательством – автоматически приобретает дееспособность в полном объеме [2]. Таким образом, отсутствие упоминания данных фактов в абзаце 1 статьи 22 Закона № 439-З, выглядит так, что такие несовершеннолетние не могут самостоятельно реализовывать свои права, защищать интересы и выполнять обязанности в исполнительном производстве.

И во-вторых, существует коллизия норм Закона № 439-З, нормативному правовому акту более высокой юридической силы Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь (далее – ГПК). Так, положения статьи 59 ГПК говорят о том, что по части 4 данной статьи защита прав и законных интересов лиц, не достигших 14 лет, в суде осуществляются их законными представителями: родителями, усыновителями или опекунами. Однако, защита прав и законных интересов в суде лиц, достигших 14 лет, в соответствии с частью 3 статьи 59 ГПК, может осуществлять без согласия законных представителей и без их участия, только лишь по решению суда они могут быть привлечены для помощи несовершеннолетнему в разбирательстве [3].

Таким образом, выше названная ситуация с несовершеннолетними, установленная в статье 22 Закона № 439-З, противоречит выше приведенным нормами. В случае, если несовершеннолетний является должником, то подобное положение может вызывать обоснованные риски, но если препятствий к самостоятельному участию несовершеннолетнего в качестве взыскателя в тех случаях, когда он наделяется дееспособностью в соответствующей отрасли материального права, не имеется, то подобное должно найти отражение в нормах Закона № 439-З.

Рассматривая вопрос несовершеннолетнего взыскателя, в этих правоотношениях его законные интересы от его имени представляют законные представители. В установленном абзацем 2 статьи 42 Закона № 439-З порядке будущий взыскатель обязан подать заявление о возбуждении исполнительного производства и с приложением к нему исполнительного документа для взыскания с должника определенной денежной суммы. Закон № 439-З не допускает того, чтобы заявление и исполнительный документ подавался я кем-то иным, кроме как самим взыскателем [4]. Однако в случае, когда потенциальным взыскателем выступает лицо, не достигшее 18 лет, следовало бы добавить специальное расширение в ситуациях, когда инициирование данного производства осуществлялось бы судом, органами прокуратуры, опеки и попечительства. Наделение данных субъектов правом направлять исполнительный документ в органы принудительного исполнения способствовало бы защите интересов несовершеннолетних как в общем плане, так и в том, когда законный представитель не обладает достаточными правовыми знаниями, а также когда интересы несовершеннолетнего и законного представителя коллизируют.

Что касается статуса несовершеннолетнего должника, то существует проблема в том, что на него возлагается обязанность в уплате принудительного сбора, согласно статьи 120 Закона № 439-З, независимо от его возраста [4]. В данном случае возникает необходимость в освобождении данных лиц от уплаты данных сборов, в силу их статуса, независимо от того, что было основанием к возбуждению исполнительного производства: по имущественным взысканием или по требованиям, содержащимся в исполнительном документе, носящим неимущественный характер, в соответствии с абзацем 8 и 9 статьи 120 Закона № 439-З. Для освобождения должен играть роль его статус, независимо от того, является ли это лицо полностью дееспособным при не достижении 18 лет или его интересы представляют законные представители. Освободив от уплаты принудительного сбора, способствовало бы тому, что данный должник либо его законные представители смогли исполнить данное обязательство перед взыскателем более оперативно и не неся иных обязательств.

Тем самым, правовой статус и процессуальное положение несовершеннолетнего, как участника исполнительного производства, требует четкого определения и полноценного закрепления в законе, для более качественного восстановление нарушенных прав и законных интересов несовершеннолетнего лица.

Список использованных источников:

1. Актуальные проблемы защиты прав несовершеннолетних на современном этапе : материалы Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 4 марта 2020 г. / Бел. гос. экнмч. ун-т; редкол.: Т. С. Таранова (гл. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2020. – 148 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 62-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 28.03.2025).
3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь : 11 янв. 1999 г. № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08 июля 2024 г. № 22-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 28.03.2025).
4. Об исполнительном производстве: Закон Респ. Беларусь от 24 окт. 2016 г. № 439-З : в ред. от 08 июля 2024 г. № 26-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 28. 03. 2025).

УДК: 342.31

Алиева В.А
Научный руководитель: Плотникова И. Н., доктор юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов

НАРОД КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕГО ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию конституционно-правового статуса народа Российской Федерации и его права на самоопределение. В работе рассматриваются теоретические основы понятия "народ", различные формы осуществления народовластия и права народа на самоопределение. Особое внимание уделено примерам успешной реализации права народа на самоопределение в условиях укрепления российской национальной идентичности.

Ключевые слова: народ, власть, суверенитет, общероссийское голосование, право на самоопределение

Abstract. The article is devoted to the study of the constitutional and legal status of the people of the Russian Federation and their right to self-determination. The work examines the theoretical foundations of the concept of "people", various forms of implementing democracy and the right of the people to self-determination. Particular attention is paid to examples of the successful implementation of the people's right to self-determination in the context of strengthening Russian national identity.

Keywords: people, power, sovereignty, all-Russian voting, right to self-determination

Конституционное право, как основополагающая отрасль правовой системы России, играет ключевую роль в обеспечении прав и свобод граждан. Важное значение в осуществлении прав личности является понимание народа как субъекта конституционного

права. В современной российской правовой системе народ играет особую роль в формировании государственных институтов. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием, является незыблемой основой суверенитета нашей страны, закрепляя многонациональный народ России единственным источником власти. Осуществление народом своей власти является многогранным процессом, требующим системного изучения [1, с. 571].

В современном конституционном праве нет общепризнанного определения такого ключевого понятия как «народ». В юридической литературе существуют различные трактовки понимания данного понятия. В советской государственно-правовой науке народом понималась не статичная категория, а динамично развивающаяся историческая общность людей, чьи характеристики и цели меняются в соответствии с требованиями времени и задачами общественного прогресса. В соответствии с идеологической доктриной Советского Союза понятие «народ» толковалось узко, охватывая лишь класс трудящихся и те социальные группы, которые способствовали прогрессивному развитию государства. В современном российском конституционном праве дается совершенно иное толкование данного термина [2, с. 320]. Так, Сурен Адибекович Авакьян рассматривает «народ» как субъект конституционно-правовых отношений и определяет его понятие не просто как демографическую категорию, «а совокупность индивидов, составляющих общество конкретной страны и основу ее государственного бытия» [3, с. 41].

Народ как субъект конституционных отношений является носителем государственной власти и суверенитета Российской Федерации, что предполагает его обязательное участие в формировании и определении направлений политики государства. Народовластие в России реализуется через выборы, референдумы и деятельность органов власти, как указано в ч.3 ст.3 Конституции РФ. Общероссийское голосование 2020 года по поправкам в Конституцию стало примером прямого участия граждан в управлении делами государства. Поправки в основной закон государства касались масштабных изменений в сфере государственного управления. Явка на голосование составила 67,97%, из которых 77,92% граждан поддержали предложенные изменения [4, с. 54]. Голосование позволило получить прямое волеизъявление граждан по поводу внесения поправок Конституцию РФ. Результаты общероссийского голосования 2020 года являются одними из ключевых доказательств сплоченности российского народа вокруг ключевых ценностей и приоритетов развития России. Однако, реализация принципа народовластия не ограничивается только решением вопросов внутренней политики.

В условиях сложных геополитических вызовов приобрел особую актуальность вопрос о праве самоопределении народов. Так, в 2014 г. В Республике Крым был проведен референдум по поводу вхождения её в состав Российской Федерации. Федеральный конституционный закон о принятии Крыма в состав РФ (ФКЗ № 6-ФКЗ от 21 марта 2014 года) в качестве обоснования принятия указал на право свободного волеизъявления народа [5]. Именно воля крымчан, выраженная на референдуме, историческая общность и стремление к единству, стали ключевыми факторами для принятия решения о возвращении Крыма в Россию. Этот пример служит еще одним подтверждением того, что народ, как определяющий субъект конституционно-правовых отношений, вправе реализовать и свое право на самоопределение.

В 2022 г. в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях были проведены референдумы и перед жителями был поставлен вопрос о вхождении данных территорий в состав Российской Федерации. Голосование проводилось в течении нескольких дней как на избирательных участках, так и на дому для тех граждан, которые не смогли добраться самостоятельно на избирательный участок. Таким образом, были зафиксированы результаты волеизъявления большинства граждан этих территорий [6, с. 248]. Конституционный Суд РФ в Постановлениях от 02.10.2022 N 36-П, N 37-П, N 38-П, N 39-П подтвердил законность не вступивших в силу международных договоров принятии в Российскую Федерацию территорий ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей и

образовании в составе Российской Федерации новых субъектов. Так, например, в Постановлении от 2 октября 2022 года N 36-П Конституционный Суд обосновал принятие ДНР в состав России, основываясь на принципах Конституции РФ и международного права [7]. Конституционный Суд указал на право народа ДНР на самоопределение, которое предполагает возможность свободного выбора политического статуса и пути развития. Также были отмечены исторические, культурные и языковые связи ЛНР с Россией, что обосновывало необходимость их вхождения в состав РФ. Конституционный Суд сослался на результаты проведенного референдума в ДНР, где, по официальным данным, большинство населения высказалось за вхождение в состав России, указал на то, что решение о вхождении в состав России было принято с учетом выраженной воли населения и согласия всех сторон.

По поводу итогов референдумов сентября 2022 года высказался Президент РФ. Владимир Владимирович сделал акцент на том, что право любого народа на самоопределение, закрепленное в Уставе ООН, является одним из неотъемлемых. Присоединенные к России субъекты на протяжении многих веков исторически были связаны с нашей страной. Народы, проживающие на этих территориях, являются свидетелями ключевых событий[8], которые подчеркнули значимость роли народа в решении важнейших политических вопросов.

В заключении следует отметить, что роль народа России в конституционно-правовых отношениях является первичной и определяющей. Именно народ, как носитель суверенитета и источник власти, определяет основные направления развития государства и общества, участвует в формировании органов государственной власти и местного самоуправления, а также непосредственно осуществляет власть посредством референдумов и других форм прямой демократии.

Анализ конституционно-правового статуса народа показывает его многогранный характер, включающий право на участие в управлении государством и обязанности по соблюдению Конституции. Ключевым аспектом является обеспечение гарантий реализации прав и свобод граждан и народа в целом, что включает создание условий для свободного волеизъявления, доступа к информации и участия в политической жизни. Право народа на самоопределение способствует укреплению национального единства и легитимности власти. Примеры референдумов о вхождении в состав России Республики Крым (2014) и ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей (2022) иллюстрируют успешную реализацию этого права, подчеркивая важность учета исторических и культурных особенностей в каждом конкретном случае.

Список использованных источников:

1. Дураев Т. А. К вопросам о конституционно-правовом статусе народа/Т. А. Дураев// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2014. – Вып. 3. – С. 570-576.
2. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права/О. Е. Кутафин. – М.: Юрист, 2001. – 443 с.
3. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 томах. Том 1 / С. А. Авакьян. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. — 864 с.
4. Конституционное право России: учебник/ В. И. Гавриленко, Т. В. Заметила, В. Т. Карбышев[и др.]; Саратовская государственная юридическая академия. – 3-е изд., испр. и доп. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023. – 497 с.
5. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 N 6-ФКЗ (ред. от 30.11.2024) "О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя" Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102171897 (дата обращения: 23.03.2025)

6. Пасенов А. Н, Репина Е. И. Референдум как способ реализации права народов на самоопределение/А. Н. Пасенов, Е. И. Репина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук – 2023. – Вып. 87. – С.248-250.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 N 36-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта».Официальный интернет-портал правовой информации http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210020002(дата обращения: 23.03.2025)

8. Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69465 (дата обращения: 23.03.2025).

УДК 34.096

Бальский А.В.

Научный руководитель: Некрасова Е.В., кандидат юридических наук, доцент ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный Университет им. В.И, Вернадского», Российская Федерация, Симферополь

ВЕЩИ КАК ОБЪЕКТЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Вещи, как явление природы и права, презумптивно рассматриваются прежде всего через призму системы частного права, однако, в последнее время их значение все чаще становится предметом публично-правового взора. Кладбища, дикие животные, объекты национального достояния, воды, земли — интереса для частного права вовсе не имеют, являясь по своей природе особой категорией под наименованием публичные вещи. Ошибочное применение норм частного права к публичным вещам приводит к трудным спорам в судебной практике, возлагает на государственные органы и органы местного самоуправления чрезмерное и необоснованное бремя. Настоящая работа призвана внести ясность в категорию публичных вещей и определить публично-правовые начала таковых.

Ключевые слова. Публичное право, частное право, вещи, публичные вещи, вещное право, регистрационная система, национальное достояние.

Abstract. things, as a phenomenon of nature and law, are presumptively viewed primarily through the prism of the private law system, however, recently their significance has increasingly become the subject of public-legal gaze. Cemeteries, wild animals, objects of national heritage, waters, and lands are of no interest to private law at all, being by their very nature a special category called public things. The erroneous application of private law norms to public property leads to difficult disputes in judicial practice, and places an excessive and unreasonable burden on State and local government bodies. This work is intended to clarify the category of public things and to define the public-legal principles of such.

Keywords. Public law, private law, things, public things, property law, registration system, national treasure.

Вещи — явление права, а не природы. Для естественного бытия личности понятие вещи в целом несвойственно и не имеет особого значения. Наоборот, являясь правовой категорией, вещь наполнена смысловым содержанием для ее внедрения в оборот и способности быть элементом правоотношений. Искусственность рассматриваемого

явления создает разрыв между правом и реальностью. То, что может являться вещью в бытии, может не являться вещью в сфере права.

Примечательно, что такой разрыв замечается и в сфере самого права, поскольку область права, являясь сложным организмом с присущими ей особенностями системного строения, может создавать внутри самой себя фикции, впадая в ступенчатое уравнение, где для одной системы условная категория будет иметь одно значение, в то время как в противопоставимой ей системе такое явление не найдет своего отражения.

Такая участь коснулась вещей и их различной судьбы в системе jus publicum и jus privatum. Обе системы преследуют противоположные цели и функционируют на различных принципах и идеях. По известному высказыванию профессора И.А. Покровского, если публичное право есть система субординации, то частное право есть система координации; если первое есть область власти и подчинения, то второе есть область свободы и частной инициативы [4, с. 40].

Вещь, как правовая категория, первоочередное значение имеет для частного права, которое своей мажоритарной целью направлено на создание благоприятных и эффективных начал гражданского оборота. Подлинный же гражданский оборот представляет собой оборот вещей, если быть более точным и следовать мысли профессора К.И. Скловского — оборот прав, в частности, на вещи [5, с. 60].

Анализ de lege lata свидетельствует об упоминании отечественным правопорядком вещей исключительно в частно-правовом контексте. Однако, его ретроспективное дореволюционное состояние свидетельствует об обратном, равно как и юридическая литература того времени.

Примечательным является то, что особенность правовой природы некоторых вещей была выявлена не только дореволюционными цивилистами (Г.Ф. Шершеневич, К.П. Победоносцев, К.Н. Анненков), но и административистами (М.М. Шпилевский, А.А. Трифонов, Н.П. Карадже-Искров).

К.Н. Анненков указывает на различие - и закон дает ему для этого необходимые основания - «между имуществами государственными патримониальными, то есть принадлежащими государству как частному собственнику, и имуществами, предназначенными для общего пользования, находящимися только в заведовании государства» [1, с. 358]

К.П. Победоносцев пишет, что не всякий предмет внешней природы может быть предметом частного права, и не все в одинаковой степени, ибо независимо от физической или юридической способности каждого лица распространять власть свою на предметы внешнего мира, предметы эти имеют свою собственную природу [3, с. 52]

Мнения дореволюционных цивилистов подтверждают концепцию вещи как правовой фикции, ведь гражданский оборот заинтересован не во всех объектах материального мира, имеющих внешние осязаемые очертания и способных к физическому отчуждению, а только в тех, которые прямо допущены законодательством к легальному обороту между частными лицами.

На существование в области публичного права особых вещей прямо указывает административист Н.П. Карадже-Искров: «Положение публичных вещей всецело и во всех отношениях регулируется публичным правом» [2, с. 6]. Следовательно те вещи, которые не могут быть предметом частно-правовых сделок и искусственно выведены из гражданского оборота, составляют область интересов публичного права и сферу государственного господства.

Существование вещей в двух правовых параллелях обусловлено факторами как экономического характера, так и социально-политического. В первую очередь, ряд вещей принадлежит государству и может находиться только во власти публичного суверена с целью поддержания собственного господства и независимости — земли, воды, недра, дикие звери, памятники. Иные вещи выступают сдерживающим фактором недопущения

разложения общественного порядка и нравственности — психотропные вещества, военная техника, места захоронения.

Если вещи, способные к гражданскому обороту, служат инструментом удовлетворения потребностей отдельной личности, основанных на частном эгоизме и собственной выгоде, то публичные вещи имеют противоположную цель и призваны служить общему благу.

Телеология законодателя при анализе правового места публичных вещей в системе законодательства представляется верной. Речь идет о внесенных изменениях Федеральным законом от 2 июля 2013 г. N 142-ФЗ в пункт 1 статьи 129 Гражданского кодекса РФ в рамках которого исключено упоминание о вещах изъятых из оборота. Норма Гражданского кодекса об объектах гражданского права не может включать в себя категорию вещей, изъятых из оборота, поскольку такие объекты частному праву в целом не подвластны. Текстуальное наполнение данной нормы при упоминании вещей, изъятых из оборота, должно быть сконструировано по основам отсылочной диспозиции либо в целом исключать такое упоминание, что и было осуществлено в конечном итоге отечественным гражданским законодательством.

Однако, частно-правовое сознание до сих пор имеет искажение относительно природы публичных вещей. На практике имеет место применение к такой категории объектов общих принципов гражданского права, что является недопустимой и грубой ошибкой. Например, довольно часто встречаются иски о регистрации права собственности или его признании за публичным образованием на объекты, которые не могут участвовать в гражданском обороте — Министерство обороны требует зарегистрировать право собственности на пусковые шахты, а прокуратура требует признать право собственности за органами местного самоуправления на памятники с целью их содержания на балансе таких органов. Однако, объектам публичного права посвящены специальные законы, которые регулируют отношения на основах императивности, централизации, власти и подчинения, поэтому требования частно-правового характера к ним если и допустимы, то крайне осторожным образом.

Например, регистрация объектов недвижимого имущества необходима для введения их в гражданский оборот. Поскольку публичные вещи находятся вне оборота, то и их регистрация становится бессмысленной с правовой точки зрения. Федеральный закон от 25 июня 2002 года N 73-ФЗ определяет правовую принадлежность памятников публичному суверену с возложением обязанности их содержания соответствующими публичными органами, что отрицает необходимость признавать на такие объекты право собственности.

Это лишь малая доля случаев, в которых неверное понимание природы публичных вещей приводит к юридическим ошибкам. Направление законодательного развития свидетельствует о постепенном устранении правовой подвешенности публичных вещей с точки зрения de lege ferenda, но формирование общих представлений о таких объектах необходимо уже сейчас, de lege lata.

Список использованных источников:

1) Анненков К.Н. Система русского гражданского права / К. Анненков. - СПб. : Типография М. М. Стасюлевича. Т. 1 : Введение и Общая часть. - 1894. - 591 с.

2) Карадже-Искров Н.П. Публичные вещи. Выпуск I / Н.П. Карадже-Искров. – Иркутск: Издание Иркутской секции научных работников, 1927. – VIII, 79 с.

3) Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 1: Вотчинные права. - М.: Статут, 2002. - 542 с.

4) Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. -М.: Статут, 2020. - 455 с.

5) Скловский К.И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский - 4-е изд., перераб., доп. - М.: Статут, 2008. - 922 с.

УДК 349. 41

Барабанова П. В., Калачев Д. А.

Научный руководитель: А. Н. Устинова, старший преподаватель кафедры земельного и экологического права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов

ЗОНЫ С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: в настоящее статье исследуются проблемы и определяются направления совершенствования правового регулирования зон с особыми условиями использования территорий в контексте современных законодательных изменений и актуальной судебной практики. Исследование направлено на выявление эффективных меры регулирования, способствующих внедрению устойчивого развития как городских, так и природных экосистем. Результатом работы станут предложения, способствующие улучшению правового регулирования ЗОУИТ, направленные не только на охрану окружающей среды, но и удовлетворение потребностей современного общества в благоустроенной и безопасной жизненной среде.

Ключевые слова: зоны с особыми условиями использования территорий (ЗОУИТ), правовое регулирование, внесение изменений, правовой статус, земельное законодательство.

Abstract: The article examines the problems and defines the directions for improving the legal regulation of zones with special conditions for the use of territories in the context of modern legislative changes and current judicial practice. The research aims to identify effective regulatory measures that promote the implementation of sustainable development of both urban and natural ecosystems. The result of the work will be proposals that will contribute to improving the legal regulation of ZOUIT, aimed not only at protecting the environment, but also meeting the needs of modern society in a well-maintained and safe living environment.

Keywords: zones with special conditions for the use of territories, legal regulation, making changes, legal status, land legislation.

Правовое регулирование в области установления зон с особыми условиями использования территорий характеризуется динамичным развитием. Анализ его преимуществ и недостатков является важным для совершенствования системы правового регулирования.

Федеральный закон от 03.08.2018 №342-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской федерации» (далее – закон №342-ФЗ) стал основой для унификации правового статуса зон с особыми условиями использования территорий (далее - ЗОУИТ). Несмотря на значительное расширение нормативной базы, посвященной ЗОУИТ, законодатель до сих пор не дал четкого определения. В п.4 ст.1 Градостроительного кодекса РФ определение ЗОУИТ по-прежнему ограничивается перечислением их отдельных видов, а ст.104 земельного кодекса РФ указывает лишь на цели установления ЗОУИТ. Профессор В.М. Сырых обращает внимание на то, что содержание данных земель составляет та или иная совокупность признаков, которая позволяет осуществлять обобщение и выделение предмета. [5] Подобное мнение выражено В.Л. Кулаповым. Он рассматривает понятия как «научные абстракции, которые в обобщенной форме отражают систему общих и

специальных признаков, позволяющих отграничить данное явление от других родственных, пограничных явлений общественной жизни». [1] Руководствуясь вышесказанным, сформулируем определение: зоны с особыми условиями использования территорий – представляют собой территории, в отношении которых в соответствии законодательством Российской Федерации установлен специальный правовой режим землепользования и осуществления иной хозяйственной деятельности, предусматривающий различные ограничения и обременения прав на объекты недвижимости, расположенные в границах таких зон.

В целях унификации правового регулирования и ограничений на использование земельных участков, в Земельный кодекс РФ (ЗК РФ) была введена новая глава 19 «Зоны с особыми условиями использования территорий» и внесены изменения в статьи 57, 57.1 ЗК РФ. Введение нового порядка регулирования было отложено Законом №455-ФЗ от 31.12.2019 на 2022 и 2025 гг., а впоследствии, в конце 2021 г., перенесено на 2025 и 2028 гг. Указанные переносы свидетельствуют о неготовности системы к реализации установленных положений главы 19 и ст. 57.1 ЗК РФ, что фактически придает им декларативный характер до наступления вышеуказанных дат.

Проведя анализ земельного законодательства можно выделить несколько часто встречаемых проблем, касающихся ЗОУИТ:

1. Отсутствие сведений о ЗОУИТ в ЕГРН, а также их правовая неопределенность. Это создает риски для владельцев и покупателей недвижимости, так как они не могут быть уверены в отсутствии ограничений. [2]
2. Проблема отсутствия процедуры установления новых ЗОУИТ. Это создает неудобства для внесения информации в ЕГРН, так как положения для всех видов ЗОУИТ не утверждены. [3]
3. Основополагающей проблемой является затруднение в возмещении убытков, возникших в связи с ограничением прав на земельные участки при установлении ЗОУИТ. [4] Суды отказывают в возмещении убытков, связанных с установлением ЗОУИТ, ввиду недоказанности факта, размера убытков, вины заинтересованного лица и причинно-следственной связи.

На основе анализа совершенствующегося земельного законодательства, а также вступающих в силу изменений в 2025 году можно предложить ряд рекомендаций, направленных на решение выделенных нами проблем, существующих правовых коллизий и неопределенностей. Так, Федеральный закон № 485-ФЗ от 26.12.2024 вносит изменения в регулирование ЗОУИТ, определив сроки для установления или изменения при строительстве/реконструкции. Отменив требования к придорожным полосам дорог 4 и 5 категорий. Детализировав правила использования участков в зонах охраны объектов культурного наследия и уточнив правила внесения в ЕГРН сведений о минимальных расстояниях до трубопроводов. Закон прекратил существование зон наблюдения, безопасности, охранных зон метро, установленных до его вступления в силу, а также несоответствующих целям и видам по ЗК РФ ЗОУИТ и ЗОУИТ установленных при отсутствии объектов, признав ограничения использования недействительными. [6]

В целях устранения проблем правового регулирования ЗОУИТ, мы предлагаем:

1. Обеспечить обязательное автоматическое внесение сведений о ЗОУИТ в ЕГРН обеспечив при этом публичный доступ.
2. Установить законодательно определенные процедуры установления ЗОУИТ, предусматривающие обязательное уведомление правообладателей.
3. Упростить процедуру доказывания понесенных убытков, установив презумпцию вины органа, установившего ЗОУИТ и вести четкие механизмы предварительной компенсационной оценки.
4. Разработать и принять подзаконные акты, детализирующие требования к каждому виду зон.

5. Не исключаем возможность закрепления единого органа, который будет ответственным за координацию установления и учета ЗОУИТ, исключив при этом дублирование полномочий.
6. Акцентируем внимание на необходимости ускорения цифровизации учета и обеспечении публичности решений об установлении ЗОУИТ.

Проведенный анализ подтверждает необходимость более детального законодательного регулирования и правовой регламентации ЗОУИТ. Это требуется для обеспечения надежной защиты прав собственников и повышения эффективности функционирования системы зон. Комплексный подход к решению проблем зонирования, включающий дальнейшие исследования и разработку практических рекомендаций, позволит создать прозрачную, сбалансированную систему регулирования ЗОУИТ и будет способствовать устойчивому развитию территорий.

Список использованных источников:

1. Кулапов В.Л. Предмет и метод теории государства и права // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА: ИНФРА-М. 2017. С. 640.
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 №305-ЭС22-16446 по делу №А40-49895/2020**.**
3. Постановление 11ААС от 19.05.2020 по делу № А55-19728/2019
4. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28.07.2021 по делу №А70-4094/2021
5. Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М.: НОРМА: ИНФРА-М. 2018. 464 с.
6. Федеральный закон от 26.12.2024 N 485-ФЗ "О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части 2 статьи 5 Федерального закона "О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации"

УДК 343.215

Белецкая М. Ю.
обучающаяся 1 курса
Научный руководитель: Адельсеитова А. Б., к.ю.н., доцент
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Институт «Таврическая академия»
г. Симферополь

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЯЗАННОСТИ СЛУЖБЫ В АРМИИ ЖЕНЩИН В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. В работе проводится анализ правового регулирования и практики обязательного призыва женщин на военную службу в зарубежных странах, исследуются различные модели и их эффективность. Автор определяет социально-экономические факторы, влияющие на внедрение такой политики, включая демографические тенденции, геополитическую обстановку и вопросы гендерного равенства. Особое внимание уделяется опыту Израиля, Норвегии и Швеции.

Ключевые слова: Армия, военная обязанность, военная служба, женщины, законодательство, конституционная обязанность, призыв женщин.

Abstract. The paper analyzes the legal regulation and practice of compulsory conscription of women for military service in foreign countries, examines various models and their effectiveness.

The author identifies the socio-economic factors influencing the implementation of such a policy, including demographic trends, the geopolitical situation and gender equality issues. Special attention is paid to the experience of Israel, Norway and Sweden.

Keywords: Army, military duty, military service, women, legislation, constitutional duty.

В соответствии с конституционным законодательством многих зарубежных стран военная обязанность как институт рассматривается преимущественно относительно лиц мужского пола. Так, существует мнение, что воинская обязанность - это «установленный законом долг граждан государства нести обязательную воинскую службу и с оружием в руках участвовать в защите государства или выполнении других военных задач. Принципы и нормы ее выполнения определяются конституцией государства, законами об обороне, положением о воинской обязанности» [1]. «Воинская обязанность - это установленный законом долг граждан нести службу в рядах Вооружённых Сил и выполнять другие обязанности, связанные с обороной страны» [2].

Военная обязанность для женщин — это обязанность женщин нести военную службу, аналогичная военной обязанности мужчин. Однако реализация этой обязанности существенно различается в разных странах. В некоторых государствах женщины освобождены от воинской повинности в мирное время, в других они могут служить добровольно или призываются наравне с мужчинами. В ряде стран женщины обязаны проходить военную подготовку или регистрироваться для возможной мобилизации.

Анализируя законодательство зарубежных государств о военной обязанности женщин, следует подробно остановиться на государстве Израиль. Израильтянки проходят обязательную военную службу в соответствии с требованиями Закона о воинской службе 1986 года, который установил всеобщую воинскую повинность, распространяющуюся как на мужчин, так и на женщин (с некоторыми исключениями) [3, ст. 26.5]. Эта политика обусловлена несколькими факторами. Во-первых, Израиль находится в сложной геополитической обстановке и сталкивается с постоянными угрозами своей безопасности. А во-вторых, значительную роль играет и демографический фактор, поскольку, учитывая относительно небольшое население Израиля, всеобщая воинская повинность, включая женщин, позволяет поддерживать необходимый уровень численности армии. Под призыв попадают граждане страны от 18 до 28 лет. Девушки служат в армии наравне с мужчинами. Единственное различие – это период нахождения. Для парней – это 32 месяца, для девушек – 24 месяца. Срок уменьшается для семейных израильтян, имеющих детей. Также чем старше призывник, тем меньше он будет служить. Законодательство Израиля обязывает к прохождению срочной службы всех израильтян, в том числе тех, кто имеет двойное гражданство. Призыв новых репатриантов производится не ранее, чем через 12 месяцев после репатриации. Кроме того, если человек прошёл репатриацию после того, как ему исполнилось 22 года, в обязательно порядке его не призовут. В израильскую армию призываются только незамужние женщины, которые постоянно проживают на территории Израиля. Освобождение возможно по следующим обстоятельствам: беременность, наличие детей, замужество и религиозное исповедание. Процедура призыва в армию женщин определяет, что при достижении 17 лет каждая израильская девушка должна посетить военный комиссариат для постановки на учет. Здесь ей предлагается пройти медкомиссию, психологическое тестирование и собеседование. По итогам обследования, устанавливается, в каких войсковых подразделениях в дальнейшем девушка может проходить срочную службу. Либо выдается свидетельство о ее непригодности. Таким образом, призыв в армию женщин - это процесс привлечения женщин к военной службе, регулируемый национальным законодательством страны и варьирующийся от обязательного до полного отсутствия.

В 21 веке также произошли изменения в законодательстве о военной обязанности ряда зарубежных стран, среди которых следует выделить Норвегию. Она является лидером в вопросе равноправия в армии. В Норвегии и мужчины, и женщины служат в армии по

причине введения всеобщей воинской повинности. Это относительно недавнее изменение, закон о котором был принят в 2013 году и вступил в силу летом 2015 года, сделав Норвегию первой среди стран НАТО, призвавшей женщин на обязательную службу в мирное время.

Более того, мужчины и женщины здесь не только служат бок о бок, но и живут в одних казармах, что подчеркивает равноправие в самой его искренней форме. Причины введения гендерно нейтральной воинской обязанности кроются в демографической ситуации. Сравнительно небольшая численность населения и низкий уровень рождаемости вынуждают правительство искать новые пути для комплектования вооруженных сил. В Норвегии призыву подлежат молодые люди обоих полов с 19 до 45 лет. Срок обязательной военной службы одинаков как для мужчин, так и для женщин и составляет от 6 до 19 месяцев в зависимости от рода войск. Однако на практике не все призывники служат полный срок. После начального периода обучения, который длится несколько месяцев, многих распределяют в резерв, и они проходят дальнейшую службу в виде коротких сборов и учений [4, ст. 6].

В Швеции, как и в Норвегии, и мужчины, и женщины служат в армии в связи с всеобщей воинской повинностью, которая распространяется на оба пола [5, ст. 3]. После периода приостановки с 2010 года, всеобщая воинская повинность, включающая и женщин, была возобновлена в 2017 году и расширена в 2018 году для включения большего количества призывников обоих полов. Это решение было обусловлено обострением международной ситуации и ростом напряженности в регионе Балтийского моря. Швеция нуждается в укреплении своей обороноспособности и увеличении численности вооруженных сил. Помимо этого, введение всеобщей воинской повинности для обоих полов соответствует принципам гендерного равенства, предоставляя женщинам и мужчинам равные права и обязанности в сфере защиты страны. Служба длится от 9 до 12 месяцев. Женщины составляют около 20% призывников и могут быть призваны во все виды войск, включая боевые, с 18 лет. Чтобы попасть в призыв, дамы проходят конкурентный отбор и тесты на физическую подготовку и психологическую устойчивость.

Самым последним примером введения обязательной военной службы для женщин является Дания. Согласно решению датского парламента от 25 марта 2025 года, уже с 1 июля все женщины, которым к тому моменту исполнится 18 лет, могут получить соответствующее уведомление. А с января 2026 года они будут призываться в армию. По данным вооруженных сил Дании, в данный момент женщины составляют 25% среди всех новобранцев-добровольцев. Обязательная военная служба в стране длится от 4 до 12 месяцев - в зависимости от того, чем решит заниматься новобранец после трехмесячного курса молодого бойца.

Большинство стран с обязательной военной службой для женщин находятся в Африке. В Эритрее ее срок составляет 16 месяцев - как и для мужчин. Женщины также обязаны служить в армии в Чаде, Гвинее-Бисау, Мали, Мозамбике, Кабо-Верде и Нигере. В Кот-д'Ивуаре также действует соответствующая норма, но она не соблюдается. В Мозамбике в 2024 году власти заявили, что срок обязательной селективной службы по призыву может быть увеличен с двух до пяти лет.

В Азии всеобщая воинская обязанность существует в Мьянме, Китае (де-юре, реально имеет место набор призывников с квотами для провинций), Восточном Тиморе и Северной Корее. В КНДР с 2015 года военная служба обязательна и для женщин. Они призываются, как и мужчины, с 17-летнего возраста. Срок службы у женщин зависит от уровня образования и может длиться несколько лет.

Таким образом, обязательный призыв женщин на военную службу на сегодняшний день – явление довольно редкое. В ряде стран нет необходимости закреплять данную обязанность в конституционных положениях. Поэтому большинство государств мира придерживается более лояльной политики, предоставляя женщинам возможность служить в армии на добровольной основе. Основные и наиболее частые причины обязательного призыва женщин на службу армии – низкая численность населения и вместе с тем угрозы

со стороны соседних государств. И в такой ситуации женщины подлежат обязательному призыву, чтобы поддерживать необходимый уровень численности вооруженных сил. Анализ опыта государств, практикующих всеобщую воинскую обязанность для женщин, позволяет выявить как преимущества, так и недостатки подобной системы. К числу преимуществ можно отнести укрепление обороноспособности страны, повышение гендерного равенства в армии и обществе, развитие лидерских качеств и профессиональных навыков у женщин. В то же время, обязательный призыв женщин может столкнуться с такими вызовами, как необходимость создания соответствующей инфраструктуры, учета физиологических особенностей женщин, а также возможным сопротивлением со стороны общества, связанным с традиционными гендерными ролями. Опыт стран с частичным или добровольным призывом женщин на военную службу показывает, что эффективное вовлечение женщин в вооруженные силы возможно и без введения всеобщей воинской обязанности, при условии создания благоприятных условий для службы и развития карьеры.

Список использованных источников:

1. Рогозин Д.О. Война и мир в терминах и определениях. Военно-технический словарь / под общей редакцией Дмитрия Рогозина – изд. Вече, 2016. – 274 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. - 26-е изд., испр. и доп. - М. Оникс [и др.], 2009. - 1359 с.
3. «Закон о воинской службе» Израиля (ביטחון שירות חוק) от 26.03.1986 г. Режим доступа: URL: https://goo.su/kFFxP . Дата обращения: 01.04.2025.
4. «Закон о воинской службе» Норвегии (Forsvarsloven) от 17.06.1994 г. (с последующими изм. и доп.) URL: https://goo.su/XUTJfoP . Дата обращения: 01.04.2025.
5. «Закон о воинской повинности» Швеции (Värnpliktslagen) от 02.03.2017 г. URL: https://goo.su/dZET0 . Дата обращения: 01.04.2025.

УДК 352

Бокова В.А.
обучающаяся 2 курса
*Научный руководитель: Пашнева В.А.**,** к.ю.н., доцент*
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. Анализируется межмуниципальное сотрудничество (ММС) как ключевой фактор социально-экономического развития территорий. Обосновывается необходимость совершенствования нормативно-правовой базы и стимулирования ММС для устойчивого развития муниципальных образований.

Ключевые слова. межмуниципальное сотрудничество, территориальное развитие, местное самоуправление.

Abstract. Inter-municipal cooperation (IMC) is analyzed as a key factor in the socio-economic development of territories. The necessity of improving the legal and regulatory framework and stimulating IMC for the sustainable development of municipalities is substantiated.

Keywords: Inter-municipal cooperation, territorial development, local self-government.

Становление органов местного самоуправления (далее – МСУ) с 1993 года сопровождалось рядом проблем, препятствовавших эффективному выполнению возложенных функций и задач. Несовершенство нормативно-правовой базы, дефицит ресурсов и тенденция к перекладыванию ответственности за решение местных вопросов стали серьёзными вызовами. Федеральный закон №131 "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (2003 г.) (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) был призван решить эти проблемы и сформировать полноценный уровень низовой власти [1].

В условиях современных социально-экономических вызовов (например, ограниченности ресурсов) межмуниципальное сотрудничество (ММС) приобретает особую актуальность как ключевой механизм стимулирования развития территорий и повышения конкурентоспособности муниципальных образований. ММС определяется как консолидация усилий, материальных и нематериальных ресурсов муниципальных образований на взаимовыгодной основе с целью создания общественных благ и оказания общественных услуг, обеспечивающих повышение качества жизни населения и социально-экономическое развитие территорий [2].

Н.В. Ворошилов выделяет два подхода к пониманию межмуниципального сотрудничества: «в широком смысле – это любое взаимодействие, контакты муниципальных образований между собой в целях обмена опытом, совместного решения вопросов и проблем локального значения, предоставления услуг населению; в узком смысле – основанные на соглашениях, договорах, решениях органов местного самоуправления различные формы взаимодействия муниципальных образований».

Правовые основы межмуниципального сотрудничества устанавливаются главой 9 Федерального закона № 131-ФЗ, а также главами 5 и 27 Гражданского кодекса Российской Федерации [3, 4]. В качестве методического инструментария для объединения финансовых, материальных и иных ресурсов муниципальных образований, решения вопросов местного значения выступают договоры и соглашения.

На основании норм законодательства можно выделить несколько форм межмуниципального сотрудничества: ассоциативное, договорное, хозяйственное. Наиболее распространённой является ассоциативная форма. В её рамках реализуются такие предусмотренные законом формы взаимодействия, как советы муниципальных образований. Советы участвуют в работе региональных штабов, оказывают муниципалитетам правовую и консультационную поддержку, организуют информирование граждан и организаций по разным вопросам, возможности получить дополнительную поддержку, содействие волонтёрской работе.

Примером успешной деятельности межмуниципального сотрудничества на федеральном уровне является Общероссийская ассамблея развития территорий и общественного самоуправления. Так, с 2019 года данная организация в целях поддержки органов территориального общественного самоуправления, старост сельских населённых пунктов, участников инициативных групп и местных сообществ, проводит каждый год Всероссийский конкурс «Лучшая практика гражданских инициатив», где граждане могут, например, внести свою идею для благоустройства общественных пространств(парков, скверов и т.д.).

Договорное сотрудничество играет ключевую роль в решении насущных проблем, с которыми сталкиваются жители районов, городов и сел. Муниципальные образования, независимо от их вида, могут заключать договоры (соглашения) о сотрудничестве друг с другом, например, муниципальный район с поселением. Также предусмотрены международные договоры и соглашения о приграничном сотрудничестве - они позволяют осуществлять взаимодействие в экономической, образовательной, культурно-гуманитарной и научно-технической областях, а также в сфере туризма и управления городским хозяйством между государствами. Одним из распространённых примеров такого сотрудничества является создание Международной ассамблеи столиц и крупных городов

стран СНГ (МАГ), основной целью которой является обмен опытом и реализация в общих интересах совместных проектов для решения проблем городов.

Хозяйственное ММС – это сотрудничество между муниципальными образованиями, направленное на совместное решение экономических задач, рациональное использование ресурсов и повышение конкурентоспособности территорий, с помощью создания юридических лиц. Данный институт позволяет оптимизировать затраты на масштабе, что особенно важно для небольших и экономически слабых муниципальных образований. Совместные проекты могут быть более привлекательными для инвесторов, чем отдельные проекты каждого муниципалитета. Кроме того, ММС будет способствовать развитию экономики территорий за счёт создания новых рабочих мест, развития инфраструктуры. Несколько муниципальных образований могут сотрудничать для осуществления совместных закупок (оптимизация затрат). Например, несколько сельских муниципалитетов, испытывающих дефицит бюджета, объединяются для закупки школьных автобусов. Благодаря большему объёму заказа, они получают значительную скидку от поставщика, что позволяет сэкономить средства каждого муниципалитета.

ММС также будет способствовать развитию в социальной сфере, в первую очередь, посредством повышение качества и доступности услуг предоставляемых населению услуг, в особенности если в каком-то из муниципалитетов они недоступны. Так, создание межмуниципального медицинского центра позволит обеспечить население квалифицированной медицинской помощью. Несколько городов могут создать общий центр социальной помощи, который будет предоставлять широкий спектр услуг для нуждающихся граждан, включая консультации юристов, психологов, социальную адаптацию и трудоустройство.

Межмуниципальное сотрудничество в России, несмотря на потенциальные выгоды, имеет некоторые сложности, связанные с реализацией. В первую очередь, это правовой барьер, глава 5 Федерального закона № 131-ФЗ) лишь создаёт общие рамки, но не содержит конкретики по вопросам разграничения полномочий, финансовых механизмов и ответственности сторон. Кроме того, препятствием к развитию ММС являются и политико-административные факторы, выражающиеся в отсутствии доверия между руководителями муниципалитетов, конкуренции за ресурсы и разных подходах к политике и приоритетах. Также, в некоторых регионах муниципалитеты расположены на значительном расстоянии друг от друга, что затрудняет реализацию совместных проектов.

Бутова Т.В., Пухова М.М., Щукин И.А подчёркивают, что для того чтобы сотрудничество было выгодно всем его участникам, необходимо заранее определить способы разрешения возможных конфликтов. Отмечается, что у небольших муниципальных образований есть риск оказаться в стороне на фоне более крупных доминирующих муниципалитетов в сотрудничестве. Для обеспечения сбалансированного взаимодействия необходимо, чтобы степень влияния и участия в процессе принятия решений соответствовали фактическому потенциалу каждого члена сотрудничества, с вниманием к интересам меньшинства [5].

Представляется, что совершенствование законодательства, обеспечение финансовой поддержки, создание условий для повышения доверия и сотрудничества между муниципалитетами будет способствовать развитию ММС.

Список использованных источников:

1.Ускова, Т.В. Проблемы функционирования и направления развития института местного самоуправления / Т.В. Ускова, Е.А. Гутникова // Федерализм. — 2012. — №1. — С. 127-136. (дата обращения: 03.03.2025)

2. Ворошилов Н.В. Межмуниципальное сотрудничество в России: состояние, проблемы и перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т 14. № 6. С. 141— 159. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.8 (дата обращения: 03.03.2025)

3. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) (дата обращения: 06.03.2025)
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.03.2025)
5. Бутова Т.В., Пухова М.М., Щукин И.А. Проблемы и перспективы становления межмуниципального сотрудничества в России // Управленческие науки. 2013. № 3 (8). С. 4-16. (дата обращения: 12.03.2025)

УДК 347.471

Виноградова С.А
обучающаяся 2 курса
Научный *руководитель: Пашнева В.А., к.ю.н., доцент*
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В исследовании проводится анализ становления и развития гражданского общества рассматриваются основные проблемы, с которыми сталкивается Российская Федерация на современном этапе развития гражданского общества.

Ключевые слова: Гражданское общество, правовое государство, демократия, современное развитие гражданского общества в Российской Федерации.

Abstract. The study analyzes the formation and development of civil society and examines the main problems faced by the Russian Federation at the current stage of civil society development.

Keywords: Civil society, rule of law, democracy, modern development of civil society in the Russian Federation.

Первое упоминания термина «Гражданское общество» присваивают Аристотелю, назвавший его politike koinonia – политической общностью. Понятие служило определением политико-публичной общностью свободных и равных граждан, существующих в системе правления, основанных на законе. Именно труды Аристотеля, Платона и Цицирона положили началу исследованию проблем гражданского общества. Однако устойчивое употребление данного термина приходится на 18 век, ведь именно Дж. Локк сложил традиционное понимание гражданского общества из таких составляющих как: семья, труд, собственность [1].

Сегодня же, наличие гражданского общества является обязательной составляющей любого правового, демократического государства. Однако стоит отметить, что в юридической литературе до сих пор не представлено правовое содержание концепции «гражданское общество» и ее роль в развитии государственно-правовой системы. Так многие правоведы и философы определяют «гражданское общество» как общество, наделенное высоким уровнем правосознания, способствующих развитию социальной активности и обеспечения интересов граждан. Как отмечает политолог Г.В. Полунина, для формирования и развития гражданского общества важно наличие демократического государства. Более того, гражданское общество является совокупностью людей, которая во всех сферах жизнедеятельности государства и общества представлена как сеть

неправительственных структур, организованных на добровольной основе (организации, союзы, объединения, фонды и т.д.) [2].

Вопрос о существовании и развитии гражданского общества в Российской Федерации становится особенно актуальным в условиях современных геополитических изменений. Необходимо исследовать, насколько гражданское общество функционирует как независимый институт, какие организации и инициативы его составляют, а также как они взаимодействуют друг с другом и с государственными структурами. Важно учитывать влияние внешних факторов на активность гражданских инициатив, а также то, как общество реагирует на социальные вызовы. Поэтому современные ученые и исследователи задаются важными вопросами: действительно ли гражданское общество в Российской Федерации существует и функционирует как самостоятельный и активный институт?

Определенно эффективное функционирование гражданского общества требует наличия независимых от государства политических и общественных организаций. Эти организации играют ключевую роль в защите прав и свобод граждан, а также в обеспечении прозрачности и подотчетности власти. Независимость общественных организаций от государства позволяет им действовать как своего рода «контрольный механизм» за действиями власти. Они могут выявлять нарушения прав человека, выступать за интересы различных групп населения и предлагать альтернативные решения социальных проблем. Важно, чтобы такие организации имели возможность свободно выражать свое мнение и взаимодействовать с государственными структурами. Сотрудничество между гражданским обществом и государством имеет большое значение. Такое взаимодействие может привести к более взвешенным решениям и улучшению качества жизни граждан. Однако это сотрудничество должно основываться на принципах доверия, уважения и готовности двух сторон к диалогу [3] .

Активистские движения являют основной частью гражданского общества. Они часто возникают как реакция на социальные или политические проблемы и могут играть роль катализатора изменений. Однако увеличение доли таких движений не всегда свидетельствует о здоровом развитии гражданского общества. В некоторых случаях это может быть признаком глубоких социальных противоречий или недовольства существующей системой. Важно различать активистские движения, которые стремятся к конструктивному диалогу с властью, и те, которые действуют в условиях конфликта или противостояния. В первом случае такие движения могут способствовать развитию гражданского общества, во втором — создавать напряженность и препятствовать диалогу. Так для полноценного функционирования гражданского общества необходимо сочетание независимости общественных организаций и активного сотрудничества с государственными структурами.

На современном этапе развитие гражданского общества в России сталкивается с различными вызовами. С одной стороны, существует множество активных организаций, которые продолжают свою работу в самых разных сферах. С другой стороны, наблюдается рост государственного контроля над общественными инициативами, с помощью финансирования данных организаций, что приводит к ограничениям их деятельности [4].

Одной из форм развития гражданской активности в России является развитие некоммерческих организаций. НКО на данный момент занимает промежуточное положение между гражданским обществом и государством, занимается решением вопросов общества в целом и отдельных её индивидуумов. НКО динамично развивается, можно также отметить поддержку благотворительных организаций и развитие детского творчества. Однако НКО сталкиваются с рядом проблем: недоверием со стороны граждан, низкий уровень взаимосвязи между институтами гражданского общества и местного самоуправления, недостаточная вовлеченность в решение социальных задач и т.д. Наконец, взаимодействие между гражданским обществом и государственными структурами остается сложным. Несмотря на наличие некоторых формальных механизмов для диалога, таких как консультации с НКО, реальное влияние общественных организаций на принятие решений

часто оказывается минимальным. Это создает ощущение отчуждения и недоверия со стороны граждан к государству, что дополнительно ослабляет гражданское общество [4].

Однако наиболее серьезной проблемой в развитии гражданского общества в современной России является молодежь, которая могла бы стать движущей силой гражданского общества, однако часто оказывается аполитичной или разочарованной в возможностях влиять на изменения. Это связано как с отсутствием платформ для участия, так и с негативным отношением к политике в целом. Многие молодые люди не видят смысла в активной гражданской позиции, что ослабляет потенциал гражданского общества в будущем. Так создание молодежных платформ: организации форумов, семинаров и конференций для молодежи, где они могли бы обсуждать актуальные проблемы и предлагать решения или же образовательных программ: введение курсов по гражданской активности и социальной ответственности в учебные заведения, помогло бы формировать активную гражданскую позицию у молодежи. Ведь именно молодежь является будущем страны, и только их сила может влиять на государство и решать существующие проблемы.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что развитие гражданского общества представляет собой сложный процесс, который требует активного участия всех слоев общества. Гражданское общество играет ключевую роль в укреплении демократических институтов, защите прав человека и обеспечении социальной справедливости. Оно способствует формированию активной гражданской позиции, что в свою очередь ведет к более открытому и ответственному управлению. Несмотря на существующие вызовы и препятствия, важно продолжать работу по поддержке и развитию НКО, вовлечению молодежи и повышению уровня информированности граждан. Только через совместные усилия государства и гражданского общества можно создать условия для полноценного функционирования гражданского общества, способного эффективно реагировать на современные вызовы и способствовать устойчивому развитию страны. Таким образом, развитие гражданского общества — это не только задача отдельных организаций или активистов, но и общая ответственность каждого из нас. Это путь к более справедливому, открытому и процветающему обществу, где голос каждого гражданина имеет значение.

Список использованных источников:

1. Назарова В. С. История понятия «Гражданское общество» в раннесовременную эпоху и его современное понимание // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. №10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ponyatiya-grazhdanskoe-obschestvo-v-rannesovremennuyu-epohu-i-ego-sovremennoe-ponimanie (дата обращения: 27.01.2025).
2. Политология /Под. ред. Г. В. Полуниной. М.: АКАЛИС, 1996.-276 с
3. Костанян Г. С., Казанчян Л. А. СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЯ “ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО” // Sciences of Europe. 2021. №70-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-osobennosti-ponyatiya-grazhdanskoe-obschestvo (дата обращения: 27.01.2025).
4. Консовский А. А., Лясецкая Е. А. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ // Символ науки. 2020. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-stanovleniya-i-razvitiya-grazhdanskogo-obschestva-v-rossii (дата обращения: 27.01.2025).

УДК 347

Воробей Д.Э.
Научный руководитель: Корень Т.А. к.ю.н., доцент
МГУ имени А.А. Кулешова, Республика Беларусь, г. Могилёв

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОГО УКЛОНЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные проблемы законного уклонения юридических лиц от исполнения исполнительных документов, анализ норм законодательства Республики Беларусь и выявление существующих пробелов, определение законных способов уклонения юридических лиц от исполнения исполнительных документов, а также разработка предложений по усовершенствованию законодательства Республики Беларусь в сфера исполнительного производства.

Ключевые слова: Исполнительное производство, исполнительные документы, субсидиарная ответственность, ликвидация юридического лица, реорганизация юридического лица.

Annotation. This article examines the current problems of legal evasion of legal entities from executing enforcement documents, analyzes the norms of the legislation of the Republic of Belarus and identifies existing gaps, identifies legitimate ways for legal entities to evade enforcement documents, and develops proposals to improve the legislation of the Republic of Belarus in the field of enforcement proceedings.

Keywords: Enforcement proceedings, enforcement documents, subsidiary liability, liquidation of a legal entity, reorganization of a legal entity.

Проблема законного уклонения юридических лиц от исполнения исполнительных документов является одной из наиболее существенных в национальном законодательстве. Граждане, юридические лица, индивидуальные предприниматели, чьи права и законные интересы были нарушены, в ряде случаев не могут восстановить их посредствам действующего правового механизма. В случае сохранения такой проблемы данные субъекты престанут доверять законным способам восстановления своих нарушенных прав и прибегнут к более архаичным методам. Результатом таких событий может быть деградация правового механизма и, как следствие, деградация общества.

Изучение и анализ практики показали, что наиболее распространённым способам уклонения юридических лиц от исполнения исполнительных документов является **ликвидация юридического лица**.

В соответствии с пунктом 1 статьи 57 Гражданского кодекса Республики Беларусь ликвидация юрлица влечет прекращение его деятельности без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам, если иное не предусмотрено законодательными актами. А это означает, что собственник юридического лица не будет отвечать по его долгам и если юридическое лицо будет ликвидировано, то кредитор может остаться не с чем [2].

Судебный исполнитель возвратит исполнительный лист в соответствии с абз. 6 ч.1 ст. 53 закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве», так как в отношении должника – юридического лица в установленном законодательством порядке принято решение о ликвидации (прекращении деятельности) [4].

На стадии ликвидации юрлица необходимо соблюсти права иных кредиторов ликвидируемого лица и очередность удовлетворения их требований.

Однако соблюдение прав предполагаемых кредиторов не должно приводить к нарушению права уже имеющегося кредитора. Именно поэтому целесообразно приостановление исполнительного производства, а не возврат исполнительного документа с установлением должнику сроков на предоставление судебному исполнителю реестра

требований кредиторов и промежуточного ликвидационного баланса, а также срока на подачу должником либо его кредиторами заявления о банкротстве. Так же возможно привлечь должника к субсидиарной ответственности.

Субсидиарная ответственность— это особый вид гражданско-правовой ответственности, при котором на лицо, несущее субсидиарную ответственность в соответствии с законодательством или условиями обязательства, в случае отказа основного должника от удовлетворения требования кредитора, в том числе ввиду недостаточности или отсутствия имущества, возлагается обязанность по исполнению требования кредитора к основному должнику [5].

В соответствии с пунктом 25 Декрета Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» ссобственник имущества (учредители, участники), председатель ликвидационной комиссии (ликвидатор), допустившие нарушения требований законодательных актов, регулирующих порядок ликвидации юридического лица, в результате которых юридическое лицо было исключено из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей без применения процедуры экономической несостоятельности (банкротства), солидарно несут субсидиарную ответственность по обязательствам ликвидированного юридического лица в размере неудовлетворенных требований кредиторов [3].

Привлечение к субсидиарной ответственности осложняется необходимостью предоставления веских доказательств, что зачастую не удается. Кроме того, даже при наличии судебного решения, взыскание долга затрудняется из-за действий должника по сокрытию активов.

Ещё одним способом законного уклонения должников-юридических лиц от исполнения исполнительных документов является **реорганизация юридического лица**.

Реорганизация юридических лиц — это процесс, используемый предприятием для изменения своей структуры, управления активами и достижения стратегических целей. Можно выделить такие формы реорганизации как: слияние, присоединение, выделение, разделение и преобразование [1].

В соответствии с ч.1 статьи 53 Гражданского кодекса Республики Беларусь реорганизация юридического лица (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование) может быть осуществлена по решению собственника его имущества (учредителей, участников) либо органа юридического лица, уполномоченного на то учредительным документом, а в случаях, предусмотренных законодательными актами, – по решению уполномоченных государственных органов, в том числе суда [2].

Реорганизация в форме разделения или выделения, к сожалению, часто становится инструментом для недобросовестных должников, стремящихся избежать ответственности перед кредиторами. Распространенная схема заключается в передаче ликвидных активов одной из вновь образованных компаний, в то время как долги остаются на другой, которая получает лишь неликвидное имущество. Проблема усугубляется отсутствием четких законодательных норм, регулирующих распределение активов при реорганизации, что открывает возможности для злоупотреблений.

Такие действия позволяют либо создать иллюзию справедливого распределения активов и долгов при реорганизации, либо напрямую разделить компанию на две, где одна получает все активы, а другая – все долги, убытки и прочие обязательства.

Реорганизация в форме выделения в большинстве случаев является лишь первоначальным шагом в плане недобросовестного юридического лица по уходу от исполнения обязательств. Завершающим шагом может являться принятие уполномоченными органами организации-должника, оставшейся без ликвидного имущества с кредиторской задолженностью, решения о ликвидации или банкротстве. В период между реорганизацией и ликвидацией, а иногда и до реорганизации, фактические собственники могут покинуть бизнес, передав свои доли номинальным владельцам.

Кредиторы могут оказаться в ситуации, когда должник, имеющий только долги, не предпринимает никаких действий, вынуждая их самостоятельно инициировать процедуру банкротства.

Как отмечалось ранее, кредиторам уже в процедуре банкротства организации-должника достаточно сложно возвратить ликвидное имущество, переданное выделившейся организации. Разделение компании часто используется для уклонения от долгов, так как после реорганизации компания прекращает существование. Даже если признать реорганизацию недействительной, вернуть компанию и её активы в исходное состояние крайне сложно.

Следует понимать, что отмена государственной регистрации не гарантирует автоматического возврата активов компании, которая инициировала реорганизацию. Следовательно, даже при выигрыше дела в суде, кредитор не обязательно получит удовлетворение своих требований.

Таким образом, несмотря на предпринимаемые государством меры по усовершенствованию законодательства, остается ряд вопросов, связанных с законным уклонением должников-юридических лиц от исполнения исполнительных документов. В свою очередь судебные исполнители, предпринимая все возможные методы для возвращения долга кредиторам, сталкиваются с имеющимися в национальном законодательстве пробелами. Как отмечалось ранее, исполнительное производство так же нуждается в определенных изменениях, в частности, вместо возвращения исполнительного листа, при ликвидации юридического лица целесообразно применять приостановление исполнительного производства. Однако наиболее существенные вопросы законного уклонения должников-юридических лиц от исполнения исполнительных документов выходят за рамки законодательства об исполнительном производстве. На наш взгляд, такие пробелы необходимо в кратчайшее сроки устранить, поскольку они существенно влияют на права и законные интересы граждан, юридических лиц индивидуальных предпринимателей.

Список используемых источников:

1. Аноп, И. А. Уход от долгов через реорганизацию: практические рекомендации кредиторам / И.А. Аноп. – https://ilex.by/subsidiarnaya-otvetstvennost-pri-likvidatsii-i-usloviya-ee-primeneniya/ – Дата публ.: 21.11.2017.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 62-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 18.02.2025).
3. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования: Декрет Президента Респ. Беларусь 16 января 2009 г. № 1 : в ред. от 16 января 2009г. № 151 : с изм. и доп. вступ. в силу 18.04.2019 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.02.2025).
4. Об исполнительном производстве: Закон Респ. Беларусь от 24 окт. 2016 г. № 439-З : в ред. от 08 июля 2024 г. № 26-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 17. 02. 2025).
5. Пимпицкая, Д. В. Субсидиарная ответственность при ликвидации и условия ее применения / Д. В. Пимпицкая. – https://ilex.by/likvidatsiya-kak-sposob-ukloneniya-ot-ispolneniya-obyazatelstv/ – Дата публ.: 21.09.2022.

УДК 346

Демидькова А.И.
обучающаяся 2 курса
Научный *руководитель: Корень Т.А., к.ю.н., доцент*
Факультета экономики и права Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова

О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ИНВЕСТИЦИЙ В СПОРТ И ФИЗИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В данной статье рассматриваются ключевые правовые аспекты инвестирования в спорт и физическую культуру в Республике Беларусь и зарубежных странах. Анализируются существующие правовые механизмы, регулирующие инвестиционную деятельность в спортивной отрасли, а также сравниваются подходы и практики различных юрисдикций.

Ключевые слова. Спорт, инвестиции, физическая культура, правовое регулирование.

Annotation. This article examines the key legal aspects of investing in sports and physical education in the Republic of Belarus and abroad. The existing legal mechanisms regulating investment activities in the sports industry are analyzed, as well as approaches and practices from different jurisdictions are compared.

Keywords. Sports, investments, physical education, legal regulation.

В условиях глобализации и активного развития международных спортивных мероприятий инвестиции в спорт и физическую культуру становятся важным элементом экономики и социальной политики. В Республике Беларусь и зарубежных странах спортивная отрасль привлекает значительные финансовые ресурсы, что способствует развитию инфраструктуры, повышению уровня профессионального спорта и популяризации активного образа жизни среди населения. Однако, несмотря на значительный потенциал для инвестирования, в этой сфере существуют различные правовые препятствия и ограничения, которые требуют тщательного анализа и обсуждения.

В Республике Беларусь финансирование спорта и физической культуры осуществляется посредством государственной программы «Физическая культура и спорт» на 2021-2025 годы. Однако, ни в Законе Республики Беларусь «О физической культуре и спорте», ни в упомянутой государственной программе не содержатся положения, касающиеся инвестирования в данную сферу. Отсутствие правового статуса инвестиций в спорт и физическую культуру является значительным упущением, учитывая потенциальные перспективы, которые могут быть достигнуты за счет привлечения частного капитала. Инвестирование в эту область способствовало бы развитию спортивной инфраструктуры, повышению уровня проводимых мероприятий и, в конечном итоге, популяризации спорта среди населения.

Белорусский Закон «Об инвестициях» № 53-З в ч. 1 ст. 1 определяет инвестиции как любое имущество и иные объекты гражданских прав, которые вкладываются инвестором для получения прибыли и (или) достижения значимого результата, либо для иных целей, не связанных с личным, семейным или домашним использованием [2].

Эта дефиниция привлекает внимание возможностью альтернативных целей для инвестора, таких как достижение значимого результата или другие цели, помимо получения прибыли. Однако возникает вопрос, относятся ли спорт и физическая культура к объектам для инвестирования, так как трудно определить конкретные объекты для вложений.

Толкование Закона «Об инвестициях», содержащего список сфер, на которые его действие не распространяется, помогает решить этот вопрос. Поскольку спорт и физическая культура не значатся в этом списке, они могут быть объектами для инвестирования. Кроме того, достижение значимых спортивных результатов спортсменами, коллективами или

организациями может считаться целью для инвестирования. Подробности правового регулирования таких инвестиций должны быть отражены в спортивном законодательстве.

Тем самым, через это не самое простое толкование можно понять, что спорт и физическая культура включены в объекты для инвестиций. Однако важно, чтобы Закон «Об Инвестициях» содержал перечень сфер, где инвестиции допустимы, желательны и необходимы, а детальное регулирование обеспечивалось профильными законодательными актами.

В. С. Каменков, доктор юридических наук, профессор, подчеркивает, что инвестиции в спорт и физическую культуру являются важным фактором для развития общества и повышения уровня здоровья населения. Каменков отмечает, что инвестиции в спорт могут способствовать развитию инфраструктуры, повышению качества спортивных мероприятий и популяризации физической активности среди населения. Как он отмечал: «Так, белорусский Закон «Об инвестициях» содержит следующую дефиницию: инвестиции — это любое имущество и иные объекты гражданских прав, вкладываемые инвестором в целях получения прибыли и (или) достижения иного значимого результата, либо в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием (ч. 1 ст. 1)…К слову, спорт и физическая культура вообще не упоминаются в самом Законе «Об инвестициях», что нельзя назвать правильным. На наш взгляд, целесообразно в действующем Законе дать примерный перечень сфер, отраслей экономики и иной человеческой деятельности, где инвестиции допустимы, желательны, необходимы. А детальное правовое регулирование порядка инвестирования нужно обеспечить через соответствующие профильные законодательные и иные правовые акты» [1].

К сожалению, на тему инвестиций в спорте, об их правовом регулировании и перспективах среди правоведов практически никто не публикует научных статей, как в Республике Беларусь, так и за рубежом.

Федеральный закон от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» определяет инвестиции как денежные средства, ценные бумаги, имущество, имущественные права и иные права, имеющие денежную оценку, которые вкладываются в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности для получения прибыли и (или) достижения полезного эффекта [5].

В данном законе объекты для инвестирования представлены широко: «объекты предпринимательской и (или) иной деятельности». Хотя закон не уточняет, что подразумевается под «иной деятельностью», из его дефиниции следует, что физическая культура и спорт включены, поскольку они содержат множество объектов и субъектов предпринимательской деятельности.

Объекты инвестирования должны иметь денежную оценку. Кроме того, законом предусмотрена вариативность целей инвестора, где помимо прибыли возможным является достижение положительного социального эффекта. Это ясно вытекает из определения инвестиций в Федеральном законе № 39-ФЗ.

В Федеральном законе от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» термины, связанные с инвестициями, также не наблюдаются.

Но в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» значительно больше правовых норм, посвященных спортивной подготовке, в том числе предусматривающих права и обязанности сторон, обязанности спортсменов по отношению к их так называемым инвесторам, вплоть до заключения соответствующего трудового договора [1].

Успешный опыт частных инвестиций известен и Российской Федерации: ФК «Ростов» (Ростов-на-Дону), ФК «Краснодар», ХК «Авангард» (Омск), ХК «Северсталь» (Череповец), ХК «Ак Барс» (Казань), ХК «Салават Юлаев» (Уфа) и др., которые обладают стабильной финансовой автономностью и сохраняют лидирующие позиции в отечественном спорте. Спонсорами в регионах являются крупные промышленные

негосударственные предприятия, такие как компания «Северсталь» для ХК «Северсталь» и ПАО «Татнефть» для ХК «Ак Барс». Примером успешных инвестиций стал ФК «Краснодар», являющийся третьим по прибыльности футбольным клубом в России по данным отчётов УЕФА на сезон 2019-2020, с доходами от коммерческой деятельности, составляющими 42% от общего дохода клуба. Клуб также вложил 860 миллионов рублей в развитие молодёжного спорта в сезоне 2020-2021, что превысило инвестиции ФК «Зенит». Благодаря интенсивным инвестициям, Краснодар стал новой столицей российского футбола, предлагающей условия для тренировок и проведения соревнований на высоких уровнях в любое время года [4].

То есть, оба закона об инвестициях (белорусский и российский) не ограничивают, а допускают возможность привлечения инвестиций в спорт и физическую культуру, что подчеркивает важность соответствующего законодательства о спорте.

В Республике Беларусь достаточно прописать правовые нормы об инвестициях в спортивном законодательстве (что считается инвестицией в спорте, кто может быть инвестором, в каких формах и т.п.) или указать отсылочные нормы на Закон «Об инвестициях». Для полноты также целесообразно внести корректировки в данный Закон, упомянув спорт и физическую культуру.

На наш взгляд нормы, регулирующие гражданско-правовые договоры о спортивной подготовке, уже не полностью соответствуют современным требованиям, так как в основном они касаются компенсации расходов на подготовку спортсменов (ст. 59-1 Закона «О физической культуре и спорте») [3]. Необходимы правовые нормы, которые создают не только впечатление, но и уверенность, что сами спортсмены и их представители участвуют в инвестировании в спорт, не только финансовыми средствами, но и фактом подготовки спортсмена и его возможного участия в соревнованиях соответствующего уровня.

Вопрос правового статуса инвестиций в спорт и физическую культуру в Республике Беларусь требует детального и комплексного рассмотрения. Несмотря на наличие общих положений в законодательстве, специализированные нормы, касающиеся инвестиций в эту сферу, отсутствуют. Для создания благоприятных условий привлечения частного капитала и повышения уровня развития спорта и физической культуры, необходимо внести корректировки в существующие законы и разработать новые правовые акты, которые бы чётко определяли статус инвесторов, формы и механизмы инвестирования, а также обеспечивали защиту прав и интересов всех участников процесса.

Список использованных источников:

1. Каменков, В.С. Нужны ли инвестиции спорту и физической культуре // Ilex – 2022 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL : https://ilex.by/nuzhny-li-investitsii-sportu-i-fizicheskoj-kulture/. Дата доступа: 27.01.2025
2. Об инвестициях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12.07.2013 г., № 53-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
3. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 04.01.2014 г., № 125-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
4. Привлечение частных инвестиций в спортивную сферу в российских регионах / Губарев Р.В., Замараев К.А // Лизинг. – 2022 – № 4.
5. Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»

УДК 342

Джлавян К.Н., Шмакова Д.Р.
Научный руководитель: Хижняк В.С., д.ю.н., профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева
Межрегиональный юридический институт
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
г. Саратов

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖИВОТНЫХ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Аннотация. В статье исследуется конституционно-правовое регулирование охраны и защиты прав животных в странах Латинской Америки. Рассматриваются ключевые конституционные нормы, закрепляющие права животных и природы, а также специальные законы, направленные на предотвращение жестокого обращения с животными. Особое внимание уделено судебной практике, демонстрирующей прогрессивные подходы к признанию животных субъектами права. Анализируются проблемы правоприменения, конфликты между традициями и современными экологическими стандартами, а также влияние международных организаций на развитие законодательства в регионе. Делается вывод о значительных различиях между странами Латинской Америки в подходах к защите животных, но отмечается общая тенденция к усилению правовых механизмов их охраны.

Ключевые слова: конституционное право стран Латинской Америки, экологическое право, права животных, судебное практика, международные стандарты.

Abstract. The article examines the constitutional and legal regulation of the protection and protection of animal rights in Latin American countries. The article examines key constitutional norms that enshrine the rights of animals and nature, as well as special laws aimed at preventing cruelty to animals. Particular attention is paid to judicial practice demonstrating progressive approaches to the recognition of animals as subjects of law. The problems of law enforcement, conflicts between traditions and modern environmental standards, as well as the influence of international organizations on the development of legislation in the region are analyzed. It is concluded that there are significant differences between Latin American countries in approaches to animal protection, but there is a general trend towards strengthening legal mechanisms for their protection.

Keywords: constitutional law of Latin American countries, environmental law, animal rights, judicial practice, international standards.

Вопросы правового регулирования охраны и защиты прав животных становятся всё более актуальными в современном мире. Это связано с осознанием важности этичного отношения к животным, как части экосистемы планеты, а также признания их значимости в культурном и экономическом контексте. Страны Латинской Америки занимают особое место в этой дискуссии благодаря уникальным природным условиям и разнообразию фауны. Это отражает глобальную тенденцию к признанию животных субъектами права, обладающими intrinsic value (внутренней ценностью), а не просто объектами собственности. В ряде стран региона были приняты важные правовые нормы, направленные на улучшение условий содержания и эксплуатации животных, а также на борьбу с жестокостью по отношению к ним.

Конституционное закрепление прав животных

Некоторые страны региона включили положения о защите животных непосредственно в свои конституции, что придает этим нормам высшую юридическую силу.

Эквадор стал первой страной в мире, признавшей права природы (включая животных) на конституционном уровне. Согласно ст. 71 Конституции 2008 года, природа - Пача Мама (Мать Природа) обладает статусом субъекта Конституционного права и закрепляет нормы, обеспечивающие её существование, сохранение и восстановление. Хотя прямо о животных не говорится, судебная практика (например, дело об обезьяне-ревуне «Эстреллита») расширительно толкует эту норму, распространяя её на животных как часть природы.

Закон «О правах Матери-Земли», принятый парламентом Боливии в конце 2010 года предоставляет биосфере (в особенности — дикой природе) 11 прав, среди которых: право на жизнь и существование; право на осуществление жизненных циклов без человеческого вмешательства; право на чистую воду и воздух; право на защиту от загрязнений; право на поддержание баланса. Один из примечательных пунктов закона — право на сохранение клеточных структур в их первозданном виде, что подразумевает запрет или жёсткие ограничения на генную инженерию. В свою очередь, Конституция Боливии 2009 года также закрепляет права природы, включая животных. В частности, запрещены жестокие методы обращения с животными, а государство обязано разрабатывать политику по их защите.

Бразилия является одной из ведущих стран региона в области охраны природы и прав животных. Хотя в Конституции Бразилии (1988) нет прямого упоминания прав животных, ст. 225 устанавливает, что все имеют право на экологически сбалансированную среду, а государство должно защищать фауну, запрещая жестокое обращение. Это положение стало основой для Федерального закона № 9.605/1998 «Об экологических преступлениях», криминализирующего жестокость к животным и устанавливающего за это уголовную ответственность.

Помимо конституционных норм, многие страны Латинской Америки приняли специальные законы, направленные на защиту животных:

Конституция республики Колумбия (статья 79) устанавливает обязательства государства по сохранению природных ресурсов и охране видов животных. Однако конкретные меры защиты прав животных часто реализуются через дополнительные акты и инициативы общественных организаций. Например, Закон 1774 года (2016) страны признает животных как «существа, способные чувствовать» и вводит уголовную ответственность за жестокое обращение с ними, что характерно и для законодательства Перу (Статья 123 Конституции Перу и Закон № 29.407).

Мексиканская Федерация в своем конституционном регулировании уделяет значительное внимание вопросам экологии и прав животных. Статья 27 Конституции Мексики закрепляет защиту природных ресурсов, включая фауну. Существуют также специальные законы, регулирующие обращение с дикими и домашними животными, например, Федеральный закон «О защите животных» (Ley Federal de Protección Animal).

В Буэнос-Айресе с 2016 года запрещены цирки с животными, а в 2023 году был рассмотрен закон о признании животных «не-вещами» (sujetos de derecho).

Чилийское общество проявляет высокую степень заинтересованности в вопросах защиты прав животных. В 2022 году в государстве был принят Закон № 21.020 о защите животных, который вводит новые санкции, ужесточающие наказания за жестокость, и усиливает контроль над содержанием домашних питомцев.

Латинская Америка демонстрирует интересные прецеденты в судебной правоприменительной практике по защите животных. В Эквадоре в 2022 году суд впервые признал права отдельной особи (обезьяны «Эстреллита») и обязал государство компенсировать её неправомерное изъятие из природы. В Колумбии Конституционный суд в 2020 году постановил, что животные подпадают под действие права на здоровую окружающую среду.

Несмотря на прогрессивные нормы и законодательное закрепление, все же остаются проблемные моменты, которые проявляются, в первую очередь, в слабом правоприменении – во многих странах законы существуют, но контроль за их исполнением недостаточен. Помимо этого в обществе возникает конфликт традиций, поскольку в некоторых регионах сохраняются коррида и ритуальные жертвоприношения, что вызывает споры. А также влияние экономических факторов – животноводство и добыча ресурсов часто вступают в противоречие с экологическими нормами.

Стоит отметить, что страны Латинской Америки находятся под влиянием международных тенденций в области защиты прав животных. Организации, такие как Всемирный фонд дикой природы (WWF) и Greenpeace, активно работают в регионе, способствуя принятию более строгих законов и повышению осведомленности населения. Влияние Европейского Союза и США также играет роль: многие компании, работающие в Латинской Америке, вынуждены соответствовать международным стандартам в отношении гуманного обращения с животными.

Конституционно-правовое регулирование охраны и защиты прав животных в странах Латинской Америки демонстрирует значительные различия между государствами. Некоторые страны, такие как Эквадор и Бразилия, идут впереди, принимая новаторские подходы к защите природы и прав животных. Другие же пока сосредоточены на традиционных методах охраны животного мира.

В Российской Федерации вопрос о защите прав животных и совершенствовании их правового статуса так же является очень актуальным. На сегодняшний день в России действует, принятый 19 декабря 2018 года ФЗ «Об ответственном обращении с животными». Как отмечала заместитель Председателя Государственной Думы Ольга Тимофеева, когда принимался закон, в нем выверялась каждая буква. «Мы запретили убийство животных. И сегодня не отступим от этой главной позиции»- подчеркивала она. По своему содержанию он максимально приближен к международным стандартам в этой сфере. В тоже время, это не исключает возможности внесения в него изменений, соответствующих современным реалиям.

Опыт стран Латинской Америки в защите прав животных демонстрирует прогрессивные подходы, которые могли бы быть адаптированы в России для усиления правовых механизмов. На наш взгляд, можно было бы внести изменения в Экологический кодекс принцип защиты животных как существ, способных испытывать страдания; ужесточение ст. 245 УК РФ, расширив перечень составов преступлений (например, запрет на содержание животных в опасных условиях); внесение в ФЗ «Об охране окружающей среды» нормы о минимальных стандартах содержания животных (пространство, ветеринарный уход); введение федерального запрета на использование диких животных в цирках и дельфинариях, как это сделано для некоторых видов в рамках Постановления Правительства № 795 и обеспечение развития сети приютов за счёт бюджета и налоговых льгот для НКО, как в пилотных проектах Москвы и Санкт-Петербурга. Все эти предложения создадут основу для системного гармоничного регулирования отношений между человеком и природой, где животные рассматриваются не только как ресурс, но и как полноправные участники экосистемы, заслуживающие уважения, защиты и любви.

Список использованных источников:

1. Constitution of Bolivia (Plurinational State of) (2009) // Constitute Project.
2. Constitution of Brazil (1988, rev. 2017) // Constitute Project.
3. Constitution of Colombia (1991, rev. 2013) // Constitute Project.
4. Constitution of Ecuador (2008). Официальный текст на английском языке. URL: [официальный источник]
5. Constitution of Mexico (1917, rev. 2015) // Constitute Project.
6. Constitution of Peru (1993, rev. 2021) // Constitute Project.

7. Закон Боливии № 071 «О правах Матери-Земли» (2010). Официальный текст. URL: [официальный источник]
8. Colombia - Cruelty - LEY 1774 (2016) // Animal Legal & Historical Center.
9. Решение Конституционного суда Колумбии C-045 (2020). Официальный текст. URL: [официальный источник]
10. Animal Legal & Historical Center. Анализ законодательства Латинской Америки.
11. Конституционный суд Эквадора признал за животными человеческие права // Комсомольская правда.
12. Федеральное государственное бюджетное учреждение «Научно-исследовательский финансовый институт». Аналитическая записка «Эколого-экономическое регулирование в странах "Группы двадцати": причины и подходы к его организации». М., 2018. 32 с.
13. Хижняк В.С. Конституционно-правовая политика в области защиты прав животных в странах Латинской Америки // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 73-81. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-2-73-81

УДК 343.215

Емельянов И.А.
Научный руководитель: Сильванович Ю.Н.
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

СМИ КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация: в данной работе рассмотрены правовые аспекты взаимодействия СМИ и современного гражданского общества. Акцентировано внимание на современных источниках средств массовой информации, а также их влиянии на нынешнее общество.

Ключевые слова: СМИ, гражданское общество, правовой институт, медиа-эффект.

Abstract: This article examines the legal aspects of interaction between mass media and modern society. Attention is drawn to modern sources of mass information, as well as their influence on modern society.

Key words: media, civil society, legal institution, media effect.

Гражданское общество – системный и достаточно обширный термин, включающий в себя множество различных институтов, регулирующих отдельные сферы жизни современного общества. Идея о его появлении и развитии существовала на разных этапах развития нашей цивилизации. Бесспорно, на сегодняшний день затруднительно представить российские общественно-правовые реалии в тоталитарном или авторитарном режиме, где государство контролирует большинство аспектов жизнедеятельности каждого из нас. Но на определенных этапах развития подобная ситуация была действительностью [1]. Основная цель появления гражданского общества – это удовлетворение социальных, экономических и даже политических интересов граждан, проживающих на территории определенного государства. Каждый из нас имеет совершенно равные условия для развития, продвижения по карьерной лестнице, получения одного или нескольких высших образований совершенно в разных сферах. Любой может избирать и быть избранным. Государственная политика приобрела оттенок полной социальности с целью развития современного и прогрессивного общества. Это проявляется во многих аспектах. Например,

в бесплатном образовании, свободном доступе к информации, а также в экономической и политической свободе [2].

Научное и практическое обоснование существования гражданского общества сложилось не только на основных свободах граждан, но и на том, что управление государством осуществляется тремя независимыми и не заменяемыми друг другом ветвями власти, деятельность которых характеризуется исключительной целенаправленностью в определенных сферах. Стоит упомянуть о характерной особенности, что все три ветви власти являются, несмотря на их самостоятельность, дополнением друг друга, то есть находятся в непосредственной и постоянной взаимосвязи [3]. Такая теоретическая и практическая модель сложилась у истоков зарождения гражданского общества в Российской Федерации. Современная же модель гражданского общества приобрела право на новую теоретическую модель, особенность которой выражается в том, что средства массовой информации (СМИ) с некоторой вероятностью можно отнести к четвертой ветви власти. Конечно же, это не является научно обоснованным фактом, но дискуссии среди правоведов наталкивают на осознание небезосновательности приведенной позиции. Данный фактор обусловлен чрезмерным их влиянием на сознание общества.

Как упоминалось ранее, современное общество характеризуется скоротечностью развития, а также невероятной прогрессивностью в различных сферах деятельности. Один из факторов, который привел к таким показателям – конечно же, доступность любого типа информации. Каждый из нас может получить необходимые сведения из сети «Интернет» или по телевидению. Мы имеем возможность провести аналитическую работу в части установления достоверности информации, опираясь на многочисленные источники. Не стоит забывать и о телевидении, которое, с появлением глобальной сети, постепенно утрачивает свою популярность [4]. Федеральные каналы, которые транслируют новостные ленты последних произошедших событий за 24 часа, могут поведать о том, что происходило не только в нашем государстве, но и в зарубежных странах. Доступность информации привела к появлению нового явления в обществе, которое получило свое название – Средства Массовой Информации (СМИ).

Опираясь на Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 года, можно с точностью понять, что представляет данный институт гражданского общества. Средства Массовой Информации – «совокупность периодических печатных изданий, радио-, теле-, видеопрограмм, кинохроникальных программ, иных форм периодического распространения массовой информации» [2]. Немного ранее был принят Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» (1990 год), который проложил новый этап в истории отечественной журналистики [2]. Исходя из данной информации, стоит обратить внимание на то, что анализируемый институт подвергся комплексному государственному регулированию.

За последние 10 лет данный институт развивался достаточно стремительно, поскольку именно за указанный промежуток времени сформировалось огромное количество информационных источников, которые находятся в свободном доступе. Именно в указанный период «Telegram-каналы» получили свое заслуженное место в Средствах Массовой Информации. На сегодняшний день они представляют максимально простую и доступную конструкцию, которая позволяет любому человеку получить последнюю информацию. Именно этот фактор послужил отравной точкой нового этапа развития института СМИ.

К сожалению, на сегодняшний день в национальном законодательстве представляется возможным констатировать отсутствие действенного механизма правового регулирования, которое обеспечивало бы эффективный контроль за публикуемой информацией в вышеуказанном источнике. Однако, обратим внимание на уже предпринимаемые со стороны законодателя попытки урегулирования данного вопроса. В частности, 09.12.2024 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ был подготовлен законопроект, предполагающий установление с

01.09.2026 года запрета на использование «мессенджеров», принадлежащих иностранным юридическим лицам в рабочих целях в ряде сфер деятельности. Такие ограничения будут распространяться на сотрудников кредитных организаций, государственных служащих в области экономической деятельности в том числе на служащих Банка России. Проведя анализ законопроекта, можно выделить следующие законодательные трансформации. Во-первых, будут внесены изменения в ФЗ №17 «О банках и банковской деятельности» и в ФЗ №86 «О Центральном банке Российской Федерации». Во-вторых, будут затронуты ФЗ №126 «О связи» и в ФЗ №79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Таким образом, проект Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ способен оказать комплексное влияние на законодательную базу, опираясь на современные тенденции. Вторым значимым последствием анализируемой трансформации является ограничение возможностей организаций из указанных отраслей по использованию мессенджеров, принадлежащих сугубо российским юридическим лицам или гражданам Российской Федерации. В качестве примера можно привести приложение «Вконтакте», в котором в ближайшее время появится сегмент для пользователей, позволяющий общаться исключительно в «бизнес-целях». Стоит обратить внимание на то, что данные ограничения будут распространяться исключительно на информацию, которая имеет «служебный характер», то есть на текстовые сообщения, изображения и иные виды информации, которая может содержать какие-либо конфиденциальные сведения, коммерческую тайну.

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций также предпринимались попытки ограничения доступа к «Telegram-каналам» в 2022-2023 годах. К сожалению, конкретных результатов данная инициатива не принесла. Вся сложность регуляции такого средства информации заключается в особенностях его создания, а именно в том, что Российской Федерации не был предоставлен доступ к его контролю на моменте выхода на «рынок пользователей». Именно поэтому государственная инициатива не в силах ограничивать доступ к данному «мессенджеру» комплексно. Но в то же время, появляется возможность локальных запретов в конкретных сферах для определенных субъектов.

Подводя итог всему вышеизложенному, стоит отметить, что современный этап развития гражданского общества является наиболее прогрессивным за последние несколько десятков лет. Но каждый прогресс сопровождается параллельным регрессом. В данном случае, он проецируется на общественном сознании, что закономерно позволяет недобросовестным СМИ любыми способами манипулировать сознанием людей, занимаясь пропагандой того, что отличается от объективной действительности. С учетом вышеприведенных законодательных реформ видится возросшая необходимость со стороны государства по реализации своевременных мер реагирования в области правово-информационного воспитания.

Список использованных источников:

1) Антонов, М. В. Теория государства и права / М.В. Антонов // М: Юрайт, – 2024. – 498 с. – URL: https://urait.ru/book/teoriya-gosudarstva-i-prava-563442-3 (дата обращения 14.03.2025). – Текст: электронный.
2) Берг, Л. Н. Теория права: правовое воздействие и правовое регулирование / Л.Н. Берг, Е.А. Березина // М: Юрайт, 2023. – 394 с. – URL: https://urait.ru/book/teoriya-prava-pravovoe-vozdeystvie-i-pravovoe-regulirovanie-568137 (дата обращения 14.03.2025). – Текст: электронный.
3) Теория государства и права. Особенная часть / под ред. А. П. Альбова. М: Юрайт, 2023. – 343 с. – URL: https://urait.ru/book/teoriya-gosudarstva-i-prava-osobennaya-chast-561600-1 (дата обращения 14.03.2025). – Текст: электронный.

4) Фетюков, Ф. В. Теория государства и права: функции государства / Ф.В. Фетюков // М: Юрайт, 2023. – 142 с. https://urait.ru/book/teoriya-gosudarstva-i-prava-funkcii-gosudarstva-564906 – URL: (дата обращения 14.03.2025). – Текст: электронный.

УДК 342.24

Зотова А.А.
обучающаяся
Научный руководитель: Заметина Т.В., д.ю.н., профессор,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. При рассмотрении направлений развития федерализма в современной Российской действительности необходимо понимать, что сам процесс становления федеративных отношений в России обусловлен историческими, территориальными и национальными особенностями, такими как: распад Советского Союза, а также процессами становления национального суверенитета республик, которые являлись основой СССР. При рассмотрении этого вопроса необходимо учитывать также события, происходившее в 1990 – 2000 годов, которые оказали влияние на определение основных направлений развития федерализма в России.

Ключевые слова: федерализм, особенности развития федерализма, федеративные отношения, субъекты федерации, направления в федеративных отношениях.

Abstract. When considering the directions of development of federalism in modern Russian reality, it is necessary to understand that the process of formation of federal relations in Russia is conditioned by historical, territorial and national features, such as: the collapse of the Soviet Union, as well as the processes of formation of national sovereignty of the republics, which were the basis of the USSR. When considering this issue, it is also necessary to take into account the events that took place in 1990-2000, which influenced the definition of the main directions of development of federalism in Russia.

Keywords: federalism, features of the development of federalism, federal relations, subjects of the federation, directions in federal relations

Становление демократии и законности в государстве в 1990 – 1993 годов и принятие Конституции РФ 1993 г. обусловили необходимость определения основных направлений развития федеративных отношений, которые стали бы основой федерализма «нового» государства. Перед Российской Федерацией стояла цель соблюдении прав, интересов наций и народов, проживающих на территории государства, предотвращения распространения межэтнических конфликтов, учет всех культурных, исторических и национальных особенностей различных народов и меньшинств.

Ланцман Е.Л. в свое научном исследовании, рассматривает федерализм как фактор сохранения государственной целостности, и базис, который заложен в основе удовлетворения социальных, экономических, национальных и духовных интересов граждан государства [8, с.16]. Он определяет современную модель российского федерализма на основе модели того этно - территориального и административно – территориального деления, которая была сформирована еще в советский период развития государства, считает, что на сегодняшний день существующие территориальные единицы федерации необходимо пересмотреть, поскольку это деление порождает споры и постоянные противоречия о равноправии субъектов. По – мнению Ланцмана Е.Л.

необходимо разделить территорию РФ без выделения «особых субъектов», имеющих больший объем прав, чем другие регионы. При определении территориальных единиц государства следует учитывать разноуровневые территориальные особенности субъектов, укрепляя и поддерживая их историческую самобытность, согласовывая интересы субъектов и центрального аппарата власти при детальной выработке региональной и местной политики.

О неэффективности действующей системы субъектов РФ и необходимости дальнейшей ее трансформации в рамках модернизации федеративных отношений государства пишет также Добрынин Н. М. В целях создания новой территориальной структуры России Добрынин Н.М. предлагает ликвидацию «старых и слабых» субъектов и образование «новых» - губерний и республик, которые в его модели представлены 46 субъектами, с последующим «укрупнением» и расширением этих новых регионов за счет тех административно – территориальных единиц, которые изначально не войдут в это число[5, с.260 - 263]. Самое интересное, что Добрынин Н.М. характеризует новые субъекты как государственные образования, имеющие стабильный собственный бюджет и являющиеся самостоятельными единицами, равноправны и равнозначны между собой.

Заметина Т.В. [6] и Ильина О.В. [7, с.9] в качестве одной из особенностей развития современных федеративных отношений указывают сохранение горизонтальной асимметрии между субъектами, отмечают важность воссоединения территорий Крыма и Севастополя с Россией. По мнению ученых, одной из значимых тенденций в этой связи становится не только восстановление исторической справедливости, но и возвращение России субъектов, которые составляли историческую целостность страны, существовавшую до распада Советского Союза. Возвращение Крыма и развитие этой республики в составе Российской Федерации на сегодняшний день является одной из приоритетных задач развития федеративных отношений. Это подтверждается государственными целевыми программами, связанными с выделением различных преференций для развития «новых» регионов, например, разработкой программы «Социально – экономического развития республики Крым и г. Севастополя до 2025 года» [4]. Целью этой федеральной программы является не только экономическая интеграция ранее существовавшей экономики этих субъектов в действующую экономическую систему России, но и обеспечение межнационального согласия и создание необходимого инвестиционного климата для этих территорий в составе РФ.

Нельзя также не выделить как одно из направлений развития федеративных отношений в России на сегодняшний день – развитие «новых территорий», вошедших в состав РФ в 2022 году – Донецкая народная республика, Луганская народная республика, Запорожская и Херсонская области [3]. Образование этих регионов в составе государства стало новым этапом развития федеративных отношений, политика федерального центра направлена на полную интеграцию этих территорий в действующую Российскую политическую, национальную и социальную сферы.

Отдельные направления развития федерализма отражены в Указе Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Основными задачами развития федерализма выступают: обеспечение прав и свобод граждан; укрепление гражданского единства; учет этнокультурных факторов в обеспечении развития субъектов и иные. Все обозначенные в указе Президента РФ направления ориентированы на обеспечение единства субъектов государства и федеральной власти, укрепление многонационального состава страны и поддержание стабильности и целостности государства [2]. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 № «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» также обозначает цели развития Российской федерации до 2036 среди которых: сохранение населения, непосредственно связанное с увеличением рождаемости, воспитание патриотичной и социальной ответственной личности, продвижение и защита российских духовно-нравственных ценностей, цифровая

трансформация, направленная на внедрение в регионах в систему функционирования государственных и муниципальных органов цифровых технологий и искусственного интеллекта [1].

В заключение необходимо отметить, что большое влияние на развитие современных федеративных отношений оказали исторические события начала 90-х годов, которые в последующем определили направления развертывания современных федеративных отношений, появление новых субъектов Федерации и совершенствование модели разграничения полномочий между федеральным Центром и регионами. Дальнейшее развитие современного российского федерализма может осуществляться только эволюционным путем, при сохранении государственной целостности и единства многонационального народа РФ.

Список использованных источников:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» – Текст электронный// СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (Дата обращения: 18.01.2025 г.).
2. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 15.01.2024)// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52, ст. 7477.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.12.2023 г. № 2255 Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области" – Текст электронный// URL: http://government.ru/docs/all/151710/ (Дата обращения: 25.01.2025 г.).
4. Постановление Правительства РФ от 11 августа 2014 г. № 790 "Об утверждении федеральной целевой программы "Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года" (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/70714732/ (Дата обращения: 25.01.2025 г.).
5. Добрынин Н.М. Новый федерализм: Модель будущего государственного устройства Российской федерации. – Новосибирск: Наука,2003.- 468 с.
6. Заметина Т.В. Российский федерализм на современном этапе: развитие или имитация? – Электронный ресурс // Вестник Саратовской государственной юридической академии.№ 6 (125) – 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-federalizm-na-sovremennom-etape-razvitie-ili-imitatsiya (Дата обращения: 23.02.2025г.).
7. Ильина О. В. Исторические аспекты, проблемы и перспективы развития федерализма в современной России // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10, № 1. С. 3 – 12.
8. Ланцман, Е.Л. Становление и тенденции развития современного российского федерализма: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Ланцман Е.Л.; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. - Москва, 2006. – 164 с.

УДК 4414

Киселева А.Д.
Обучающаяся
Научный руководитель: Танимов О.В., д.ю.н., доцент кафедры теории государства и права
Университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА), г. Москва

ПРИНЦИПЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ЭПОХУ АЛГОРИТМОВ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: В статье рассматривается влияние алгоритмизации на принципы публичного права в контексте цифровизации государственного управления. Алгоритмизация, представляющая собой формализацию правовых норм, бросает вызов традиционным принципам права, таким как принцип открытости, законности и справедливости. В статье также отмечены возможные пути решения обозначенных проблем.
Ключевые слова: принципы публичного права, алгоритмизация, принцип открытости, принцип законности, принцип справедливости.

Abstract: The article examines the impact of algorithmization on the principles of public law in the context of digitalization of public administration. Algorithmization, which is a formalization of legal norms, challenges traditional principles of law, such as the principle of openness, legality and justness. The article also highlights possible solutions to these problems.
Key words: principles of public law, algorithmization, principle of openness, principle of legality, principle of justness.

В современном мире правовая система стремительно меняется, подвергаясь влиянию цифровых технологий и алгоритмов. В паспорте федерального проекта «Цифровое государственное управление» среди задач указано внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе машиночитаемое описание процесса оказания услуг. Из этого следует, что цифровизация бросает вызов традиционным формам, заставляя законотворцев трансформировать законодательство, адаптируя его к новым реалиям. Зачастую изменения углубляются настолько, что даже ставят под сомнение основополагающие начала, принципы права. В частности, трансформация касается публичного права, регулирующего правоотношения между государством и индивидом. Данная статья посвящена вызовам, которые встают перед принципами публичного права под воздействием алгоритмизации.

Перед тем, как исследовать путь трансформации основополагающих идей в сфере государственного управления под воздействием алгоритмизации, следует изучить, что представляет собой само явление. Так, алгоритмизация — это процесс, основанный на изложении определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе и языке программирования). Результатом этого процесса является, так называемое, машиночитаемое право. [5, с. 94]

С первого взгляда может показаться, что синтез правовых норм и алгоритмов просто невозможен, однако это большое заблуждение. Норма права представляет собой правило поведения абстрактного характера. При определении круга адресуемых лиц в гипотезе нормы правило поведения превращается в эталон правомерного поведения в конкретных условиях. Таким образом, происходит формализация того или иного процесса, предполагающая конкретную последовательность действий для адресата, иными словами, алгоритмизация. Очевидно, что процесс больше характерен для процессуальных норм, но

может быть применен и относительно материальных, если они берутся в совокупности определенного нормативного правового акта.

Необходимо вспомнить о механизме реализации права, и мы легко убедимся в том, что данные понятия имеют много общего. Принято различать четыре формы реализации права: соблюдение, использование, исполнение и применение. Рассмотрим последнюю. Под применением права понимается деятельность компетентных органов по рассмотрению и решению юридических дел путем вынесения индивидуально определенных предписаний, влекущих возникновение, изменение или прекращение правоотношений. [4, с. 118] Эта особая форма реализации права не является однозначным и простым действием. Она представляет собой сложный многоступенчатый процесс, состоящий из нескольких стадий. Алгоритмизация как метод вполне применима к анализу реализации права, к примеру, расследованию преступлений.

Именно в этом и проявляются сходства алгоритмов и права. Можно выделить и другие аспекты, такие как: формальный характер; упорядоченность; обязательность выполнения предписаний, составляющих содержание; результативность; стадийность.

Теперь рассмотрим особенности трансформации, которые претерпевают принципы публичного права. Статья 3 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» среди основных принципов построения и функционирования системы государственной службы выделяет открытость государственной службы и ее доступность общественному контролю, объективное информирование общества о деятельности государственных служащих. Алгоритмы же обладают свойством непрозрачности, то есть содержание механизма остается закрытым от вмешательства и внесения изменений посторонними ввиду технической сложности и в некоторых случаях коммерческой тайны, что противоречит вышеуказанному принципу. Особенно остро встает вопрос о противоречии применительно к использованию алгоритмизации в правотворческой деятельности, важным условием которой является информированность граждан о принимаемых нормативных правовых актах. Использование программного кода в этой сфере предполагает необходимость разработки мер, позволивших бы алгоритмизации в полной мере соответствовать всем принципам правотворчества.

Открытость в свою очередь тесно связана с принципом законности, еще одной основополагающей идеей построения и функционирования системы государственной службы. В.Н. Витрук определяет ее как «идею, требование и систему (режим) реального выражения права в законах государства в самом законотворчестве, в подзаконном нормотворчестве». [1, с. 515] Как уже было сказано выше, содержание алгоритмов является закрытым, а значит мы не можем оценить, насколько оно соответствует требованиям действующего законодательства. Сделать алгоритмы открытыми представляется почти невозможной задачей, это объясняется самой природой механизма. Однако это необходимо, чтобы обеспечить эффективное функционирование принципа в демократическом обществе. Среди способов достижения указанной цели можно выделить создание единого, стандартизированного языка программирования для алгоритмизации права, который бы обладал большей открытостью и подконтрольностью. На его основе возможно было бы создать так называемые «объяснимые» алгоритмы, решения которых можно было бы понять и интерпретировать человеку.

Само право, как социокультурное явление, появилось как результат поисков людьми справедливости. Данный принцип можно определить как один из общих, на котором должны основываться все виды правовой деятельности. Справедливость как основополагающая идея позволяет установить баланс между требованиями позитивного и естественного права, между потребностями общества и государства. Алгоритмизация права имеет двойственное влияние на принцип справедливости. С одной стороны, она открывает новые возможности для более эффективного применения права, а с другой – создает риски нарушения фундаментальных прав. В системе работы современных

алгоритмов часто присутствует предвзятость. Под предвзятостью понимаются систематические ошибки в результатах работы алгоритмов, которые не в достаточной мере соответствуют общепринятым представлениям о справедливости. Это связано с массивом данных, которые были собраны и использовались для обучения машины. Когда системы искусственного интеллекта анализируют предоставленные данные, они непреднамеренно могут усвоить содержащиеся предубеждения и использовать их как правильные, направляющие, именно отсюда и возникает так называемая алгоритмическая предвзятость. Часто среди причин выделяют несовершенство навыков алгоритмов обрабатывать естественный язык. Модели могут выдавать необъективный или дискриминирующий результат из-за некорректно подготовленных для алгоритмизации данных. Для смягчения предвзятости, иными словами, для установления алгоритмической справедливости, необходимо совершенствовать механизмы алгоритмизации, включать в них технологии многоступенчатой обработки поступающей информации, в том числе и коррекции естественного языка. Кроме того, постоянный аудит и мониторинг систем позволит разработчикам отслеживать прогресс внедрения систем, направленных на минимизацию дискриминационных результатов.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, стоит подчеркнуть, что алгоритмизация является мощным инструментом для повышения эффективности государственного управления и правотворчества. Однако стремление к формализации правовых процессов ставит под угрозу существование фундаментальных ценностей – открытости, законности и справедливости. Защита прав граждан в цифровом пространстве – не просто требование времени, а непосредственная обязанность государства, именно поэтому необходимо соблюдать баланс между инновациями и фундаментальными принципами права, подстраивая алгоритмы под требования правовой системы. Открытость, справедливость и законность должны оставаться краеугольными камнями, на которых строится взаимодействие государства и гражданина в современном мире.

Список использованных источников:

1. Витрук Н.В. Законность: понятие, защита и обеспечение. Конституционная законность и конституционное правосудие // Общая теория государства и права. – 2015. - №2. – С. 513-539.
2. Дамм И. А., Акунченко Е. А., Щедрин Н. В. "Открытость публичной власти: вопросы понятийно-категориального аппарата" // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. - №2. – С. 226-242.
3. Зенин С. С., Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Япрынцев И. М. // Правотворчество в условиях алгоритмизации права. Lex Russica. – 2020. - №7 (164). – С. 97-104.
4. Корнев А.В., Петрова Т.В., Танимов О.В., Глазунов О.Н. Основы государства и права: учебник // Проспект. – 2022. – 359 с.
5. Порываева Н. Ф. "Алгоритмы и право" // Теория и практика общественного развития. – 2021. - №5 (159). – С. 90-95.
6. Порываева Н. Ф. "Алгоритмизация права и принципы права" // Общество: политика, экономика, право. – 2021. - №4 (93) – С. 67-69.

УДК 343.54

Козырева А. В.
обучающаяся
Научный руководитель: Скалпешкина К.В., преподаватель-стажер Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, Республика Беларусь, Могилев

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НОВЫЕ ФОРМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Аннотация. В условиях активного распространения информационно-коммуникационных технологий, особенно среди несовершеннолетних, наблюдается рост числа случаев сексуального насилия в цифровом пространстве. В данной работе анализируются новые формы киберпреступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией детей, подчеркивается их трансграничный характер и анонимность, затрудняющие расследование. Отмечается отсутствие отдельной статьи, криминализирующей кибersталкинг, но подчеркивается возможность квалификации деяний, подпадающих под это понятие, в рамках смежных преступлений.

Ключевые слова. Сексуальное насилие, цифровое пространство, киберпреступления, несовершеннолетние, противодействие преступности.

Abstract. In the context of the active spread of information and communication technologies, especially among minors, there is an increase in the number of cases of sexual violence in the digital space. This paper analyzes new forms of cybercrimes related to the sexual exploitation of children, highlights their cross-border nature and anonymity, making it difficult to investigate. It is noted that there is no separate article criminalizing cyberstalking, but the possibility of qualifying acts falling under this concept within the framework of related crimes is emphasized.

Keywords. Sexual violence, digital space, cybercrime, minors, crime prevention.

Актуальность исследования сексуального насилия в цифровом пространстве обусловлена интенсивным ростом использования информационно-коммуникационных технологий, особенно среди несовершеннолетних, что создает новые возможности для злоумышленников. Распространение интернет-зависимости и снижение уровня контроля за онлайн-активностью детей и подростков повышает их уязвимость к различным формам сексуальной эксплуатации. Правоохранительные органы сталкиваются с трудностями при выявлении, расследовании и пресечении киберпреступлений сексуального характера из-за их трансграничного характера и анонимности. Таким образом, разработка эффективных стратегий противодействия сексуальному насилию в цифровом пространстве является неотложной задачей, требующей комплексного подхода и межведомственного взаимодействия.

Т. В. Шипунова, под сексуальным насилием понимает использование ребёнка взрослым человеком, или более старшим ребёнком (подростком, молодым человеком) в качестве объекта для удовлетворения собственных сексуальных потребностей с применением насилия, или без него, с опорой на доверие и свои властные возможности [1].

В современном обществе общение в онлайн-среде приобрело существенное значение для социализации подростков. Виртуальное пространство предоставляет им платформу для взаимодействия, аналогичную реальной, включая общение со сверстниками, обмен информацией и доверительное общение. Однако расширение социальных контактов в сети, в том числе установление связей с незнакомыми людьми, сопряжено с повышением

уязвимости подростков к различным рискам. Согласно проведенным в некоторых странах опросам подростки в интернете чаще всего общаются: родственники (44%), виртуальные контакты (22%) и незнакомые люди (33%) [2].

В рамках анализа проблемы сексуальной эксплуатации и насилия в отношении несовершеннолетних был выделен ряд следующих форм: онлайн-домогательства, вовлечение детей в потребление контента, деструктивно влияющего на их развитие и пропагандирующего асоциальные явления, такие как алкоголизм, наркомания и проституция; инициирование сексуальных контактов с несовершеннолетними; кибербуллинг, основанный на распространении подлинных или сфабрикованных изображений сексуального характера с участием несовершеннолетних; а также торговля несовершеннолетними с целью сексуальной эксплуатации. Средствами совершения такого рода преступлений является: распространение контента, визуализирующего сексуальное насилие в отношении детей: такой контент зачастую включает в себя различные формы сексуальных девиаций, совершаемых в отношении детей, и предоставляется в формате трансляций (в реальном времени) и видеозаписей, что создает у потребителей иллюзию причастности к демонстрируемым действиям; производство и распространение материалов, содержащих детскую порнографию: данная деятельность заключается в создании и распространении изображений и видеоматериалов, эксплуатирующих сексуальность несовершеннолетних; коммерциализация контента с детской порнографией: реализация материалов порнографического содержания, изображающих несовершеннолетних, предполагает получение финансовой выгоды от распространения указанных изображений; организация и эксплуатация веб-студий для трансляции детской порнографии: данная форма включает создание и функционирование онлайн-платформ, обеспечивающих доступ к материалам порнографического характера с участием несовершеннолетних, в том числе организацию и трансляцию сексуального насилия в отношении несовершеннолетних в режиме реального времени по предварительному заказу; продвижение и координация «детского туризма»: данная деятельность заключается в рекламировании и организации поездок с целью сексуальной эксплуатации несовершеннолетних [3].

К формам сексуальной эксплуатации и насилия детей в интернет-пространстве относят: интернет-знакомства(приставания); втягивание детей в просмотр материалов пагубного для его развития характера, где демонстрируется и культивируется алкоголизм, наркотизм, проституция; вовлечение несовершеннолетних в сексуальный контакт; киберзапугивание, киберпреследование и кибертравля, торговля несовершеннолетними, доведение до самоубийства посредством кибербуллинга с требованием осуществить трансляцию видеозаписи своей смерти [3].

Кибersталкинг, являясь одной из форм кибербуллинга, представляет собой насильственное преследование в цифровой среде, осуществляемое как знакомыми, так и незнакомыми людьми. Сбор информации о потенциальной жертве осуществляется с помощью различных методов, включая анализ общедоступных данных (профили в социальных сетях, геолокационные данные, фотоматериалы) и применение вредоносного программного обеспечения (вирусы, шпионские программы), а также несанкционированный доступ к веб-камере и использование специальных устройств слежения. Проявления кибersталкинга включают целенаправленные хакерские атаки, создание фальшивых учётных записей в социальных сетях и на сайтах знакомств, мониторинг и постоянное комментирование действий жертвы в онлайн-среде. Независимо от гендерной принадлежности, жертвами кибersталкинга могут стать как женщины, так и мужчины [4].

Профилактика бесконтактных сексуальных преступлений, совершаемых в сети Интернет, представляет особую значимость в силу ряда факторов. Во-первых, выявление таких преступлений затруднено использованием стандартных криминологических и криминалистических методов. Во-вторых, подобные преступления могут повлечь за собой

реальные последствия, выходящие за рамки виртуальной среды, включая психологические травмы и, в перспективе, похищение с последующей незаконной эксплуатацией, вплоть до рабства [5].

Несмотря на адаптацию существующих нормативных положений к реалиям цифровой среды, сохраняются определенные сложности и правовые пробелы. В контексте борьбы с рассматриваемым видом преступности ключевое значение приобретают статьи Уголовного кодекса Республики Беларусь, регламентирующие ответственность за деяния, которые могут быть квалифицированы как сексуальное насилие, совершенное с использованием информационно-коммуникационных технологий, такие как: статья 208 (Вымогательство) - если сексуальное насилие в цифровом пространстве сочетается с вымогательством, то есть угрозами распространения интимных материалов в обмен на деньги или другие блага, то применяются положения данной статьи; статья 203^1 (Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных); статья 343 (Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера); статья 343^1 (Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего)

Несмотря на отсутствие в Уголовном кодексе Республики Беларусь отдельной статьи, непосредственно криминализирующей кибersталкинг, деяния, подпадающие под это понятие, могут быть квалифицированы в рамках существующих статей, регулирующих ответственность за смежные преступления, в зависимости от характера действий и наступивших последствий (например, угроза, клевета и другие). Как в реальном мире, в киберпространстве должна быть создана система защиты детей. Эффективным механизмом пресечения насилия в киберпространстве должно стать формирование информационной культуры у подростков, обучение их правилам безопасности в киберпространстве.

Список использованных источников:

1. Шипунова Татьяна Владимировна Трудности изучения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних и ситуационный подход к обеспечению безопасности // Society and Security Insights. 2022. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-izucheniya-seksualnogo-nasiliya-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-i-situatsionnyy-podhod-k-obespecheniyu-bezopasnosti (дата обращения: 01.02.2025).
2. Бешенковичская детская школа искусств. Профилактика насилия в киберпространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://beshroo.gov.by/охрана-детства/профилактика-насилия-в киберпространстве (дата обращения: 01.02.2025).
3. Шуняева Вера Анатольевна Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети интернет // Актуальные проблемы государства и права. 2022. №24. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-polovoy-neprikosnovennosti-nesovershennoletnih-v-seti-internet (дата обращения: 01.02.2025).
4. Видергольд А. И., Бирюкова Д. В. Уголовно-правовая охрана личности от кибersталкинга // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. №4 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-ohrana-lichnosti-ot-kiberstalkinga (дата обращения: 01.02.2025).
5. Денисов Е. В. Проблемы криминологической профилактики и противодействия сексуальным киберпреступлениям // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. №3 (34). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kriminologicheskoy-profilaktiki-i-protivodeystviya-seksualnym-kiberprestupleniyam (дата обращения: 01.02.2025).
6. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24

июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 342.33

Конради Г.И.
обучающийся
Научный руководитель: Кузьменкова Т.Н.
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова
Республика Беларусь, г. Могилёв

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН МИРА

Аннотация. В статье анализируется принцип разделения властей сквозь призму специфики политико-правового устройства отдельных государств. Дается оценка белорусской модели реализации принципа разделения властей с учетом обновленного статуса Всебелорусского народного собрания. Подчеркиваются факторы, влияющие на эффективность государственного управления.

Ключевые слова: принцип разделения властей; законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть; система сдержек и противовесов; национальные интересы.

Abstract: The article analyzes the principle of separation of powers through the lens of the specific political and legal frameworks of individual states. It provides an assessment of the Belarusian model for implementing the separation of powers principle in light of the updated status of the All-Belarusian National Assembly. It also emphasizes the factors that influence the effectiveness of state governance.

Keywords: The principle of separation of powers; legislative power, executive power, judicial power; a system of checks and balances; national interests.

Разделение властей — это политико-правовой принцип, согласно которому государственная власть делится на три независимые ветви: законодательную, исполнительную и судебную, что позволяет предотвратить концентрацию власти в одних руках, обеспечить систему сдержек и противовесов, способствующую демократии и реализации прав граждан.

В разных странах этот принцип закрепляется и реализуется по-разному или отсутствует вовсе. К тому же стоит учесть, что формальное закрепление принципа разделения властей не всегда означает его реализацию на практике.

Рассмотрим несколько примеров стран, в конституции которых закреплён принцип разделения властей.

Соединённые штаты Америки. Конституция США чётко закрепляет разделение властей, полномочия, порядок формирования и избрания соответствующих органов и должностных лиц. В соответствии с статьями 1, 2 и 3 Конституции США законодательная ветвь закрепляется за Конгрессом Соединённых Штатов, который состоит из двух палат – Сената и Палаты представителей; исполнительная власть принадлежит Президенту США; «Судебная власть в Соединенных Штатах принадлежит одному Верховному суду и таким нижестоящим судам, которые Конгресс может время от времени назначать и учреждать» - раздел 1, статья 3 Конституции США [1].

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Многие исследователи спорят о том, существует ли принцип разделения властей в Великобритании, поскольку он не закреплен в каком-либо едином документе, подобно конституциям других

стран. Вместо этого содержание данного принципа выводится из ряда законов, традиций и принципов, которые развивались на протяжении веков. Например, Magna Carta 1215 года, Акт о парламенте 1689 года, Акт о парламенте 1911 года, Акт о парламенте 1949 года, Акт о Судебной власти 2005 года, а также множество судебных прецедентов – всё это и многое другое закрепляет принцип разделения властей в Великобритании. Основываясь на этих документах, можно выделить следующие органы ветвей власти: Парламент – законодательная власть, состоящая из двух палат: Палаты общин и Палаты лордов; исполнительная власть – представленная правительством, во главе которого стоит Премьер-министр; Судебная власть – независимые суды, которые интерпретируют законы и осуществляют правосудие. Вместе с тем в отношении исполнительной власти Великобритании есть некоторые особенности. Члены Кабинета министров должны заседать в одной из двух палат парламента, при этом закон устанавливает обязательную квоту министров - членов Палаты общин, предопределяя таким образом участие членов Палаты общин в правительстве и совмещая должности министров и депутатов. Что касается Премьер-министра, им назначается лидер партии, победившей на выборах в Палату общин. Таким образом, разделение властей в Великобритании представляет собой не систему сдержек и противовесов, а скорее дополнение одной ветви власти другой [2].

Принцип разделения властей в Российской Федерации достаточно четко отражен в Конституции (статья 10, статья 11): «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны», «Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации» [3].

Существуют также государства, в которых принцип разделения властей не является столь значимым в построении политико-правовой системы. Например, Конституция Китайской Народной Республика 1982 года не отражает чёткого разделения властей. Статья 57 Конституции закрепляет следующую норму: «Всекитайское собрание народных представителей Китайской Народной Республики является высшим органом государственной власти. Его постоянным органом является Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей.». Всекитайское собрание осуществляет законодательную власть, при нём созданы органы, подчинённые Собранию, которые реализуют исполнительную и судебную власть - Государственный совет и Народные суды КНР соответственно. Таким образом все ветви реализуются в лице одного высшего органа, они не обладают самостоятельностью и не реализуют систему сдержек и противовесов.[4]

В соответствии с статьей 11 Конституции Корейской Народно-Демократической Республики (далее КНДР) 1972 года государство осуществляет свою деятельность под руководством Трудовой партии Кореи, что признаёт её высшей властью в республике. «Высшим органом государственной власти КНДР является Верховное Народное Собрание (статья 87)», в статье 88 за ним закрепляется законодательная власть. Исполнительная власть закрепляется за Административным советом (статья 124), в формулировке статьи утверждается, что он «является органом высшего органа государственной власти», это говорит об отсутствии самостоятельности и наличии подчинённости Верховному Народному Собранию. Статья 152 Конституции КНДР закрепляет осуществление правосудия за: Центральным Судом, провинциальными судами, народными и специальными судами, статья 159 закрепляет независимость судов. Таким образом только судебная власть четко закреплена и является независимой [5].

Анализируя реализацию принципа разделения властей в Республике Беларусь следует обозначить его специфику. Статья 6 Конституции Республики Беларусь закрепляет норму, в соответствии с которой государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они

взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга [6]. Законодательная власть в Республике Беларусь закрепляется за Национальным собранием, состоящим из Совета Республики и Палаты представителей, исполнительная - за Советом министров во главе с Премьер-министром, судебная - за судами. Однако есть особый орган – Всебелорусское народное собрание. Согласно статье 89^1 Конституции Республики Беларусь: «Всебелорусское народное собрание – высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие» [6]. После референдума 27 февраля 2022 года Всебелорусское народное собрание (далее ВНС) получило новые полномочия и стало конституционным органом. Новые полномочия включают часть функций других ветвей власти (например, смещение с должности Президента относилось ранее к компетенции Парламента). Таким образом, ВНС представляет собой не отдельную ветвь власти, а объединение всех ветвей, стоящее над ними. Стоит сказать и о том, что до республиканского референдума 27 февраля 2022 года Конституция Республики Беларусь допускала, что депутат Палаты представителей может быть одновременно членом правительства. Таким образом специфика реализации принципа разделения властей в Республике Беларусь подчёркивает специфику её системы и адаптацию к национальным условиям.[6]

Поводя итог можно сказать, что принцип разделения властей является основой политической организации общества, предотвращающей концентрацию власти в одних руках и обеспечивающей систему сдержек и противовесов для защиты демократии и прав граждан. Однако в отдельных странах он может иметь сою специфику, обусловленную политико-правовыми традициями, национальными интересами, историческими особенностями развития. Тем самым именно эффективность государственного управления в соответствие с потребностями общества, а не формальное следование принципам выступает залогом успешного развития государства и общества.

Список использованных источников:

1. Конституция Соединенных Штатов Америки (США) 1787 года с 26 поправками [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm.– Дата доступа: 04.03.2025.
2. Конституционное право зарубежных стран : учебник / под общ. Ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 864 с.
3. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.03.2025)
4. Конституция Китайской Народной Республики 1982 года с поправками 1988, 1993, 1999, 2004, 2018 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/constitution.html. – Дата доступа: 04.03.2025.
5. Конституция Корейской Народно-Демократической Республики 1972 года с изменениями 1992 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://worldconstitutions.ru/?p=30&ysclid=m8vc34opt801870495. – Дата доступа 05.04.2025.
6. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. - Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. - 80 с.

УДК 343.215

Куличенко И.Д., Хабибуллин Д.М.
обучающиеся
Научный руководитель: Устинова А.Н., старший преподаватель кафедры земельного и экологического права
Институт юстиции
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСВТЕННОГО ЗЕМЕЛЬНОГО НАДЗОРА

Аннотация: в статье рассматривается использование беспилотных летательных аппаратов при осуществлении государственного земельного надзора. Рассматриваются преимущества применения БПЛА. Также выделяются и проблемы, такие как длительный процесс согласования полетов и проблема неприкосновенности частной жизни граждан. В заключение предлагаются законодательные инициативы, направленные на упрощение процесса получения разрешений и информирование граждан о проведении съемок.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, государственный земельный надзор, Росреестр, аэрофотосъемка, нормативное регулирование, мониторинг земель, правовые аспекты.

Abstract: the article discusses the use of unmanned aerial vehicles in the implementation of state land supervision. The advantages of using UAVs are considered. There are also problems, such as the lengthy process of approving flights and the problem of privacy of citizens. In conclusion, legislative initiatives aimed at simplifying the process of obtaining permits and informing citizens about filming are proposed.

Keywords: unmanned aerial vehicles, state land supervision, Rosreestr, aerial photography, regulatory regulation, land monitoring, legal aspects.

Создание, применение и нормативное регулирование инновационных технологий является тенденцией развития любого современного государства. При этом важно, чтобы технологии имели не единичный охват, а непосредственно упрощали жизнь множества людей, общества и государства. На территории Российской Федерации активно внедряется практика применения беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА), которые применяются как в военной сфере, так и в гражданском секторе.

Согласно п. 3 постановления Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1081 «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» государственный земельный надзор осуществляется Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии, Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору и Федеральной службой по надзору в сфере природопользования (далее – органы государственного надзора), их территориальными органами [1]. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Росреестр) использует в своей деятельности аэрофотосъемки, выполненные с помощью БПЛА. Данные дистанционного зондирования земли, полученные при помощи БПЛА, могут использоваться для исправления реестровых ошибок, либо для сравнения со сведениями, содержащимися в Едином государственном реестре недвижимости, для выявления признаков нарушений требований земельного законодательства [2]. Стоит отметить, что применение дронов повышает эффективность контроля за земельными ресурсами, так как значительно снижает затраченное на это время, например, один полет подобного

устройства может охватить территорию до 60 гектаров, тогда как выездное обследование земельного участка этот объем сокращает в разы.

Как показывает статистика, использование БПЛА в регионах с целью земельного контроля только набирает обороты. С апреля по август 2024 года саратовскими госземинспекторами было выполнено 32 полёта с использованием беспилотников, общая площадь облёта составила 1681 гектара [3].

Необходимо ввести дефинитивные и доктринальные аспекты названной темы. Понятие БПЛА в законодательстве отсутствует. Хотя в постановлении Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» (далее – постановление Правительства № 138) оно изначально было. В редакции от 03.02.2020 N 74 законодатель вывел данное определение из нормативно-правового акта в силу несоответствия сегодняшним реалиям. Вместе с тем, законодатель закрепляет синонимичное понятие – беспилотное воздушное судно (далее – БВС). Согласно п.5 ст.32 «Воздушного кодекса Российской Федерации» N 60-ФЗ беспилотное воздушное судно – воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот) [4].

В период с 2017 по 2018 год Росреестр запустил пилотную инициативу по применению БПЛА для дистанционного мониторинга в рамках государственного земельного надзора. Эксперимент проводился в двух регионах – Тульской области и Татарстане. Пилотный проект подтвердил, что беспилотники отлично подходят для мониторинга земель. Сейчас Росреестр активно закупает летательные аппараты модели «GEOSCAN Gemini» и поставляет их в субъекты. При этом, в большинстве регионов Российской Федерации установлен запрет на использование БПЛА в связи со сложившейся геополитической обстановкой. Однако этот запрет не распространяется на использование БПЛА органами государственной власти и подведомственными им организациями.

Использование БПЛА предполагает соблюдение границ воздушного пространства и условий его пользования. Пункт 116 Федеральных правил использования воздушного пространства (далее – Федеральные правила воздушного пространства) для использования БПЛА устанавливает разрешительный порядок использования воздушного пространства. Сам процесс получения разрешений и согласования полета – долгая процедура, которая часто занимает несколько месяцев. Разрешение выдается региональным и зональными, районными центрами Единой системы организации воздушного движения РФ (далее – ЕС ОрВД). Согласно Письму Росреестра №18-02532/23, проведение аэрофотосъемки с борта беспилотного воздушного судна предусматривает проведение следующих процедур: получение разрешения на проведение аэрофотосъемочных работ (последовательным рассмотрением заявки Генеральным штабом Вооруженных Сил РФ, штабами военных округов, территориальным подразделением ФСБ России); получение разрешения на использование воздушного пространства (предоставляется органами системы организации воздушного движения; получение разрешения на проведение авиационных работ над территорией населенных пунктов (предоставляется органами местного самоуправления); проведение контрольного просмотра (проводится штабом военного округа (штабом Северного флота) [5].

Также необходимо обратить особое внимание на вопрос о нарушении конституционного права гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени при использовании дронов. Следует указать, что Письмо Росавиации «Информация по безопасности полетов №7» и Федеральные правила воздушного пространства данный вопрос никак не регулируют. Единственное, в п. 52(4) постановления Правительства № 138 определяется, что под зоной полетов БВС понимается часть воздушного пространства над населенным пунктом, предназначенная для полетов на высотах менее 150 метров от земной или водной поверхности. На такой высоте возможна крайне детализированная съемка, которая может ограничивать конституционные права граждан, которые на своем земельном участке

занимаются самодеятельностью. Здесь важно отметить, что «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ определяет земельный участок как объект права собственности и иных предусмотренных настоящим Кодексом прав на землю и является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи [6]. В свою очередь земная поверхность также включает в себя воздушное пространство, в отношении которого Российская Федерация хотя и обладает полным и исключительным суверенитетом, вместе с тем собственник земельного участка имеет право требования устранения нарушений в отношении своей собственности. В этой связи предлагаем по примеру Международной организации гражданской авиации (ИКАО) ввести положение, согласно которому запрещается БПЛА приближаться ближе, чем на 50 метров к людям, сооружениям или транспортным средствам, что значительно снизит ограничение правомочий гражданина и их неприкосновенности их частной жизни и собственности.

Подводя итоги хочется сказать, что использование БПЛА для осуществления государственного земельного надзора значительно повышает эффективность мониторинга территорий. БПЛА позволяют обследовать большие площади за короткие промежутки времени, что существенно сокращает затраты ресурсов и времени по сравнению с традиционными методами. Данное направление крайне перспективно, поэтому необходимо развивать его дальше, совершенствовать технологии беспилотных систем и методов сбора и обработки информации. Однако, несмотря на очевидные преимущества такого средства, существуют и недостатки. В связи с чем, в качестве законодательной инициативы видится возможным упрощение процесса получения разрешений и согласований для совершения полетов. Например, создание единого цифрового портала для подачи заявок на полеты БПЛА. Также, законодательство не обязует Росреестр уведомлять граждан о предстоящей съемке земельных участков с дрона. Целесообразно закрепить такую обязанность, потому что определить какой дрон находится над земельным участком: государственный или нелегальный – невозможно. Росреестр может оповещать граждан путем публикации информации на официальном сайте; отправлять уведомления через портал «Госуслуги»; информировать через СМС сообщения или электронную почту.

Список использованных источников:

1. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 N 1081 (ред. от 29.10.2022) «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» (вместе с «Положением о федеральном государственном земельном контроле (надзоре)») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. N 28. ст. 5511.
2. Использование БПЛА в целях государственного земельного надзора// Администрация Батуринского сельского поселения. URL: https://www.bselpasino.ru/news/rosreestr/ispolzovanie_bpla_v_celjakh_gosudarstvennogo_zemelnogo_nadzora?ysclid=m8lr363qa9511032567 (дата обращения 23.03.2025).
3. Саратовские инспекторы провели обследование 1681 гектара с помощью беспилотника // Администрация Лысогорского муниципального района. URL: https://lysogorskij-r64.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti/novosti-rosreestra/novosti-rosreestra_76.html (дата обращения 24.03.2025).
4. «Воздушный кодекс Российской Федерации» от 19.03.1997 N 60-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. N 12. ст. 1383; 2024. N 6. ст. 765.
5. Письмо Росреестра от 15.08.2023 N 18-02532/23 «О размещении материалов по вопросу осуществления комплексных кадастровых работ и ответов на поступившие вопросы» // СПС Консультант Плюс (Дата обращения 30.03.2025).
6. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 г. N 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. N 44. ст. 4147; 2024. N 33 ст. 4928.

УДК 341.1

Лапко В. Г.
обучающаяся Таврического колледжа Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Научный руководитель: Федяева А.А. преподаватель истории искусств
Таврический колледж Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕПАТРИАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация: Правовое регулирование репатриации культурных ценностей до настоящего времени является дискуссионной проблемой юридической науки и культурологической практики. Основные проблемы заключаются в отсутствии общепринятого толкования используемых терминов, невозможность точного установления страны происхождения; применение юридически безупречных, но грабительских по сути межгосударственных договоров; наличие политически мотивированной судебной практики.

Ключевые слова: культурные ценности, репатриация.

Abstract: the legal regulation of the repatriation of cultural values is still a controversial issue in legal science and cultural practice. The main problems are the lack of a generally accepted interpretation of the terms used, the inability to accurately determine the country of origin; the use of legally impeccable, but essentially predatory interstate treaties; the presence of politically motivated judicial practice.

Keywords: cultural values, repatriation.

В многочисленных музеях и коллекциях находятся миллионы свидетельств истории и культуры человеческой цивилизации. Большинство из них размещены там на законных основаниях. Однако сотни тысяч единиц хранения взывают сомнения в законности владения ими и требуют возврата собственникам. Вместе с тем, возврат культурных ценностей законным собственникам во многих случаях крайне затруднён, а порой просто невозможен, что связано с существующими проблемами правового регулирования репатриации культурных ценностей. Цель настоящей работы – рассмотреть указанные проблемы.

Незаконное владение предметами культуры и культа ведет начало с древнейшей традиции триумфа - выставления на всеобщее обозрение народу-победителю статуй поверженных богов разгромленного противника. Естественно, регулировалось это только обычаями и неписанным правом победителя. Со временем незаконное завладение предметами культа и художественными ценностями других народов переместилось из сакральной сферы в коммерческую. Изменились и способы завладения. Ими стали хищения, колониальные экспансии, незаконное удержание и другие. Отдельные государства и международное сообщество, стремясь воспрепятствовать незаконному владению историко-культурными ценностями, на законодательном уровне пытается регулировать их оборот и возврат законным владельцам. Однако, несмотря на наличие многочисленных международных и национальных нормативных актов, в правовом регулировании оборота культурных ценностей остаются многочисленные проблемы, касающиеся и их репатриации.

Первая проблема заключается в том, что общепринятое толкование термина

«культурные ценности» отсутствует как в международном, так и в отечественном праве, что препятствует урегулированию многих спорных вопросов. Так, например, определение этого термина в различных интерпретациях закреплено в четырех законах Российской Федерации [1]. При этом в трех из них предусмотрено определения термина в контекстной основе. Кроме того, понятие «культурные ценности» является одной из основных категорий философии, культуры, морали, этики, которые дают свои определения этого термина.

Что бы внести терминологическую определенность Министерство культуры даже издало методические рекомендации, целиком посвященные этому вопросу [2].

Для целей настоящего исследования наиболее целесообразным представляется использование определения, закрепленного в ст. 5 ФЗ «О вывозе и ввозе культурных ценностей»: «Культурные ценности - движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение».

Что касается историко-культурных ценностей, то здесь споров меньше. Под ними принято понимать культурные ценности, отражающие историю определенного народа, государства или цивилизации.

Под репатриацией, применительно к культурным ценностям следует понимать возвращение культурных ценностей в страну их происхождения или бывшим владельцам (или их наследникам). Схожим по значению является термин реституция, означающий возврат культурных ценностей, захваченных в результате военных действий страной-агрессором. Единое мнение о соотношении репатриации и реституции культурных ценностей отсутствует [3]. Мы согласны с теми, кто считает реституцию частным случаем репатриации.

Однако, правовая проблема заключается не только в терминологии, а в установлении страны происхождения или законного собственника. Классическим примером является самая древняя в мире групповая скульптура лошадей – Квадрига Святого Марка. Отлитая из бронзы и покрытая золотом, она на протяжении двух с половиной тысяч лет неоднократно меняла владельцев и места пребывания. И теперь никто не знает, кто является ее законным владельцем, поскольку последней была Византийская империя, а сейчас на неё периодически претендуют города Хиос, Рим и Венеция.

Общепринятая классификация историко-культурных ценностей отсутствует как в науке, так и в нормативно-правовых актах. Наиболее приемлемой представляется классификация, применяемая в музейно-коллекционном деле, подразделяющая историко-культурные ценности на: художественные ценности (живопись, скульптура, графика); старинные монеты, предметы, почтовые марки; книги и рукописи; археологические находки; предметы культа и артефакты.

Примечательно, что под артефактами в различных отраслях знаний понимаются совершено разные явления или вещи материального мира. В контекстном понимании артефакт – это уникальная вещь, оказавшая влияние (иногда мистическое) на ход событий или истории. С артефактами связана ещё одна правовая проблема, создающая препятствия в репатриации культурных ценностей - ряд государств не признает артефактами отдельные предметы материальной культуры других народов и государств. Например, Британия отказывается вернуть Египту так называемый Розетский камень, двуязычная надпись на котором позволила расшифровать древнеегипетские иероглифы. Основанием отказа является отсутствие юридического закрепления его статуса.

А Лувр под тем же предлогом не отдает Египту Дендерский зодиак – единственное в мире точное и полное зодиакальное изображение древнего неба.

Еще одной правовой проблемой на пути репатриации историко-культурных ценностей является наличие межгосударственных договоров юридически безупречных, но неравноправных, по сути. Так, например, более двухсот лет назад британский дипломат лорд Элгин вывез из Греции в Лондон античный мрамор, украшавший храм Зевса. При этом договор о вывозе был заключен между Османскими властями Греции и Британским

музеем. На протяжении более ста пятидесяти лет Греция пытается вернуть свое национальное достояние, но все суды всегда признают юридическую безупречность заключенных договоров, несмотря на их грабительскую сущность.

Еще одной и, к сожалению, актуальной для нас проблемой, является политическая мотивированность отдельных судебных решений. Речь идет о коллекции скифского золота, включающую боле двух изделий, обнаруженных в северном Причерноморье и принадлежавших Крымским музеям. В 2013 году коллекция была вывезена на выставку в Европу по договорам, заключенным между крымскими и зарубежными музеями. Однако, после воссоединения Крыма с Россией коллекцию отказались возвращать законным владельцам. В 2023г. после многолетних судебных разбирательств Верховный суд Нидерландов, вопреки нормам международного права, руководствуясь местным законом о культурном наследии, принял политически мотивированное решение – передать коллекцию Украине.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что основные проблемы правового регулирования репатриации историко-культурных ценностей заключаются: в отсутствии общепринятой нормативно-закрепленной терминологии; в правовой неопределенность места их происхождения; в не признание отдельными государствами артефактов, в качестве историко-культурных ценностей; в не признание рядом государств отдельных международных нормативно-правовых актов, регулирующих оборот историко-культурных ценностей; в наличие межгосударственных договоров о депортации культурных ценностей, юридически безупречных, но грабительских, по сути; в политической мотивированности отдельных судебных решений, касающихся репатриации историко-культурных ценностей.

Список использованных источников:

1. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон РФ от 09.10.1992 N 3612-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru; О вывозе и ввозе культурных ценностей: Закон РФ от 15.04.1993 N 4804-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru; О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации: Федеральный закон от 15.04.1998 N 64-ФЗ; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru; Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru.

2. Фирсова О. Л., Шестопалова Л. В. О термине «культурные ценности» в сфере сохранения культурного наследия [Электронное сетевое издание] - М.: Институт Наследия, 2022. - 92 с.

3. Малых П.В. Репатриация и реституция как наиболее важные составляющие культурного наследия // Неделя науки Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. 2021. № 1-3. С. 24

УДК 352+347.471

Маслич А.Е.
обучающаяся 2 курса юридического факультета
Научный руководитель: Пашнева В.А., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
г. Симферополь

РОЛЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА, ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Аннотация. Анализируются некоторые аспекты взаимодействия гражданского общества и местного самоуправления, позволяющие выделить их ключевое назначение в процессе развития общества в целом и всего государства.

Ключевые слова: гражданское общество, местное самоуправление, взаимосвязь, демократия, гражданская активность.

Abstract. The article examines and analyzes aspects of the interaction between civil society and local self-government, which make it possible to identify their key role in the development of society as a whole and the entire state.

Keywords: civil society, local government, interconnection, democracy, civic engagement.

В современном мире роль и значение институтов демократии, и в частности, института местного самоуправления повышается. Институт местного самоуправления заложен в основу конституционного строя Российской Федерации, а также представляет собой один из ключевых элементов развития федеративного правового и демократического государства. Помимо этого, институт местного самоуправления служит гарантией обеспечения конституционного права граждан на участие в управлении государством, что свидетельствует об особом взаимодействии гражданского общества и местного самоуправления, способствующем созданию определенного пространства для реализации интересов народа.

Рассмотрим понятия двух, анализируемых категорий. Термин «местное самоуправление» раскрывается не только в научной доктрине, но и сам законодатель дает нам легальное определение. Согласно Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» под местным самоуправлением понимают форму осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией РФ, федеральными законами, а в некоторых случаях законами субъектов РФ, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций [1].

Анализируя понятие «гражданское общество» отметим, что существует большое количество исследований раскрывающих эту категорию, в каждом из которых осуществлялась попытка выделить признаки, которые бы в наибольшей мере раскрывали содержание сущности гражданского общества. В современной юридической литературе, под данной категорией понимают исторически сформированную, самоуправляемую систему, которая создается самостоятельно гражданами для осуществления и защиты своих законных прав и интересов. Помимо этого, Г.А. Марзак в своей работе отмечает: «гражданское общество – это относительно самостоятельная, обособленная от государства и самоорганизующаяся система социальных, экономических и политических отношений,

включающая в себя различные формы объединений людей с целью удовлетворения собственных материальных и духовных потребностей» [2].

Безусловно, Российская Федерация – это правовое государство, в котором поддерживаются демократические ценности, признаются, гарантируются и защищаются права и свободы граждан на всех уровнях: федеральном, региональном и местном. При этом создавая и развивая различные механизмы вовлеченности народа в управлении делами государства. В связи с этим повышается актуальность анализа вопроса взаимодействия и взаимозависимости таких категорий как местное самоуправление и гражданское общество. Также это объясняется тем, что местное самоуправление выступает в роли одного из важнейших институтов гражданского общества, который занимает так скажем посредническое положение между органами государственной власти (органы местного самоуправления входят лишь в систему публичной власти) и населением в форме различных объединений [3].

Тесная взаимосвязь местного самоуправления и гражданского общества проявляется в следующих аспектах.

Во-первых, через местное самоуправление, а именно органы местного самоуправления гражданское общество способно реализовать свои потребности в социальной, экономической и других сферах деятельности, а также участвовать в решении местных вопросов. В целом, право народа осуществлять свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления закреплено в статье 3 Конституции РФ [4]. Помимо этого, в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закреплен перечень форм непосредственного осуществления местного самоуправления – примером может служить местный референдум (население само принимает решение по вопросам местного значения), а также консультативных форм участия населения в местном самоуправлении – опрос граждан (население может высказать свое мнение, которое носит рекомендательный характер).

Во-вторых, взаимосвязь гражданского общества и местного самоуправления напрямую влияет на поддержание стабильного демократического режима в государстве. Также в зависимости от того, насколько сформированы эти два элемента можно судить о состоянии общества в целом, его интересах, настроениях, отношении к власти, а также об уровне правосознания, правовой культуры (однако, как отмечают многие авторы этот уровень достаточно низкий). Именно поэтому важно, чтобы местное самоуправление поддерживало инициативы членов гражданского общества в участии управления государством [5].

В-третьих, гражданское общество способно контролировать деятельность органов местного самоуправления через институт общественного контроля (деятельность, включающая в себя наблюдение за работой органов местного самоуправления, проверку, анализ и оценку их решений и нормативно-правовых актов). Так, согласно Федеральному закону от 21.07.2014 №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации могут быть организаторами таких форм общественного контроля, как общественный мониторинг, общественное обсуждение, а также принимать участие в иных формах, предусмотренным настоящим ФЗ [6]. Соответственно взаимосвязь в этом аспекте наделяет гражданское общество определенными полномочиями по контролю местного самоуправления, для того, чтобы обеспечить реализацию одного из главных признаков осуществления власти на местном уровне – прозрачность, открытость и гласность.

И в-четвертых, гражданское общество оказывает поддержку местному самоуправлению, предоставляя экспертизы, ресурсы, а также проводит различные исследования, анализирующие потребности местных сообществ, что помогает в дальнейшем местным властям разрабатывать более эффективные программы. Помимо этого, общественные организации могут организовывать мероприятия и кампании,

направленные на привлечение внимания к местным проблемам и поддержание диалога между гражданами и властями, что является одним из ключевых направлений развития правового государства.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что взаимосвязь гражданского общества и местного самоуправления проявляется в различных аспектах. При этом существуют потенциальные сдерживающие факторы развития данных институтов, таким, например, является низкий уровень правосознания и правовой культуры, недостаточный уровень политической активности граждан. Однако, взаимодействие гражданского общества и местного самоуправления позволяет преодолевать их, позволяет достичь эффективного развития общества в целом, поддерживать диалог государства с гражданами, а также повышать процент доверия среди населения по отношению к органам местного самоуправления.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/. (дата обращения 01.03.2025). – Текст : электронный.

2. Марзак, Г.А. К вопросу о взаимодействии гражданского общества и правового государства / Г.А. Марзак // Новый юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 11-16. – Текст : непосредственный.

3. Яковлева, М.А. Местное самоуправление как институт гражданского общества / М.А. Яковлева // Преподаватель XXI век. – 2011. – №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-kak-institut-grazhdanskogo-obschestva-1 (дата обращения: 23.03.2025). – Текст : электронный.

4. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 01.03.2025). – Текст : электронный.

5. Корсун, К.И. Гражданское общество и местное самоуправление в российской федерации: взаимозависимость и проблемы становления / К.И. Корсун // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-i-mestnoe-samoupravlenie-v-rossiyskoy-federatsii-vzaimozavisimost-i-problemy-stanovleniya (дата обращения: 23.03.2025).

6. Федеральный закон "Об основах общественного контроля в Российской Федерации" от 21.07.2014 N 212-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения 01.03.2025). – Текст : электронный.

УДК 349.6

Орлов Е.М.
обучающийся
Научный руководитель: Нор К.Е., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Юридический институт
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»,
г. Красноярск

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ГОРОДЕ КРАСНОЯРСК

Аннотация. Автором работы была предпринята попытка раскрыть сущность эколого-правовых проблем, существующих сегодня в городе Красноярск. В научном труде перечислены причины возникновения данных проблем, представлен анализ краевого мониторинга состояния окружающей среды в границах города, проанализирована актуальная судебная практика по теме исследования, а также выдвинуты пути решения обозначенных проблемных вопросов.

Ключевые слова: право, экология, окружающая среда, охрана окружающей среды, природоохранное законодательство, вредные вещества, атмосфера, судебная защита.

Abstract. The author of the work attempted to reveal the essence of environmental and legal problems that exist today in the city of Krasnoyarsk. The scientific work lists the causes of problems with data, presents an analysis of the situation in the Diptych region, the environment on the city's borders, analyzes current practice in case studies, and also puts forward ways to solve the identified problematic issues.

Keywords: law, ecology, environment, environmental protection, environmental legislation, harmful substances, atmosphere, judicial protection.

На протяжении длительного времени экологическая ситуация в Красноярске остаётся на достаточно критическом уровне: ежедневно в атмосфере города регистрируется не только высокий процент бензапирена (ядовитый канцероген), но и сплавов из алюминия и угольной пыли. Один из крупнейших сибирских мегаполисов неоднократно встречался в списке мирового рейтинга городов по качеству воздуха, который ежедневно обновляется аналитиками международного портала «IQAir». Красноярск неоднократно занимал 1 место экологического антирейтинга по индексу загрязнений в воздухе, опережая такие крупные города как Пекин, Мумбаи и Чэнду. При этом уровень загрязнения почвы в границах города также остается на стабильно высокой ступени. Например, в октябре 2024 г. на месте одного из крупнейших городских снегоотвалов (расположен по ул. Высотной, район ручья «Серебряный») эко-специалисты Гражданской ассамблеи Красноярского края обнаружили в почвенном покрове ряд опасных химических веществ, включая высокую концентрацию свинца и мышьяка (яды I классов опасности), а также меди (сплава II класса опасности) [1].

Анализ Ежедневного комплексного мониторинга состояния окружающей среды показал, что в феврале 2025 г. в краевой столице практически постоянно действовал режим НМУ: режим так называемого «черного неба» продлевался местными властями неоднократно. Согласно датчикам показателей вредных выбросов, 18 февраля 2025 г. в Красноярске качество воздуха оценивалось как «неудовлетворительное» («желтый» уровень опасности): в нем преобладали тонкодисперсные PM-2.5 частицы в количестве 34.3 мкг/куб.м. (пыль, грязь, тяжелые металлы и др.), данная концентрация в рекордных 7 раз выше рекомендуемого ВОЗ среднегодового значения (среднегодовая норма PM-2.5 не должна превышать 10 мкг/куб.м.) [2]. Местные жители называют родной город «газовой камерой», которая образовывается от постоянных выбросов алюминиевого завода и угольных тепловых электростанций. Красноярцы регулярно жалуются в Министерство природных ресурсов и экологии на пыль и резкие химические запахи, которые появляются в ночное время суток. При таких условиях воздух в городской среде становится особенно «тяжелым», что негативно влияет не только на экологическую обстановку, но и на здоровье самих горожан. Здесь возникает вполне логичный вопрос: с чем связана столь сложная экологическая ситуация в городе-миллионнике с уникальным природным климатом? Причин сложившейся ситуации достаточно много, поэтому перечислим основные из них:

Во-первых, производство и топливная энергетика. К одному из факторов «плохой экологической статистики» следует отнести постоянную (бесперебойную) работу крупных промышленных предприятий города (здесь располагаются Химико-металлургический завод, Красноярский завод синтетического каучука, ОАО «РУСАЛ Красноярский алюминиевый завод» и др.). Компании нередко нарушают действующее федеральное и

региональное законодательство в области охраны окружающей среды, превышая предельно допустимые выбросы концентраций взвешенных веществ (формальдегид, оксид азота, гидрохлорид) в периоды НМУ. К сожалению, «крупный» бизнес не всегда принимает меры по снижению загрязнений в атмосферу (например, не проводится технологическая модернизация фильтров и очистителей воздуха) или вовсе игнорируют установленные законодателем экологические нормативы. Кроме того, региональными органами власти уже долгое время обсуждается вопрос влияния частных объектов теплоэнергетики на экологию города (сжигание в печах частных домов некачественного сырья, мусора, ДСП приводит к высвобождению фенолов и бензола). К сожалению, красноярские стационарные станции наблюдения не дают возможность определить виновников таких выбросов, а выездные проверки проводятся гораздо позже многочисленных обращений граждан. В подтверждение сказанному уместно привести конкретный пример из судебной практики. Так, по одному из дел, ООО «ПК АсфальтСтрой» совершило выброс вредных веществ в атмосферный воздух без специального на то разрешения. Согласно материалам дела, ответчик заключил договор аренды земельного участка в целях строительства растворобетонной установки (АБЗ), которая была возведена в срок и начала свою работу. Однако, в течении 9 месяцев в Министерство экологии Красноярского края поступали многочисленные обращения граждан и юридических лиц о фактах задымления и загрязнения атмосферного воздуха на территории Советского района г. Красноярска возведенной установкой, которые препятствовали осуществлению процессов дыхания жителей. Результаты проверки Красноярской природоохранной прокуратуры показали, что ООО «ПК АсфальтСтрой» в действительности осуществляло выбросы вредных веществ в атмосферный воздух без наличия проекта нормативов предельно-допустимых выбросов, без инвентаризации выбросов загрязняющих веществ, а также без разрешения на сам выброс таких веществ в атмосферный воздух. Согласно проведенной экспертизы было установлено, что при постоянной работе АБЗ в атмосферу выделялись такие вредные вещества как пыль с большим содержанием диоксида кремния, оксиды углерода и азота, ангидрид, углеводороды, мазутная зола, сажа, свинец и его неорганические соединения. Вместе с тем, при выездном контрольном мероприятии руководство ООО полностью отрицало осуществление незаконной деятельности по эксплуатации АБЗ, но на момент проведения проверки установка находилась в полном рабочем состоянии (из одной трубы обильно выделялся дым темно-серого цвета), а на территории земельного участка были насыпаны горы гравия и угля. Проанализировав представленные доказательства Советский районный суд г. Красноярска признал ООО «ПК АсфальтСтрой» виновным в совершении правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ, назначив наказание в виде административного штрафа в размере 180 тыс. руб. [4].

Во-вторых, согласно Указа Президента РФ № 309 до 2030 года в России должна быть налажена 100% сортировка мусора, а 25% отходов после переработки должны использоваться повторно. Но на сегодняшний день в Красноярске сортируется лишь 4% такого сырья, а остальные отходы тоннами отправляются на полигоны захоронения ТБО. Итог – комплексы провоцируют появление отравленных токсичными веществами водных запасов, небезопасных для здоровья выбросов, безжизненных почв, загрязнение воздуха, возникновение хронических патологий. Вместе с тем, практического и действенного решения по утилизации мусора региональными властями пока не найдено. Причина – отсутствие должного финансирования, поскольку реализация ряда экологических программ требует крупных денежных сумм, а незначительной части средств, получаемых от инвесторов не хватает для достижения всех поставленных органами власти целей и задач.

В-третьих, правовое регулирование. Так, в одной из своих научных работ К.С. Вяткина указала, что действующие на территории края постановления и законы (включая и Закон Красноярского края № 5-1597) работают недостаточно эффективно. Автор отметила, что «Концепция государственной политики Красноярского края в области экологической

безопасности и охраны окружающей среды до 2030 года» требует существенной доработки: следует расширить не только стратегические цели и задачи правового документа, но и назрела необходимость предусмотреть новые механизмы для реализации эко-политики [3, с. 6]. Следует согласиться с позицией К.С. Вяткиной и отметить, что власти города разрабатывают проекты по защите природной среды, но большая их часть находится на стадии рассмотрения.

Таким образом, приоритеты современной экологической политики на территории г. Красноярск очевидны. Учитывая изложенное, для решения названных выше проблем предлагаем: 1. Реформировать действующее законодательство и усилить экологический контроль за загрязнением атмосферного воздуха и почв, а также существенно увеличить размер денежных штрафов за превышение нормативов (вплоть до приостановки деятельности). Полагаем, что данные меры помогут более эффективно бороться с нелегальными выбросами от предприятий (например, таких как ООО «ПК АсфальтСтрой»). 2. Запретить временно согласованные сверхнормативные выбросы, а также сократить квоты на выбросы основных загрязняющих веществ. В результате это должно помочь сократить количество вредных выбросов. Кроме того, назрела необходимость в переводе тепло-сберегательных компаний на природный газ, поскольку его использование поможет избежать сразу двух опасных факторов – угольной пыли и дыма над городом. 3. Установить на всех предприятиях города современное очистное оборудование. Убеждены, что планомерное уменьшение негативного воздействия технологических процессов на окружающую среду, снижение экологических рисков за счет внедрения новейших технологий, достижений науки, финансирование и грамотно выстроенная государственная политика помогут разрешить возникшие в Красноярске экологические проблемы.

Список использованных источников:

1. Общественная палата Красноярского края и Гражданская ассамблея Красноярского края: «Экологи выявили загрязнение почвы на месте снегоотвалов в Красноярске», 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://opkrsk.ru/press-room/news/17694.html (дата обращения: 14.03.2025).

2. Краевое государственное бюджетное учреждение «Центр реализации мероприятий по природопользованию и охране окружающей среды Красноярского края», 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krasecology.ru/ (дата обращения: 14.03.2025).

3. Вяткина, К. С. Основные проблемы экологии в Красноярском крае / К.С. Вяткина // E-Scio. 2020. №5 (44). С. 1-8.

4. Постановление Советского районного суда г. Красноярска (Красноярский край) от 18 января 2017 г. по делу № 5-375/2016. – Текст электронный // URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 14.03.2025).

УДК 342.7

Потёмкина У.М.
обучающаяся первого курса факультета экономики и права
Научный руководитель: Т.Н. Кузьменкова
старший преподаватель кафедры юриспруденции
УО «Могилёвский государственный университет имени А.А.Кулешова»
Республика Белорусь, г.Могилев

ЛИЧНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА ЕГО КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА

Аннотация: В статье рассматриваются личные права человека сквозь призму их роли в формировании конституционно-правового статуса личности. Анализируется значение

личных прав и свобод, их закрепление в Конституции Республики Беларусь и соответствие международным стандартам. Особое внимание уделяется гарантиям реализации личных прав и свобод, как на национальном, так и на международном уровне.

Ключевые слова: личные права человека, конституционно-правовой статус, гарантии прав и свобод, конституция.

Abstract: The article examines the personal rights of a person through the prism of their role in the formation of the constitutional and legal status of an individual. The significance of personal rights and freedoms, their enshrinement in the Constitution of the Republic of Belarus and compliance with international standards are analyzed. Particular attention is paid to guarantees for the implementation of personal rights and freedoms, both at the national and international levels. Slightly changed, translate into English in accordance with the changes

Keywords: personal rights of a person, constitutional and legal status, guarantees of rights and freedoms, constitution.

С провозглашением независимости правовая система Республики Беларусь получила импульс для самостоятельного строительства, основой которого (как и в большинстве государств постсоветского пространства) стало признание и уважение прав и свобод человека, создание гарантий для их реализации.

В особенности важно, что данный вектор развития нашел отражение на конституционном уровне. 15 марта 1994 года был принят Основной Закон государства – Конституция Республики Беларусь, согласно статье 2 которой «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [1].

Закрепленными Конституцией, а также иными нормативными правовыми актами правами, свободами и обязанностями формируется правовой статус личности в Республике Беларусь, который определяет роль, место человека и гражданина в системе политико-правовых отношений. Следует, конечно, учитывать, что в понятие правового статуса личности наряду с правами, свободами и обязанностями, включаются еще и иные элементы: гражданство, правосубъектность, общеправовые идеи (принципы), а также гарантии реализации прав и свобод, но именно система прав и обязанностей – сердцевина, центр правовой сферы, и здесь лежит ключ к решению основных юридических проблем. В правах и обязанностях не только фиксируются образцы, стандарты поведения, которые государство считает обязательными, полезными, целесообразными для нормальной жизнедеятельности социальной системы, но и раскрываются основные принципы взаимоотношений государства и личности [2, с. 56].

Таким образом, составляя основу конституционно-правового статуса личности права и свободы человека составляют и основу конституционализма. Идея о том, что люди от рождения свободны и равноправны, что им в силу рождения принадлежит ряд неотчуждаемых (естественных) прав, легла в основу первых конституционных актов, принимавшихся в ходе Английской, Американской, Французской революций XVII– XVIII веков. В последующем ни одно государство, претендовавшее на то, чтобы считаться демократическим, не могло не записать в своей конституции определенный перечень прав человека. Тем самым права человека, оставаясь нравственно-политическим императивом, приобретали юридическую форму и становились важнейшим институтом конституционного права. Впоследствии они стали и институтом международного права [3, с. 78].

Однако следует учитывать, что права и свободы неоднородны, следовательно степень их значимости не одинакова. Выделяя различные группы прав и свобод в зависимости от сферы их проявления выделяют: личные (гражданские), политические, социально – экономические, культурные. Среди них именно личные являются неотъемлемыми (естественными). Хотя нельзя не признавать значимость других прав и свобод, в особенности если говорить о влиянии социально-экономических прав в построении

социального правового государства. Но именно личные права и свободы выступают ядром правого статуса личности. Все иные права и свободы, а также элементы правого статуса имеют смысл лишь при надлежащей реализации личных прав и свобод.

Личные права закреплены в Конституции Республики Беларусь в Разделе 2 «Личность, Общество, Государство». Право на жизнь является главным правом каждого человека. Оно относится к категории неотчуждаемых прав. Важнейшие международно-правовые документы, Конституции современных государств содержат нормы, касающиеся данного права. Не является исключением и Конституция Республики Беларусь.

В соответствии со ст. 24 Конституции каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств [1]. Конституционное право на жизнь находит свое последующие развитие в нормах права, регулирующих вопросы здравоохранения, социального обеспечения, установления ответственности за посягательства на жизнь и здоровье человека.

Не менее важными благами Основной Закон страны признает свободу, неприкосновенность и достоинство личности (статья 25 Конституции)[1], отражая принципы социальной свободы и гуманизма. В развитие данный нормы устанавливаются запреты пыток, принудительных опытов, бесчеловечного либо унижающего достоинство обращения или наказания. Значимость охраняемых запретами благ неоспорима, более того даже в случае введения чрезвычайного положения они не могут быть приостановлены (статья 63 Конституции). Однако ограничение личной свободы в определённых случаях, установленных законом, допустимо с предоставлением лицу права на судебную проверку законности его задержания или ареста.

В соответствии со статьей 28 Конституции, личная жизнь каждого человека надежно защищена. Данная норма исключает любое несанкционированное и противоправное вмешательство в частную сферу. Помимо защиты конфиденциальности переписки, телефонных бесед и других форм общения, защите подлежит репутация и личное достоинство. Кроме того гарантируется неприкосновенность жилища [1].

Ключевое значение в системе личных прав и свобод отдается свободе совести (статья 31 Конституции), свободе мнений и убеждений (статья 33 Конституции), как той сфере, которая отдается на усмотрение личности и допускает лишь минимальное вмешательство государства [1].

Статья 50 Конституции закрепляет фундаментальные права, касающиеся национальной идентичности и языка, являющиеся фундаментом построения гармоничного и многонационального общества. Она гарантирует каждому право сохранять свою национальную принадлежность, подчеркивая, что никто не может быть принужден к её определению или указанию. Это означает, что выбор этнической принадлежности – это личное и неотъемлемое право каждого человека [1].

Отраженные в Основном Законе личные права и свободы подкреплены правовыми гарантиями их реализации. Так, статья 60 Конституции предоставляет каждому человеку право на судебную защиту своих прав и свобод [1]. Право на судебную защиту – это не просто формальная возможность, а реальный инструмент, позволяющий гражданам отстаивать свои права перед государством и другими лицами.

Право на юридическую помощь, являясь правом в тоже время выступает гарантией реализацией личных прав, а также общепризнанным принципом международного права. Это не просто формальная возможность, а жизненно необходимый инструмент для осуществления и защиты прав и свобод. Суть этого права заключается в том, что каждый человек, вне зависимости от своего социального положения, образования или финансовых возможностей, имеет право обратиться за квалифицированной юридической помощью, имеет право получить консультацию юриста, адвоката, а также воспользоваться их помощью в суде, иных государственных органах, организациях и при взаимодействии с должностными лицами и гражданами.

Статья 61 Конституции Республики Беларусь определяет порядок обращения за защитой прав и свобод в международные организации [1]. Это право и одновременно гарантия реализации личных прав и свобод рассматривается как крайняя мера, доступная лишь после того, как исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, предусмотренные национальным законодательством. Суть статьи заключается в том, что прежде чем обращаться за помощью к международным организациям, гражданин должен попытаться защитить свои права и свободы, используя все доступные ему правовые механизмы внутри страны.

Таким образом, можно констатировать особою роль личных прав и свобод в формировании конструкции конституционно-правового статуса личности, что должно учитываться при дальнейшем совершенствовании правовой системы Республики Беларусь. Провозглашенные в Основном Законе Республики Беларусь личные права и свободы достаточно полно отражают основу правового статуса личности, соответствуют международным актам о правах человека и содержат надежный как внутренний, так и международно-правовой гарантийный механизм их обеспечения.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. - Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. - 80 с.

2. Права человека. Учебник для вузов. Ответственный редактор – член-корр. РАН, доктор юридических наук Е.А. Лукашева. – М.: Издательская группа НОРМА– ИНФРА • М, 1999. – 573 с.

3. Конституционное (государственное право) зарубежных стран: К75 В 4 т. Тома 1–2. Часть общая: Учебник /Отв. ред. проф. Б.А. Страшун – 3-е изд., обновл. и дораб.– М.: Издательство БЕК, 2000. - 784 с.

УДК 345.55

Ревунов Р. В.
магистр
Научный руководитель: Моисеев А. В., кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУВО «Тольяттинский государственный университет»,
г. Тольятти

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИКИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация: исследована эволюция конституционно-правовых подходов к обеспечению экономической основы местного самоуправления РФ, в том числе посредством определения полномочий муниципалитетов в сфере налоговых и бюджетных правоотношений. Выявлены особенности правового регулирования экономической деятельности местного самоуправления, в частности, установление законодателем диапазонов регулирования, в пределах которых органы местного самоуправления обладают свободой правотворчества. Обоснован вывод о необходимости чёткой правовой фиксации надлежащего ресурсного (прежде всего, финансового) обеспечения местного самоуправления для своевременного и качественного решения вопросов местного значения.

Ключевые слова: местное самоуправление, правовое регулирование, экономика, бюджет, налоги, государство.

Abstract: the evolution of constitutional and legal approaches to ensuring the economic basis of local self-government in the Russian Federation is studied, including through defining the powers of municipalities in the sphere of tax and budgetary legal relations. The features of legal regulation of economic activity of local self-government are revealed, in particular, the establishment by the legislator of regulatory ranges within which local self-government bodies have freedom of lawmaking. The conclusion about the need for a clear legal fixation of adequate resource (primarily financial) provision of local self-government for timely and high-quality resolution of local issues is substantiated.

Keywords: local self-government, legal regulation, economy, budget, taxes, state.

Произошедшее в нашей стране в период второй половины 1980-х – начала 1990-х гг переустройство общественно-политической жизни сопровождалось трансформацией государственного устройства. Принятая по итогам всенародного референдума в декабре 1993 г. Коституция РФ [1] заложила правовую основу и задала вектор дальнейших трансформационных процессов, касающихся всех сфер жизни российского общества. В Основном законе нашли отражение постулаты, устанавливающие права и свободы человека и гражданин, федеративное устройство РФ, полномочия, права, обязанности, сферы ответственности, порядок взаимодействия институтов государственной власти. При этом, местное самоуправление было выделено в качестве самостоятельного института, в силу действия ст. 12 Конституции РФ не входящего в систему органов государственной власти. На недостатки конституционной автономной местного самоуправления, в частности, неопределенность в разграничении компетенции муниципальный и государственных органов власти, указывают Зорькин В. Д. [2], Васильев В. И. [3], Липинский Д. А., Малько А. В., Иванов А. А., Маркунин Р. С. [4].

В тоже время, Зверева В. А. [5] указывает на риски «огосударствления» местного самоуправления, заключающиеся, по её мнению, в усложнении административных процедур, документооборота, межведомственного взаимодействия между уровнями управления, что может негативно сказаться на качестве предоставляемых гражданам государственных и муниципальных услуг. Тенденцию возрастающей зависимости глав администраций муниципальный образований от региональных органов госвласти отмечают Моисеев А. В., Моисеева В. Ю. [6]

Конституционная реформа 2020 года сопровождалась коррекцией регулирования местного самоуправления, например, сократилось количество конституционных норм прямого действия в отношении местного самоуправления, некоторые аспекты правового регулирования перешли на уровень федеральных законодательных актов. В частности, п 1.1 статьи 131 зафиксировал возможность участия органов госвласти в формировании органов местного самоуправления, освобождения от должности и назначения должностных лиц местного самоуправления. Особо важное значение для конституционно-правоого вектора развития местного самоуправления в РФ имеет добавление пункта 3 в статью 132 Конституции РФ, закрепившего участие местного самоуправления и органов госвласти в единой системе публичной власти РФ. Согласно точке зрения Широкова А. Н., Юрковой С. Н. [7], Кискина Е. В. [8] Михеевой Т. Н. [9] и некоторых других исследователей, конституционное постулирование единства системы публичной власти РФ в составе органов госвласти федерального, регионального уровней, органов местного самоуправления устраняет отмеченные нами ранее противоречия и формирует эффективную правовую основу организации управления, в том числе муниципальной экономикой.

Во исполнение конституционных положений, касающихся местного самоуправления, в РФ принят федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [10], которым установлены общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления в РФ. Анализ показывает корреляцию правовых норм, содержащихся в

профильном федеральном законе, Налоговом, Бюджетном, Земельном кодексах РФ и других законодательных актах, регламентирующих экономическую деятельность местного самоуправления. Особенностью правового регулирования налоговых и бюджетных механизмов экономики местного самоуправления является установление законодателем диапазонов регулирования, в пределах которых органы местного самоуправления обладают свободой правотворчества. Например, в отношении земельного налога статья 394 Налогового кодекса РФ указывает: «Налоговые ставки устанавливаются нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований», при этом в отношении отдельных категорий земельных участков налоговая ставка не может превышать 0,3 %, в отношении прочих земельных участков предельный размер налоговой ставки составляет 1,5 %. Таким образом, до обозначенного федеральным законодателем предела органы местного самоуправления вправе собственными нормативами правовыми актами устанавливать ставки налогообложения. Подобный подход к организации правового регулирования применён в отношении других местных налогов и сборов.

По своей правовой и экономической природе налоговые доходы призваны формировать экономическую основу местного самоуправления. Однако, как показывает анализ действующих правовых норм, в настоящее время налоговые нормотворческие полномочия ограничены федеральным законодателем. Подобный подход имеет как свои преимущества, заключающиеся в создании единого правового пространства хозяйственной деятельности, равноправия налогоплательщиков, так и недостатки, основным из которых является возрастающая зависимость местного самоуправления от поступлений из вышестоящих уровней бюджетной системы РФ, что затрудняет оперативное решение актуальных проблем местных сообществ. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 17 июня 2004 г. №12-П16 [11] указал, что недостаточность собственных доходных источников на уровне субъектов РФ или муниципальных образований влечёт необходимость осуществлять бюджетное регулирование в целях сбалансированности соответствующих бюджетов.

Согласно точке зрения автора, важным направлением юридической работы в сфере государственного и муниципального управления должно стать правовое регулирование принципа обеспеченности муниципального образования необходимой для надлежащего решения вопросов местного значения собственностью.

В завершение отметим следующее:

1. В связи с принятием в 1993 г. Конституции РФ произошла замена местных советов – являвшихся низовыми подразделениями соответствующего органа госвласти, на местное самоуправление, представляющее собой самостоятельный институт. С учётом сказанного, конституционный постулат о народе, являющемся единственным источнике власти в РФ, находит своё практическое воплощение в деятельности местного самоуправление, функционирование которого детерминировано решающим участием жителей муниципалитетов в решении вопросов местного значения.

2. На современном этапе в Российской Федерации существует правовая база, регламентирующая различные аспекты деятельности местного самоуправления. Бюджетный, Налоговый, Земельный, Градостроительный, Гражданский, Водный кодексы, федеральные законы содержат правовые нормы, качающиеся организации управления муниципальным имуществом, реализации полномочий органов местного самоуправления в сфере налогообложения, формирования доходной и расходной частей местного бюджета, деятельности муниципальных унитарных предприятий и т. п.

3. С учётом вышеизложенного, нуждаются в дополнительном правовом регулировании межбюджетные и налоговые отношения РФ, в частности, установленные Бюджетным кодексом пропорции распределения налоговых доходов между уровнями бюджетной системы. По нашему мнению, необходимо устранить дисбаланс в распределении налоговых сборов посредством фиксации в правовой системе экономических источников,

обеспечивающих реализацию полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ дата обращения 20.03.2025 г.
2. Зорькин В. Д. Недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями // Российская газета. 2018. 10 окт https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniiami.html
3. Васильев В. И. Местное самоуправление и конституция Российской Федерации / Васильев В. И. // Журнал российского права. 2019. №6(270). С. 28-35. DOI: 10.12737jrl.2019.6.3
4. Липинский Д. А. Имплементированные правовые конструкции в конституционном праве россии как фактор усиления юридической аномии / Липинский Д. А., Малько А. В., Иванов А. А., Маркунин Р. С. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. №4 (64). С. 71-85.
5. Зверева В. А. К вопросу становления системы местного самоуправления в рамках Конституции Российской Федерации 1993 года / Зверева В. А. // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2019. №3. С. 20-22.
6. Моисеев А. В. Выборы высшего должностного лица муниципального образования: правовые модели / Моисеев А.В., Моисеева В. Ю. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2019. №4(39). С. 44-50..
7. Широков А. Н. Поправка к Конституции Российской Федерации: перспективы местного самоуправления / Широков А.Н., Юркова С.Н. // Местное право. 2020. №3. С. 61-66.
8. Кискин Е. М. Некоторые направления развития законодательства о местном самоуправлении в свете поправок к Конституции Российской Федерации / Кискин Е. В. // Федерализм. 2020. Т. 25. № 4 (100). С. 107-126. DOI:10.21686/2073-1051-2020-4-107-126
9. Михеева Т. Н. Местное самоуправление в свете полемики о поправках в Конституцию России / Михеева Т. Н. // Евразийский юридический журнал. 2021. №2 (153). С. 155-156.
10. Федеральный закон от 06.10.2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 г. №12-П "По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия" режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48160/ дата обращения 19.03.2025 г.

УДК 343.215

Суховеева Е.К.
обучающаяся 1 курса
Научный руководитель: Адельсеитова А. Б. к.ю.н.,, доцент
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Институт «Таврическая академия»
г. Симферополь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ СТРАН АЗИИ

Аннотация: В данной работе рассматриваются вопросы актуальности цифрового развития в праве стран Азии, на основе проведённого исследования анализируется структура закрепления аспектов информатизации в конституционном законодательстве и основные проблемы, связанные с недостаточным вниманием к цифровизации и обуславливающие необходимость внесения изменений в правовое поле.

Ключевые слова: цифровизация, конституционное законодательство, государственная политика, страны Азии.

Abstract: This paper examines the issues of the relevance of digital development in Asian law. Based on the conducted research, the structure of the consolidation of aspects of informatization in constitutional legislation and the main problems associated with insufficient attention to digitalization and necessitating changes in the legal field are analyzed.

Keywords: digitalization, constitutional legislation, public policy, Asian countries.

На современном этапе аспект цифровизации имеет весомое значение для процесса правоприменения по ряду причин. Информационные технологии ввиду своего поступательного развития качественно меняют общественные отношения, тем самым приводят к трансформации главного их регулятора – права. Цифровизация оказывает значительное влияние на институты, механизмы и культуру правоотношений. В связи с этим изменениям подвергаются и ключевые отрасли юридической науки, в том числе и конституционные принципы, регулирующие основы государственного устройства, права и свободы человека и гражданина.

В конституционное право сегодня с нарастающими темпами внедряются элементы цифровизации: оптимизируются процессы управления, появляются новые права, связанные с информационными технологиями. Наряду с позитивным влиянием появляются и сложности, обусловленные рисками и вызовами распространения новой среды.

Конституционное законодательство каждой страны внедряет элементы цифровизации в нормативные акты, однако характер изменения зачастую зависит от степени развития государства в научно-техническом плане. Уникальное положение имеют страны Азии, где достижения прогресса находятся на достаточно высоком уровне практически во всех сферах жизни общества. Результаты в научно-техническом секторе приводят и к особенному пути внесения поправок в основной закон государства.

Так, в отечественном конституционном законодательстве правовой аспект цифровизации подтверждается поправкой 2020 года: пункт «м» статьи 71 закрепляет в ведении Российской Федерации «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных»[5].

Рассматривая изменения в законодательстве, нельзя не обратиться к достижениям Китайской Народной Республики, которая на данный момент является общепризнанным лидером в цифровой сфере по ряду показателей.

Изменения в информационных технологиях китайского общества напрямую сказываются на конституционных основах государства: «Государство неуклонно повышает производительность труда и эффективность экономики, развивает производительные силы общества путем повышения активности и технического уровня трудящихся, распространения передовой науки и техники, совершенствования систем управления экономикой и управления предприятиями, осуществления различных форм социалистической ответственности, улучшения организации труда» [1]. 14 статья Конституции Китая иллюстрирует внесение текущего вектора развития государственной политики в правовую сферу, под повышением эффективности науки и техники подразумевается внедрение элементов цифровизации в жизнь населения, регулятором которых выступает основной закон государства.

Стоит отметить, что правительство Китайской Народной Республики уделяет внимание не только общим позициям цифровизации в действующем законодательстве, но и затрагивает её отдельные стороны. Искусственный интеллект, столь активно развивающийся в исследуемой стране, также регламентируется в правовом аспекте как один из элементов информационной оптимизации. «План развития искусственного интеллекта нового поколения», утвержденный в 2020 году, «Временные правила оказания услуг с использованием искусственного интеллекта» от 2023 года, разработка проекта Закона об искусственном интеллекте в 2024 году доказывает заинтересованность государства в развитии цифровых технологий, право здесь вновь выступает основным регулятором, подчеркивающим значимость принятых решений.

Важность закрепления государственных интересов в области модернизации текущего технологического прогресса путем создания новых правовых актов отмечает М. Исохужаева: «Для успешной цифровизации необходима разработка чёткой национальной политики и планов действий по развитию цифровой экономики, внедрение регулятивных «песочниц» для проверки действенности новых правовых актов, касающихся цифровых технологий» [2], что демонстрирует ключевое значение правового регулирования с этапами развития информационного поля.

Рассматривая вопрос об особенностях цифровизации в странах Азии, стоит уделить внимание Японии. Государство на данный момент проходит этап эволюции всей цифровой экосистемы, большинство компаний, задействованных в медиа пространстве, переходят на информационные платформы, что получает закрепление в действующем законодательстве.

В основной закон Японии поправок не вносилось более семи десятилетий, в связи с этим говорить о цифровых нововведениях в Конституции нельзя, споры по внесению изменений между учёными и правоведами мирового сообщества ведутся и сегодня, единого взгляда на этот вопрос не существует, но одним из аргументов «за», безусловно, является нарастающий с каждым днем научно-технический прогресс, требующий регламентацию со стороны государства. Несмотря на этот факт, государственные планы, закрепляемые в правовом поле, подтверждают наличие юридического подкрепления проводимой информационной политики. Японское общество сталкивается с рядом проблем, напрямую сопряженных с форсированными темпами развития технологий. Так, преступления в сфере криптовалют сегодня регулирует закон о финансовых инструментах и биржах, предотвращении передачи преступных доходов. В планируемых изменениях в японском законодательстве на конец 2025 года обозначено урегулирование вопроса об использовании искусственного интеллекта и усилении кибербезопасности [3].

В таких странах постсоветского пространства, как Казахстан и Узбекистан, регулирование основ цифровизации происходит на достаточно высоком уровне, что доказывает существование различного рода правовых положений: закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий», закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики

Казахстан по вопросам связи, цифровизации, улучшения инвестиционного климата и исключения излишней законодательной регламентации», подписанный президентом Казахстана в мае 2024 года, стратегия «Цифровой Узбекистан — 2030», Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-358 от 14.10.2024 г. «Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года».

Проблема комплексной регламентации по определению стратегии действий в цифровой сфере в конституционном законодательстве постсоветских стран Азии в более остром формате присутствует в Туркменистане. В Туркменистане концепция электронизации получает первое закрепление лишь в последние годы, в связи с чем возникают вызовы, связанные с низким уровнем цифровой грамотности и недостаточной информационной инфраструктурой, для преодоления которых стране понадобится ещё несколько лет [4].

Сущность проблемы сводится к тому, что регламентация цифровых аспектов, активный рост которых происходит ежедневно, в правовом поле необходима. Конституционное законодательство стран Азии требует изменений, связанных с внедрением информатизации, это может быть обосновано несколькими ключевыми факторами: поступательный рост использования цифровых технологий в этих государствах напрямую влияет на права граждан, ежедневно возникают новые вызовы и риски, сама модернизация государственных процессов может повысить уровень доверия граждан власти. Конституционные нормы могут выступать базой для построения разветвленного механизма государственной политики в этой сфере, следовательно, способствовать развитию инфраструктуры и программ, направленных на снижение цифрового неравенства. Правовое регулирование конституционным законодательством минимизирует возможность возникновения коллизий и споров ввиду отсутствия регламентации информатизации в общественных отношениях.

В целом, внесение цифровых аспектов в основной закон является важным шагом к созданию безопасного технологически развитого общества, которое отвечает современным вызовам, в особенности, в странах Азии, где информатизация занимает лидирующие позиции на мировой арене.

В заключение важно отметить, что необходимость расширения содержания цифровизации в конституционном законодательстве существует и требует внимания со стороны государственных органов.

Список использованных источников:

1. Конституция Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) // – URL: http://www.chupanov.narod.ru/Chinalaw/01/05.html (дата обращения: 29.03.2025).

2. Исохужаева М. Я. Актуальные вопросы управления электронной коммерцией в условиях цифровизации экономики Узбекистана // Экономика Центральной Азии. 2022. Т. 6, № 1. С. 33- 46. doi: 10.18334/asia.6.1.114528.

3. Васильев А.А., Шпопер Д., Печатнова Ю.В. Национальное правовое регулирование науки и научно-технического сотрудничества в Китае и России: сравнительный аспект // Идеи и идеалы. - 2020. - Т. 12, № 1, ч. 2. - С. 353-368. - DOI:10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-353-368.

4. Цифровая трансформация в Туркменистане: от стратегии к действию / [Электронный ресурс] // UNDP – 2024: [сайт]. – URL: https://www.undp.org/ru/turkmenistan/blog/cifrovaya-transformaciya-v-turkmenistane-ot-strategii-k-deystviyu (дата обращения: 29.03.2025).

5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосование 12 декабря 1993 года. : (с учётом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря

2008 года №6–ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7–ФКЗ, от 5 февраля 2014 года №2–ФКЗ, от 21 июля 2014 года №11–ФКЗ, от 14 марта 2020 года №1–ФКЗ, от 4 октября 2022 года №5–ФКЗ, от 4 октября 2022 года №6–ФКЗ, от 4 октября 2022 года №7–ФКЗ, от 4 октября 2022 года №8–ФКЗ). // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 30.03.2025).

УДК 342.724

Таймазова А.К.
обучающаяся 2 курса
Научный руководитель: Сильванович Ю.Н.
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы реализации одного из личных прав граждан Российской Федерации – права на свободу совести и вероисповедания. Анализируется содержание данного права и его отражение как в действующем российском законодательстве, так и в законопроектах. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейших изменений в законодательстве, регулирующем отношения в религиозной сфере, которые будут направлены на конкретизацию ключевых терминов и усиление контроля за соответствием Конституции Российской Федерации законопроектов.

Ключевые слова: конституционное право, свобода совести, свобода вероисповедания, религия, ограничение прав.

Abstract. The article discusses problematic issues of the realization of one of the personal rights of citizens of the Russian Federation – the right to freedom of conscience and religion. The article analyzes the content of this right and its reflection both in the current Russian legislation and in draft laws. The author concludes that there is a need for further changes in legislation regulating relations in the religious sphere, which will be aimed at specifying key terms and strengthening control over the compliance of draft laws with the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: constitutional law, freedom of conscience, freedom of religion, religion, restriction of rights.

Статья 28 Конституции Российской Федерации закрепляет право на свободу совести и вероисповедания, на право исповедовать любую религию как индивидуально, так и совместно с другими, либо не исповедовать ни одной из них, а также на свободный выбор и распространение религиозных и иных убеждений [1]. Данное право является одним из ключевых личных прав человека. Оно охраняется нормативными правовыми актами не только на национальном уровне, но и на международном.

В части 1 статьи 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ представлен более широкий перечень прав, связанных со свободой совести и вероисповедания, раскрывающий вышеприведенные положения Конституции РФ: так, согласно данному закону, в категорию личных прав анализируемой группы также входят права на проведение религиозных обрядов и церемоний, осуществление религиозного воспитания и обучения, а также на свободный выбор и распространение религиозных убеждений [2].

В современном правовом пространстве свобода совести и вероисповедания представляет собой сложное и многогранное правовое явление, которое, несмотря на свою фундаментальность, не является безграничным. Это положение закреплено в основополагающих документах как международного, так и национального уровня. В частности, международное сообщество выработало четкие критерии ограничения религиозной свободы. Конвенцией о защите прав человека определено, что такие ограничения допустимы только в том случае, если они продиктованы законом и необходимы для поддержания демократического порядка. При этом учитываются интересы общественной безопасности, охраны здоровья, нравственности и защиты прав других людей.

Ограничения конституционного права на свободу совести и вероисповедания, не отвечающие вышеуказанным положениям, как видится, неизбежно приведут к возникновению неравноправия между людьми, и, следовательно, к нарушению одного из основополагающих принципов права Российской Федерации – принципа равенства. В данном аспекте мы выражаем согласие с О.Р. Авериной, утверждающей, что «некоторые законотворческие инициативы органов власти подтверждают неравноправное положение конфессий в России» [3, с. 4].

Более того, в некоторых проектах законодательных актов, рассматриваемых Государственной Думой в последние годы, и вовсе предлагается ограничить права верующих.

Данные тенденции подтверждаются законопроектом № 755625-8 «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (на момент написания работы находится на рассмотрении), который призван ограничить проведение религиозных церемоний и публичного богослужения в многоквартирных жилых домах. Авторы законопроекта аргументируют необходимость данных мер тем, что скопления посторонних людей (включая нелегальных мигрантов) создают неудобства для собственников квартир и вызывают опасения у последних за безопасность не только их самих, но и их детей [4].

Нам представляется, что подобные ограничения являются нарушением свободы вероисповедания, гарантированной Конституцией Российской Федерации. Их противоправность обусловлена тем, что норма, предлагаемая в законопроекте, будет касаться в том числе и тех, кто не нарушал норм общественного порядка и не доставлял окружающим никаких неудобств. Если же действия участников богослужения либо иного обряда действительно нарушают нормы общественной и противопожарной безопасности, решением проблемы, обозначенной в законопроекте, может послужить контроль и применение соответствующих мер со стороны местных органов полиции, причем данные меры должны применяться к вышеупомянутым лицам тем же образом, что и к любым другим нарушителям общественной и противопожарной безопасности, безотносительно к их религиозной деятельности и убеждениям.

Более того, в вышеприведенном законопроекте (его текущей редакции) отмечается отсутствие критериев, определяющих систематичность проведения религиозных мероприятий. Данный недостаток не соответствует принципу правовой определенности и повлекут трудности в правоприменительной практике.

Что касается проблемы внесения в Государственную Думу подобных законопроектов, решением, воздействующим непосредственно на причину проблемы, может послужить повышение толерантности населения к представителям различных религиозных конфессий, их ритуалам и традициям. Его можно достичь посредством введения специальных образовательных программ, проведения тематических культурных мероприятий и создания соответствующей социальной рекламы. Также, представляется целесообразным создание общественного независимого совета, состоящего из представителей различных религиозных и светских организаций, который будет оценивать

законопроекты, касающиеся свободы совести и вероисповедания. Это поможет обеспечить более сбалансированный и разносторонний подход к рассмотрению подобных инициатив.

Помимо упомянутой выше проблемы, у российского законодательства в сфере урегулирования отношений, связанных с религией, есть существенный недостаток, заключающийся в недостаточной конкретизации некоторых терминов, используемых в тексте закона. К таким терминам, например, относятся «свобода совести» и «свобода вероисповедания».

Законодатель не дает конкретного определения данных понятий: Конституция Российской Федерации и Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» лишь частично раскрывают содержание прав на данные свободы. В то же время, в правовой доктрине по вышеупомянутому вопросу также высказываются весьма противоречивые мнения. Так, по мнению ученого-правоведа конца XIX – начала XX века К. К. Арсеньева, между рассматриваемыми категориями нет никакой разницы [5, с. 9–10]. Большинство современных ученых, в том числе О. А. Иванюк, не только придерживаются противоположной позиции, но и считают свободу вероисповедания более узким понятием, нежели свобода совести [6, с. 57].

Второй подход представляется более обоснованным, поскольку под свободой совести могут пониматься убеждения человека в любой системе ценностей, в том числе религиозной и моральной. Свобода вероисповедания, в свою очередь, подразумевает право человека на наличие у него и внешнее выражение исключительно религиозных убеждений.

Таким образом, проблема реализации права на свободу совести и вероисповедания по-прежнему остается актуальной. Дальнейшее совершенствование законодательства в данной сфере, в том числе легальная конкретизация понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания», а также контроль за соответствием поступающих на рассмотрение в Государственную Думу законопроектов Конституции Российской Федерации, помогут избежать социальных конфликтов на религиозной почве и обеспечить соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации : [Основной закон от 12.12.1993; с изм. от 01.07.2020 г.] – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

2. О свободе совести и о религиозных объединениях : [Федеральный закон № 125 от 26.09.1997; в ред. от 08.08.2024 г.] – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/. – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

3. Аверина, О.Р. Актуальные проблемы реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания // Власть и управление на Востоке России, 2013. – С. 1–9.

4. №755625-8 Законопроект : Система обеспечения законодательной деятельности // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). – URL: https://sozd.duma.gov.ru/. – (дата обращения: 17.03.2025).

5. Арсеньев, К. К. Свобода совести и веротерпимость : сборник статей / К. К. Арсеньев. – Санкт-Петербург : Тип. т-ва "Общественная польза", 1904. – 292 с.

6. Иванюк, О. А. Свобода совести и свобода вероисповедания: соотношение понятий и границы законодательного регулирования // Журнал российского права, 2010. – С. 46–58.

УДК 343.215

Ханин Р.Р.

Научный руководитель Отставнова Е.А., к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО "Саратовская государственная юридическая академия",
г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СТАТУСА ЛИЦ С ДВОЙНЫМ И МНОЖЕСТВЕННЫМ ГРАЖДАНСТВОМ В РОССИИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции двойного гражданства, которая является предметом дискуссий в научном сообществе. В работе рассматриваются аргументы и контраргументы российских и зарубежных исследователей, представляющих различные академические подходы к изучению этого феномена, анализируется опыт правового регулирования данного вопроса. Авторы статьи анализируют преимущества и недостатки двойного и множественного гражданства, его влияние на правовую и социальную сферы, а также выявляют актуальные проблемы и перспективы исследований в этой области.

Ключевые слова: Двойное гражданство, множественное гражданство, международные соглашения, зарубежный опыт, конституционное право.

Abstract The article is devoted to the analysis of the concept of dual citizenship, which is the subject of debate in the scientific community. The paper examines the arguments and counterarguments of Russian and foreign researchers representing various academic approaches to the study of this phenomenon, analyzes the experience of legal regulation of this issue. The authors of the article analyze the advantages and disadvantages of dual citizenship, its impact on the legal and social spheres, and identify current problems and research prospects in this area.

Keywords: Dual citizenship, multiple citizenship, international agreements, foreign experience, constitutional law.

Согласно действующему российскому законодательству, международным соглашениям и принципам конституционного права любое лицо может иметь гражданство иностранного государства в установленных федеральными законами и международными договорами, ратифицированными Россией. Новый федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» впервые провел различия между понятиями «множественное гражданство» и «двойное гражданство» [1]. Основным критерием в данной сфере является факт заключения Российской Федерацией международного договора о двойном гражданстве. Множественное гражданство возникает в том случае, если указанный договор отсутствует. Однако, существует ряд практических вопросов требующих законодательного урегулирования, например, определение прав и обязанностей граждан Российской Федерации, имеющих гражданство иностранного государства. Их список остается неизменным. Данный перечень не является исчерпывающим, так как вопросы двойного и множественного гражданства регулируются национальными законодательствами различных государств. В зависимости от специфики правовых систем иностранных государств, регулирование двойного или множественного гражданства может значительно различаться, что обусловливает необходимость тщательного анализа и учета национальных особенностей при решении данных вопросов.

Для анализа проблем в правовой регламентации вопросов двойного и множественного гражданства необходимо детально изучить отечественный и зарубежный опыт, что

позволит выявить ключевые проблемы и предложить эффективные пути их решения, учитывая национальные особенности и международные стандарты.

Останавливаясь подробно на проблеме разграничения двойного и множественного гражданства необходимо отметить, что Российская Федерация имеет действующий международный договор только с Республикой Таджикистан. Соглашения с Республикой Южная Осетия и Республикой Абхазия не вступили в действие. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что большинства граждан Российской Федерации, которые имеют иностранное гражданство, являются лицами именно с множественным гражданством [2, с. 241]. Проблема отсутствия заключения международных договоров о двойном гражданстве выражается в том, что лицо, имеющие гражданство России и гражданство иного иностранного государства, обязано проходить воинскую службу в обоих государствах, тогда как при заключении такого соглашения исполнение воинской обязанности происходит только в одном из договаривающихся государств. Наличие международного соглашения о двойном гражданстве решает также немаловажные вопросы, такие как вопросы медицинского обслуживания, социального обеспечения и т.д.

Представляется, что международное соглашение в настоящее время является самым эффективным способом решения проблем двойного/множественного гражданства. В соглашении можно предусмотреть спорные вопросы, пути урегулирования, а также четко разделить обязательства гражданина между государствами. Несмотря на потенциальные преимущества, международное соглашение о двойном гражданстве вызывает дискуссии среди учёных, включая российских и зарубежных экспертов, многие правоведы отмечают, что отсутствие данного соглашения является сдерживающим фактором развития сферы двойного гражданства [3, с. 51]. Например, Конституционный Суд РФ в Определении от 20 мая 2021 г. № 887-О сформулировал следующую правовую позицию о том, что при наличии иного гражданства помимо российского, для гражданина «значение гражданства Российской Федерации как политико-юридического выражения ценности связи с Отечеством объективно снижается» [4].

Стоит отметить, что во многих странах есть прямой запрет на возможность иметь одновременно два и более гражданства. Например, согласно соглашению о двойном гражданстве между Республикой Индонезия и Китайской Народной Республикой от 22 апреля 1955 года совершеннолетние лица, имеющие двойное гражданство, в течение 2 лет после его вступления в силу должны были выбрать определенное гражданство [5, с.159].

Анализируя опыт зарубежных стран в процессе регулирования вопросов двойного гражданства, следует обратить внимание на законодательный опыт Испании и Франции.

При сравнительном анализе правовых систем Испании и Российской Федерации необходимо отметить, что в законодательстве обоих стран предусмотрена возможность заключения договора о двойном гражданстве. Однако, есть отличительная черта, которая выражается в том, что законодательство Испании предусматривает, что договоры о двойном гражданстве страна может заключать со странами, которые имели или имеют особые связи с Испанией. Законодательство Российской Федерации содержит общие положения о том, что возможно заключение международных договоров о двойном гражданстве. Представляется возможным заимствовать положения законодательства Испании в части, что соглашения о двойном гражданстве могут быть заключены только со странами, имеющими особые связи с Российской Федерацией.

При анализе правого регулирования вопрос двойного гражданства во Франции следует отметить, что Гражданский кодекс Франции предусматривает, что гражданин Франции теряет французское гражданство, если проходит службу в иностранной армии или на иностранной государственной службе или в международной организации, частью которой Франция не является, либо оказывает помощь указанным организациям, если не уволился со своей службы или нарушает судебный запрет. Данное положение является актуальным для заимствования и внедрения в правовую систему российского законодательства.

Например, данные нормы возможно использовать в качестве оснований для отмены решений о приеме в российское гражданство.

В заключении стоит отметить, что, несмотря на то, что международное законодательство, а также правовые системы большинства стран предусматривают возможность наличия у лица двойного гражданства, общая тенденция по отношению к нему является отрицательной. Это продиктовано тем, что гражданин находится в политико-правовой связи одновременно с двумя государствами, а исполнение таких обязанностей гражданина, как военная служба, уплата налогов в разных странах является потенциальным риском для возникновения конфликтов интересов государств [6, с.75]. Многие ученные справедливо отмечают, что волеизъявлениями лица, которое обладает двойным гражданством, заинтересовано, как само лицо, так и государство [7, с.205]. Таким образом, заключение соглашения о двойном гражданстве представляется возможным между Российской Федерацией и дружественными странами, которые имеют историческую связь с Российской Федерацией. Это позволит избежать конфликтов интересов между странами, а также достичь наиболее эффективного регулирования вопросов двойного гражданства.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 28.04.2023 N 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О гражданстве Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2023. № 18, ст. 3215; 2024. № 33 (Часть I), ст. 4977.

2.Пронякина С, Ю. Двойное и множественное гражданство в России и за рубежом: правовое регулирование и правоприменение: специальность 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» : диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук/ Пронякина Светлана Юрьевна; Воронежский государственный университет. – Воронеж. – 2024. – 241 с. – Библиогр.: 192-241 С.

3. Багдасарян С.Д., Петрова С.В., Толчанов А.А. Институт двойного гражданства в российском законодательстве: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – №1. – С.51.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 2021 г. № 887-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Набиева Рашада Гасаноглы на нарушение его конституционных прав подпунктом 6 пункта 1 статьи 14 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.03.2025).

5. Договор между Китайской Народной Республикой и Республикой Индонезия по вопросу о двойном гражданстве от 22 апреля 1955 г. // Международная жизнь. - 1955. - № 6. - С. 156-159.

6. Пронякина С.Ю. Вопросы двойного гражданства в контексте взаимодействия международного и национального публичного права / С.Ю. Пронякина // Юридические исследования. – 2022. – № 5. – С. 61-75.

7.Трифонова К.В. Конституционно-правовой субинститут двойного гражданства в РФ: актуальные проблемы и перспективы развития // Экономика, управление, право и общество: Материалы VI Межрегиональной научно-практической сетевой интернет-конференции, Симферополь,15 октября 2021 года. – Симферополь. - 2022. - С. 199-205.

УДК 343.848.2

Харкевич К.А.
обучающаяся 3 курса
Научный руководитель: Прудникова Т.А., старший преподаватель, магистр управления и права, исследователь в области юридических наук.
Могилевский государственный университет имени А.А.Кулешова,
Республика Беларусь, г. Могилев

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ОСУЖДЕННЫМИ КАК ОСНОВА ИХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Представлен системный правовой анализ механизма коррекционных мер и его структурных элементов. Исследуется процесс исправления осужденных как многоуровневая система, включающая различные институты, направленные на непосредственное воздействие на личности осужденных или на создание условий, поддерживающих их социальную адаптацию и ресоциализацию. Автор выдвигает предложения по внедрению концепции ресоциализации в законодательство Республики Беларусь, регулирующее исполнение уголовных наказаний.

Ключевые слова: осужденный, воспитательная работа, процесс исправления, воспитательное мероприятие.

Abstract. A systematic legal analysis of the mechanism of corrective measures and its structural elements is presented. The article examines the process of convict correction as a multilevel system, including various institutions aimed at directly influencing the personality of convicts or at creating conditions that support their social adaptation and re-socialization. The author puts forward proposals for the implementation of the concept of re-socialization in the legislation of the Republic of Belarus regulating the execution of criminal penalties.

Keywords: convict, educational work, correction process, educational event.

Рост преступности и криминализация общества обуславливают актуальность социальной адаптации осужденных до и после освобождения. Бывшие заключенные сталкиваются с маргинализацией: проблемами трудоустройства, жилья, семьи и негативным отношением общества.

Пребывание в местах лишения свободы способствует дезадаптации: психологические расстройства, изоляция, разрыв связей, ассимиляция с криминальными нормами, ухудшение условий жизни и здоровья, потеря навыков самостоятельной жизни. Без должной поддержки высока вероятность повторного совершения преступлений. Ресоциализация освобожденных – ключевая задача педагогики, криминологии и уголовного законодательства, определяющая успех исправления и адаптации. Государство должно минимизировать негативные последствия изоляции и создать условия для реинтеграции в общество. Проблема ресоциализации усугубляется утратой социальных связей и навыков, что делает ее сложной и требующей комплексного подхода.

Как указывает М. С. Рыбак, ресоциализация имеет три основных аспекта: «вторичную» социализацию (освобождение от вредных «тюремных» привычек и получение полезных социальных навыков); социальную адаптацию (приспособление к изменившимся жизненным 7 условиям); социальную реабилитацию (восстановление утраченного гражданского и социального статуса) [1, с. 184].

В учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) Республики Беларуси реабилитация осужденных носит социально-педагогический характер, фокусируясь на формировании готовности к законопослушному поведению. Важнейшую роль играет связь воспитательных мероприятий и активной позиции осужденных,

стремящихся к самоизменению. Это подчеркивает необходимость выбора эффективных моделей педагогического воздействия. Цель – достижение целей уголовной ответственности, определенных ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь: исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как самими осужденными, так и другими лицами. Воспитательная работа с осужденными к лишению свободы – это целенаправленная деятельность сотрудников исправительных учреждений и других организаций, направленная на формирование у осужденных стремления к общественно полезной деятельности и успешной социальной адаптации. Цель – преодоление негативных качеств, привитие добросовестного отношения к труду, законопослушания, соблюдения норм поведения и повышение культурного уровня [1, с. 188].

Уголовно-исполнительное право Республики Беларусь адаптировало принципы советского исправительно-трудового законодательства, сохранив присущую ему типологию воспитательных мероприятий, классифицируя их на коллективные и индивидуальные. Эта классификация основывается на числе осужденных, вовлеченных в воспитательные действия и подлежащих воздействию. В коллективных мероприятиях объектом воздействия становится весь коллектив осужденных в учреждении или его определенная группа. Напротив, индивидуальные мероприятия нацелены на конкретного осужденного.

В уголовной системе воспитательные мероприятия делятся на коллективные (лекции, беседы, диспуты, викторины, культурные и спортивные события) и индивидуальные (беседы, задания, аттестации). Коллективные мероприятия направлены на формирование правопослушного поведения. Персонализированные образовательные программы разрабатываются индивидуально, учитывая особенности и недостатки осужденного, приведшие к преступлению. Выделяют групповые и персонализированные образовательные действия. Совместные образовательные проекты в УИС усиливают эффект индивидуальных программ и способствуют их совершенствованию, служа основой для позитивного воздействия [2, с. 216].

Уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларуси предусматривает обязательное вовлечение осужденных в воспитательные мероприятия (коллективные и индивидуальные) под контролем сотрудников УИС, а также представителей общественных и государственных организаций. Сотрудник УИС координирует и управляет действиями осужденных в процессе, направляя их к достижению целей воспитательной работы. Основное внимание уделяется контролю и организации процесса. Воспитательные мероприятия, воздействуя на эмоциональную сферу, формируют у осужденных мотивы, осознанные причины поведения, учитывающие индивидуальные социально-психологические особенности, и стимулируют мотивацию. Цель этой работы – создание устойчивой системы мотивов, способствующих правопослушному поведению после освобождения.

Переживания – основа формирования мотивов осужденных, возникающие из-за внутренних противоречий, общения, информации о ресоциализации и влияния окружения. УИС создает условия для позитивных изменений через педагогические методы, организуя общение и вызывая чувства, мотивирующие к исправлению. Особое значение имеют переживания успеха и общественного одобрения, формирующие мотивацию к самосовершенствованию и действиям, необходимым для ресоциализации. Регулярное создание таких переживаний, учитывающих индивидуальные особенности осужденного, стимулирует внутреннее стремление к положительным изменениям. В связи с этим необходимо внести изменения в уголовно-исполнительное законодательство для уточнения понятия воспитательной работы и мероприятий в этой области [3, с. 35].

Такой взгляд на воспитательную деятельность подчеркивает ее глубокую связь с ресоциализацией осужденных, которая осуществляется через средства, определенные в ч. 3 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК). Специфика применения этих

средств исправления зависит от «правового режима наказания». Таким образом, уголовно-исполнительное право утверждает, что практические методы воспитательной работы, базирующиеся на единой методологии, имеют свои особенности в зависимости от вида наказания, на что указывает законодатель в ч. 4 ст. 7 УИК [4].

Правовое регулирование воспитательной деятельности с осужденными для их ресоциализации учитывает особенности типов наказаний, определяющих порядок исполнения и отбывания. Различия в наказаниях влияют на ограничения для осужденных и их возможности ресоциализирующей активности. Организация воспитательной работы требует единой педагогической методологии, адаптированной к конкретному типу наказания, учитывая характер и объем ограничений, а также потенциал для проявления осужденными самостоятельности в процессе ресоциализации.

Определение воспитательной работы, указанное в части 1 статьи 104 УИК, целесообразно переформулировать следующим образом: «Воспитательная работа - это система мероприятий, основанная на педагогических методах и осуществляемая работниками учреждений УИС как в коллективной, так и в индивидуальной формах (включая участие представителей государственных органов и общественных организаций), направленная на формирование у осужденных необходимых социально значимых компетенций для правопослушного поведения, предоставление возможностей для их практического применения и позитивное подкрепление стремления к ресоциализации и изменениям в поведении.»[4].

Для адекватного восприятия термина «воспитательное мероприятие» и единого его применения в практике на основе законодательных актов, касающихся мероприятий по исправлению осуждённых и их ресоциализации, целесообразно внести дополнение в статью 104 УИК, добавив часть 11 следующего содержания: «Воспитательное мероприятие представляет собой специально организованную и координируемую сотрудником учреждения УИС ситуацию (событие), которая подразумевает принудительное вовлечение осуждённых (осуждённого) в определённые виды деятельности и/или общения. В ходе этих мероприятий у осуждённых должны возникнуть специфические переживания, способствующие пробуждению (формированию) внутренних мотивов, направленных на положительные изменения их личностного состояния через активные действия [4].

Список использованных источников:

1. Павленко, Д. А. Сущность и содержание процесса исправления лиц, осужденных за преступление, в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь / Д. А. Павленко // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выступлений и докл. участников IV Междунар. пенитенциар. форума, Рязань, 20–22 нояб. 2019 г. : в 10 т. / Акад. ФСИН России.— Рязань, 2019. — Т. 1. — С. 183–189.

2. Павленко, Д. А. Подход к расширению перечня средств исправления осужденных в уголовно-исполнительной системе Республики Беларусь / Д. А. Павленко // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития : сб. тез. выступлений и докл. участников, Рязань, 18–19 нояб. 2020 г. : в 6 т. / Акад. ФСИН России. — Рязань, 2020. — Т. 1. — С. 216–220.

3. Ананьев, О. Г. Реформирование воспитательной и психологической работы с осужденными в исправительных учреждениях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 10. С. 34-37

4. Уголовно-исполнительный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г. № 365-З: принят Палатой Представителей 4 декабря 1999 г., одобр. Советом Респ. 22 декабря 1999 г.: в редакции Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 343.6

Черниенко В. Д.
Научный руководитель: Скалпешкина К.В., преподаватель-стажер
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
Республика Беларусь, Могилев

О ПРОБЛЕМАТИКЕ СУИЦИДАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В данной статье анализируется проблематика квалификации преступлений, связанных с суицидом, в уголовном законодательстве Республики Беларусь, в частности, составы преступлений, предусмотренные статьями 145 и 146 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Исследуются проблемы, связанные с отсутствием четкого определения понятия «самоубийство», разграничением субъективной стороны составов преступлений и сложностями квалификации. Предложено рассмотреть возможность заимствования опыта Российской Федерации в части установления ответственности за распространение информации, пропагандирующей самоубийство.

Ключевые слова. Суицид, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, уголовное право, квалификация преступлений.

Abstract. This article analyzes the problems of qualifying suicide-related crimes in the criminal legislation of the Republic of Belarus, in particular, the elements of crimes provided for in articles 145 and 146 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. The problems associated with the lack of a clear definition of the concept of "suicide", the differentiation of the subjective side of crimes and the complexity of qualifications are investigated. It is proposed to consider the possibility of borrowing the experience of the Russian Federation in terms of establishing responsibility for the dissemination of information promoting suicide.

Keywords. Suicide, suicidal behavior, suicidal tendencies, criminal law, qualification of crimes.

В современном уголовном законодательстве Республики Беларусь особое внимание уделяется проблеме суицида, что обусловлено расширением числа общественно опасных деяний, связанных с психологическим воздействием на уязвимые группы населения. В рамках Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) функционируют две специальные нормы, регулирующие уголовную ответственность за такие деяния: статья 145 «Доведение до самоубийства» и статья 146 «Склонение к самоубийству». В последние годы наблюдается негативная тенденция – в глобальной сети возникают организации, которые целенаправленно подбирают жертв и оказывают на них манипулятивное воздействие, что требует не только правозащитной реакции, но и особого законодательного осмысления [1].

В ответ на эти вызовы в Уголовный Кодекс Республики Беларусь была введена новая статья – 342^1, касающаяся «Пропаганды самоубийства». Однако на сегодняшний день в действующем законодательстве все еще отсутствует четкое определение термина «самоубийство», что создает правовую неопределенность и затрудняет квалификацию преступлений. Важно детально разграничить составы преступлений, предусмотренные статьями 145 и 146 УК Республики Беларусь, так как они имеют разные правовые последствия и охватывают различные аспекты взаимодействия между субъектом преступления и потерпевшим.

В юридической литературе нет единого мнения о субъективной стороне преступления, предусмотренного ст. 145 УК Республики Беларусь. Одни ученые считают, что вина может быть умышленной, проявляющейся в прямом или косвенном умысле.

Другие же утверждают, что вина возможна также в форме неосторожности. В. И. Семенцов полагает, что действия, направленные на доведение потерпевшего до самоубийства, следует квалифицировать как убийство по ст. 139 УК. Сторонники первой точки зрения считают такое мнение ошибочным, так как виновный не совершает действий, непосредственно приводящих к смерти потерпевшего [2;330-340].

Хатуев В. Б. подчеркивает, что если с прямым умыслом до самоубийства доводится невменяемое лицо или малолетний, не способный в силу своего возраста и психического состояния осознавать значение своих действий или руководить ими, то содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь [3;29]. Не исключается возможность квалификации действий виновного как убийство в случае физического принуждения потерпевшего к самоубийству, когда воля последнего полностью подавлена.

В литературе встречается также экстраординарная позиция: квалификация действий по ст. 145 УК Республики Беларусь возможна только при доведении до самоубийства по неосторожности в виде небрежности. Данная концепция предполагает, что угрозы, жестокое обращение с потерпевшим, систематическое унижение человеческого достоинства являются изощренным способом совершения убийства. Поэтому, если лицо умышленно приводит другое лицо в такое психическое состояние, что последнее единственным избавлением от мучений видит лишение себя жизни, такое деяние следует квалифицировать как убийство [1;114]. Следование столь радикальному подходу не позволяет достичь объективного и сбалансированного понимания рассматриваемого вопроса. Согласно ст. 23 УК Республики Беларусь, деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением в случае, когда это предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного Кодекса [4;52]. Нормативная интерпретация, как названия, так и диспозиции ст. 145 УК Республики Беларусь, определяющей состав преступления, не позволяет обнаружить соответствующих указаний на заявленные конструктивные признаки.

В научной литературе сложилось устоявшееся мнение о том, что состав преступления, связанный с доведением до самоубийства, по своей законодательной конструкции в объективной стороне представляет собой материальный состав. Коняхин В. П., например, полагает, что в рамках этого подхода решаются ключевые вопросы, касающиеся момента завершения преступления, а также вины в отношении причиненных последствий и других аспектов, имеющих уголовно-правовое значение [3;30].

Конструкция нормы, устанавливающей ответственность за склонение к самоубийству, предоставляет основания для более глубокого анализа. В соответствии с ч. 1 ст. 146 УК Республики Беларусь, помимо описания преступного поведения, содержится импликативное суждение: «если лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на него». Данная формулировка указывает на то, что суицид или его попытка выступают лишь необходимым условием для привлечения к уголовной ответственности за склонение к самоубийству [5;199-201].

Основанием для возникновения уголовно-правовых отношений в данном контексте являются два взаимосвязанных юридических факта: 1. общественно опасное деяние одного лица, направленное на возбуждение у другого лица решимости совершить акт суицида; 2. сознательный и волевой поступок другого лица, проявляющийся в совершении суицида или в попытке к его осуществлению.

Законодатель, определяя пределы уголовной ответственности за склонение к самоубийству, акцентирует внимание на специфике данного состава. Психическое отношение виновного трактуется как прямой умысел с целью возбуждения у другого лица решимости совершить суицид [7;178]. Склонение к самоубийству конкурирует с доведением до самоубийства и убийством, при этом доведение представляет собой более опасное деяние, характеризующееся жестокими методами воздействия на жертву. Эти методы могут принуждать жертву к самоубийству, что обосновывает более строгую ответственность за доведение.

Статья 146 УК Республики Беларусь не содержит конкретных упоминаний о способах воздействия, но любое такое воздействие может квалифицироваться как склонение. Применение физического насилия будет квалифицироваться как доведение до самоубийства. Н. К. Семернева полагает, что при наличии прямого умысла на доведение к самоубийству содеянное должно квалифицироваться как убийство [8;92]. Однако можно утверждать, что при доведении виновный не совершает действий, непосредственно ведущих к смерти потерпевшего. Не исключается также квалификация содеянного как убийства, особенно если потерпевшим является психически больное или малолетнее лицо. В этом случае самоубийство должно квалифицироваться как лишение жизни беспомощного лица, поскольку оно интегрируется в механизм убийства.

Целесообразно рассмотреть заимствование опыта ст. 110.2 УК Российской Федерации, которая устанавливает ответственность за распространение информации, пропагандирующей самоубийство, и создание условий для его совершения. Такой подход учитывает современные социальные и психологические аспекты, особенно в условиях цифрового общества, где интернет и социальные сети играют значительную роль в распространении опасного контента [9]. Введение подобных норм в УК Республики Беларусь могло бы усилить защиту уязвимых групп от негативного влияния.

Существующие нормы (ст. 145, 146 УК РБ) требуют уточнения, особенно в части субъективной стороны преступления. Введение ст. 342^1 УК Республики Беларусь о пропаганде самоубийства подчеркивает актуальность проблемы, но отсутствие четкого определения термина создает правовую неопределенность. Необходимо дополнить законодательство положениями, учитывающими современные реалии, и заимствовать опыт других стран, что позволит лучше защищать уязвимые группы от негативного воздействия.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2024.

2. Уголовное право : учеб. пособие / А. В. Барков [и др.] ; под ред. А. Л. Савенка, А. В. Шидловского, К. С. Захилько. – Минск : БГУ, 2023. – 607 с.

3. Марчук, В. В. К вопросу о квалификации склонения к самоубийству // Криминалистъ. – Минск, 2019. – № 1 (26) – С. 31.

4. Пантелеева, Н. В., Соркин, Г. С., Минина, В. В. Уголовное право (особенная часть): теория и практика : учебно-методическое пособие. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 508 с.

5. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Преступление и наказание / Ю. В. Голик и др. ; под ред. А. И. Коробеева. – СПб., 2008. – С. 199 – 201.

6. Барков А. В., Горелик И. И. Субъективная сторона преступления // Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть. – Минск, 2018. – С. 245.

7. Бажанов С. А. Вина в преступлении, предусмотренном ст. 145 УК Республики Беларусь // Уголовное право Республики Беларусь: проблемы теории и практики. - Минск, 2019. – С. 178.

8.Семенцов В. И. Доведение до самоубийства с прямым умыслом // Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: проблемы квалификации. – Минск, 2020. – С. 92.

9.Сорокина Е. Н., Валяева А. В. Доведение до самоубийства: уголовно-правововые и виктимологический аспекты. // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2017. – Т. 5, № 1 (17). – URL: http://esj.pnzgu.ru – ISSN 2307-9525 (дата обращения: 03.02.2025).

УДК 349.2

Четав Д.А.
Научный руководитель: Баева С.С., к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
Россия, г. Краснодар

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ТРУДА И ЕЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные аспекты государственной политики в сфере труда, осуществляемой посредством нормативно-правового регулирования, проводится анализ российской системы трудового законодательства и выявляются проблемные зоны в регламентации трудовых правоотношений. Особое внимание уделяется современным вызовам, связанным с цифровизацией условий работы и распространением нестандартных форм занятости населения. Предлагаются перспективные направления совершенствования государственной политики, учитывающие актуальные тенденции социально-экономического развития РФ.

Ключевые слова: Государственная политика, сфера труда, нормативно-правовое регулирование, ТК РФ.

Abstract: The article examines certain aspects of state policy in the sphere of labor, implemented through legal regulation, analyzes the Russian system of labor legislation and identifies problem areas in the regulation of labor relations. Particular attention is paid to modern challenges associated with the digitalization of working conditions and the spread of non-standard forms of employment of the population. Prospective directions for improving state policy are proposed, taking into account current trends in the socio-economic development of the Russian Federation.

Keywords: State policy, labor sphere, legal regulation, Labor Code of the Russian Federation.

Государственная политика в сфере труда представляет собой системообразующий элемент социального и экономического уровня развития любого государства, определяющий эффективность использования трудового потенциала граждан, проживающих в нем.

В современных условиях трансформации общества особую значимость приобретают вопросы усовершенствования нормативно-правового регулирования трудовых отношений.

В иерархии нормативно-правовых актов (далее – НПА), представляющих в совокупности российское трудовое законодательство, центральную позицию занимает Конституция РФ, которая наделяет Президента РФ правом принимать указы, содержащие нормы трудового права, а Правительство РФ – соответствующие постановления, она же и предусматривает принятие ФКЗ, ФЗ [1].

В многоуровневой системе НПА немаловажную роль играет Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) как кодифицированный законодательный акт, закрепляющий основные задачи по обеспечению необходимых условий для достижения согласования интересов сторон трудовых отношений и государства [2].

ТК РФ был введен в действие 1 февраля 2002 г. и с тех пор неоднократно подвергался корректировкам. 17 ноября 2021 г. был принят ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», который урегулировал особенности электронного документооборота и дистанционной (удаленной) работы [3]. Данная новелла

свидетельствует о попытках законодателя адаптировать правовую базу к изменившимся условиям организации труда.

К источникам трудового права относятся акты федеральных органов исполнительной власти, принимаемые в пределах их компетенции. Положения о федеральных министерствах, службах и агентствах, руководство которыми осуществляет Президент РФ, утверждаются главой государства (положения о данных ведомствах, руководство которыми осуществляет Правительство РФ, утверждаются им же). Указанные подзаконные НПА наделяют соответствующие органы нормотворческими полномочиями в трудовой сфере. Регулирование могут осуществлять органы исполнительной власти субъектов РФ, органы МСУ.

Локальные нормативные акты (далее — ЛНА) предусматриваются коллективным договором или соглашением по согласованию с представительным органом работников (при его наличии). Законодатель устанавливает гарантии для сотрудников в случае возможного ухудшения их положения при принятии ЛНА без соблюдения порядка учета мнения первичной профсоюзной организации. В таком случае применяется трудовое законодательство и иные НПА, коллективные договоры, соглашения, целью которых является защита нарушенных прав работников (ст. 8 ТК РФ).

Следует отметить, что спецификой государственного регулирования трудовой сферы является применение централизованного и децентрализованного методов, позволяющих обеспечить сбалансированность интересов субъектов данного вида правоотношений.

Первый указанный метод устанавливает общеобязательные для всех нормы, а второй – нормы, регламентирующие узконаправленные вопросы.

В российской правовой системе судебный прецедент не является общепризнанным источником трудового права в том виде, в каком он понимается в странах англо-саксонской правовой семьи, однако, на наш взгляд, он играет существенную роль в понимании того, как действуют нормы.

Постановление Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» как акт официального толкования разъясняет общие правила разрешения трудовых споров [4].

Анализ современного состояния государственной политики в сфере труда позволяет выявить ряд актуальных проблем, требующих комплексного решения.

Цифровизация трудовых правоотношений привела к появлению такой нестандартной формы занятости, как дистанционная (удаленная) работа, которая предполагает выполнение сотрудником на постоянной или временной основе трудовой функции за пределами обусловленного рабочего места, находящегося под посредственным или непосредственным контролем работодателя. Необходимо подчеркнуть, что некоторые аспекты указанной формы занятости находятся в «серой зоне» правового регулирования, поскольку законодательство не всегда успевает за быстро меняющейся технологической средой.

Политика занятости населения осуществляется как в активной (меры, направленные на непосредственное содействие трудоустройству граждан), так и в пассивной (меры, обеспечивающие поддержку граждан, оказавшихся без работы) формах.

Нарастающая дигитализация, которая активно конвертирует информацию в цифровую форму, порождает новые риски, связанные с защитой персональных данных работников и работодателей. Внедрение электронного документооборота в трудовые правоотношения, с одной стороны, упрощает взаимодействие их субъектов, а с другой – создает опасность нарушения конфиденциальности, что говорит о двойственной природе положений ст. 22.1 ТК РФ.

Острой проблемой является недостаточная эффективность механизмов социального партнерства, направленного на согласование рабочих интересов [5, с. 56]. На практике порой наблюдается формализм при заключении коллективных договоров или соглашений

и непостоянная вовлеченность работников в процессы переговоров по вопросам внутренней организации труда.

Наличие вышеуказанных проблем позволяет определить перспективные направления усовершенствования государственной политики в сфере труда.

Целесообразно было бы внести дополнение в действующую редакцию ТК РФ в виде новой главы, которая регламентировала бы особенности труда лиц, работающих в онлайн-формате, и развить концепцию цифрового трудового договора (ЦТД), которая предполагала бы оформление трудовых правоотношений с интеграцией всех необходимых кадровых процессов.

Необходимо разработать и внедрить в рабочий процесс отвечающие современным условиям электронные программы, которые будут подавать сигналы о возможной утечке персональных данных работников для того, чтобы они смогли своевременно предпринять меры безопасности, обеспечить эффективный контроль за соблюдением трудового законодательства посредством усиления надзорной деятельности государственных инспекций труда по выявлению и пресечению нарушений прав.

Таким образом, синхронизация огромного потенциала государственной политики в сфере труда с быстро изменяющимися социально-экономическими реалиями позволит создать более устойчивую систему нормативно-правового регулирования трудовых отношений.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Российская газета. — 2001. — № 256.

3. Федеральный закон от 22.11.2021 № 377-ФЗ (последняя редакция) «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 48. – Ст. 7947.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2004 г. — № 72.

5. Петров, А. Я. Социальное партнерство в сфере труда: история, теория, право : учебник для ВУЗов / А. Я. Петров. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 64 — URL: https://urait.ru/bcode/568312/p.64 (дата обращения: 03.04.2025).

УДК 343.215

Чубенко Н.Е.
Научный руководитель: ***Кисс С.В.***
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД РОССИИ

Аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена современной необходимостью разработки и внедрения инновационных технологий в деятельность МВД России. Ввиду имеющихся отставаний по вопросам применения технологий обоснована потребность прорывного развития научных фундаментальных и прикладных исследований в этой области, безотлагательного совершенствования нормативно-правового и

методического обеспечения, подготовки квалифицированных кадров. Применение цифровых технологий в деятельности МВД России сопряжено с комплексом вызовов, требующих глубокого осмысления в рамках правового поля и этических норм. Предложен путь решения проблемных вопросов — создание цифровой экосистемы применения цифровых технологий в деятельности МВД России.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, право и этика, искусственный интеллект.

Abstract. The relevance of the topic of the article is due to the modern need to develop and implement innovative technologies in the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Due to the existing delays in the application of technologies, the need for breakthrough development of scientific fundamental and applied research in this field, urgent improvement of regulatory and methodological support, and training of qualified personnel is justified. The use of digital technologies in the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia is associated with a set of challenges that require deep understanding within the framework of the legal framework and ethical standards. A way to solve problematic issues is proposed — the creation of a digital ecosystem for the use of digital technologies in the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: digitalization, digital technologies, law and ethics, artificial intelligence.

В современном мире стремительное развитие цифровых технологий влияет не только на повседневную жизнь граждан, но и деятельность государственных институтов, включая Министерство внутренних дел России (далее – МВД России). Актуальность изучения правовых и этических аспектов применения цифровых технологий в деятельности МВД России обусловлена необходимостью балансировать между повышением эффективности правоохранительных мер и сохранением фундаментальных прав человека, таких как тайна личной жизни, свобода от дискриминации и гарантия справедливости.

Правовая основа, регламентирующая применение цифровых технологий, находится в процессе формирования. Правовые аспекты использования цифровых технологий в деятельности МВД России основы на положениях Конституции Российской Федерации, Федеральных законов и ведомственных актов МВД России.

Стоит отметить, что внесенные в 2020 году поправки в Конституцию Российской Федерации отражают новые тенденции цифровой среды. Внесенные поправки в п.п. «и», «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации, устанавливающая предметы федерального ведения в системе разделения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектами, отражают изменения в обеспечении безопасности личности, общества и государства при применении информационных и цифровых технологий [2, с. 6].

Рассматривая нормативную основу, стоит обратить внимание на положения Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях Европейской комиссии по эффективности правосудия, которая содержит принципиальные положения в области использования искусственного интеллекта и больших данных, отмечая в то же время необходимость соблюдения прав и свобод личности, декларированных в соответствующих конвенциях.

На данный момент существующие Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», а также Федеральный закон от 25.03.2011 №63-ФЗ «Об электронной подписи» регламентируют отдельные аспекты применения цифровых технологий в деятельности МВД России.

Также важно упомянуть, что на протяжении последних пяти лет МВД Росси активно реализовывает Ведомственную программу цифровой трансформации МВД России, утвержденную Распоряжением МВД России от 25.01.2023 №1/649 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2023 - 2025 годы».

Например, использование искусственного интеллекта для анализа больших данных позволяет прогнозировать зоны повышенной криминальной активности, но одновременно возникает риск алгоритмических ошибок, способных привести к стигматизации отдельных социальных групп или необоснованному вмешательству в частную жизнь граждан.

Реализация программы цифровой трансформации МВД России призвана способствовать значительному улучшению качества цифровых услуг для населения; решение программы позволит минимизировать издержки государственного управления; положительно скажется на повышении сбора налогов; позволит улучшить качество борьбы с теневой экономикой. Имплементация программы сможет повысить уровень надежности и безопасности информационных МВД России [1, с. 288].

Стоит отметить, что данные нормативные акты задают общие рамки, однако специфика использования нейросетей, искусственного интеллекта и биометрической идентификации полностью не урегулирована.

Возможности современных цифровых технологий обширны, что позволяет собирать и получать информацию о гражданах, в том числе личные данные и специфические биометрические признаки. Неправомерное использование личной информацией приведет к нарушению конституционных прав и свобод граждан.

Этическая составляющая тесно переплетается с правовой. Даже если процедура применения цифровых технологий соответствует закону, её применение может противоречить моральным принципам. Например, массовое распознавание лиц в публичных пространствах, теоретически направленное на поиск преступников, де-факто превращает каждого гражданина в объект постоянного наблюдения, подрывая доверие к власти и создавая атмосферу тотального контроля [3, с. 182].

В данном контексте ключевым становится вопрос пропорциональности: соответствуют ли масштабы вмешательства в личную жизнь уровню угрозы, на предотвращение которой направлены меры? Ответ требует публичного обсуждения с участием не только юристов и технологических экспертов, но и гражданского общества, чьи права напрямую затрагиваются нововведениями [4, с. 115].

Кроме того, правовые и этические рамки не могут оставаться статичными: они должны эволюционировать, обеспечивая гибкость, достаточную для адаптации к инновациям. Только так можно достичь главной цели — обеспечения безопасности без ущемления свобод, укрепляя тем самым социальный договор между государством и гражданином в условиях цифровой трансформации.

Таким образом, подводя итог научной работы, стоит отметить, что рост киберпреступности, увеличение объема данных, развитие цифрового общества делает цифровизацию МВД России объективной необходимостью, но параллельно требует от сотрудников не только технической грамотности, но и понимания этических границ при реализации своих функций. В целом, цифровые технологии системы распознавания лиц, алгоритмы прогнозной аналитики или автоматизированные базы данных, открывают новые возможности для предотвращения и раскрытия преступлений, оптимизации ресурсов и усиления общественной безопасности.

Список использованных источников:

1. Волкова В.В., Галдина Э.О. Использование цифровых технологий в органах внутренних дел // Современная научная мысль. 2022. №6. С. 287-291.

2. Галдина Э. О. Основные направления развития законодательства при использовании цифровых технологий в деятельности ОВД // Лучшее научное эссе 2023 : сборник материалов международного конкурса, Москва, 25 января 2023 года. – Москва: Научно-издательский центр "Империя", 2023. – С. 6-8.

3. Кубасов И.А. Проблемные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник ВИ МВД России. 2021. №3. С. 180-186.

4. Шушеначев А.В., Назаров А.Д. Этический аспект применения цифровых технологий в правоохранительной сфере // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 11А. С. 113-120.

УДК 342.7

Шлыкова К. М.
Научный руководитель: Танимов О. В. д.ю.н., доцент
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»,
Россия, г. Москва

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЖАЛОБА В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о значении конституционной жалобы в Российской Федерации, ключевые особенности этого института, его закрепление в российском законодательстве. Изучается, в каких случаях, кем и в какой форме может быть подана конституционная жалоба. Освещаются проблемы, с которыми люди чаще всего сталкиваются при желании восстановить свои нарушенные права и свободы.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, права и свободы, конституционная жалоба, ценность конституционного судопроизводства, правозащитный механизм.

Abstract: the article discusses the importance of the constitutional complaint in the modern world, the key features of this institution, and its incorporation into Russian legislation. Who are studying it in which cases, and in what form a constitutional complaint can be filed. It highlights the problems that people most often face when they want to restore their violated rights and freedoms.

Keywords: The Constitutional Court of the Russian Federation, rights and freedoms, constitutional complaint, the value of constitutional legal proceedings, human rights mechanism.

В Российской Федерации права и свободы человека и гражданина не просто закрепляются на конституционном уровне, но и гарантируются государством. Одной из таких гарантий является право на судебную защиту нарушенных прав и свобод. "Именно судебная власть является главным «хранителем» конституционных ценностей" [8, с. 134]. Защита прав и свобод человека посредством конституционного судопроизводства занимает особое место среди правозащитных мер в современной правовой системе.

Впервые в России конституционное судопроизводство было закреплено Законом РСФСР от 12 июля 1991 года "О Конституционном суде РСФСР", который и заложил основу дальнейшего исторического прогресса этого суда [4]. 12 декабря 1993 года посредством референдума была принята новая Конституция РФ, в состав которой включена статья 125, устанавливающая новые правовые основы деятельности Конституционного Суда [1]. Далее, уже в 1994 году был принят ФКЗ "О Конституционном Суде РФ" [2], регламентирующий деятельность действующего Конституционного Суда на сегодняшний день [9].

На конституционном уровне был закреплен новый вид судопроизводства - конституционное правосудие, действие которого призвано осуществлять контроль за соответствием нормативных правовых актов Конституции РФ, осуществляемое при рассмотрении индивидуальных и коллективных жалоб [6, с. 3-5]. Стоит отметить: "...лицо,

чьи права потенциально нарушены, именно в рамках конституционного судопроизводства получает такие средства правовой защиты, которые не доступны ему в рамках иных видов судопроизводства" [7, с. 40].

Право граждан на обращение в Конституционный суд за защитой своих прав и свобод регламентируется статьей 96 ФКЗ "О Конституционном Суде РФ", что также находит подтверждение в части 4 статьи 125 основного закона, в которой сказано о том, что Конституционный Суд проверяет конституционность законов и иных нормативных актов, на основании заявленной жалобы о нарушении конституционных прав и свобод граждан.

Статьёй 97 ФКЗ "О Конституционном Суде РФ" предусмотрены условия допустимости жалобы: наличие признаков нарушения конституционных прав и свобод гражданина, чему послужило применение оспариваемого нормативного акта в конкретном деле; исчерпание всех внутригосударственных средств судебной защиты прав гражданина; подача в срок не позднее одного года после принятия судебного решения. Кроме того, немаловажно отметить пределы проверки обжалованного нормативного акта, указанные в статье 99 ФКЗ "О Конституционном Суде": заявитель или заинтересованное лицо может потребовать проверку конституционности по содержанию нормы, по форме, по порядку подписания, заключения, принятия, опубликования или введения в действие, по соблюдению принципа разделения власти и по разграничению компетенций между федеральными органами, а также с точки зрения разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и власти субъектов. Все вышеперечисленные требования к подаче конституционной жалобы помогают обеспечить стабильное функционирование всей судебной и государственной системы РФ, не допустить параллельного правосудия.

На основании части 4 статьи 125 Конституции РФ и статьи 96 ФКЗ "О Конституционном Суде РФ" можно сделать вывод, что субъектами, обладающими правом на подачу конституционной жалобы, являются: граждане, юридические лица и муниципальные образования в лице органов местного самоуправления, суды, а также - в интересах таких граждан и юридических лиц - Уполномоченный по правам человека в РФ и субъектах РФ, иные органы и должностные лица, в соответствии с ФЗ.

Реализация права на конституционную жалобу в России сталкивается с рядом существенных препятствий, ограничивающих его эффективное воплощение. Одной из таких проблем можно выделить высокий порог допустимости, так как Конституционный Суд принимает к рассмотрению лишь ограниченное количество жалоб, а значит, он способен удовлетворить лишь малую часть заинтересованных лиц: за 2024 год было зафиксировано 13258 обращений в Конституционный Суд [10], постановлений же было вынесено лишь 58 [11]. Также подготовка и подача жалобы - это сложная юридическая процедура, требующая глубоких знаний в области права. Граждане, не обладающими такими навыками, вынуждены обращаться за помощью квалифицированного юриста, оплата услуг которого могут быть непосильными для значительной части населения. Отсутствие активной информационно-разъяснительной деятельности государства приводит к тому, что широкая масса населения не осведомлена о возможности подачи жалобы в Конституционный Суд. Это существенно ограничивает реализацию функционирования механизма защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

Несмотря на вышеупомянутые трудности, с которыми могут столкнуться граждане при обращении в Конституционный суд, в настоящее время можно говорить о том, что роль Конституционного Суда в значительной степени выросла в системе национальных органов государственной власти. Это повлекло и повышение ценности конституционного судопроизводства в российском правозащитном механизме, чему есть свидетельство – ФКЗ от 14.12.2015 г., который расширил компетенцию КС РФ и наделил его полномочиями разрешать вопросы о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека [3].

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. №144 (8198).
2. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. №1-ФКЗ // СЗ РФ. 1994. №13. Ст. 1447.1.
3. Федеральный конституционный закон № 7-ФКЗ от 14.12.2015 г. «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 51 (часть 1). Ст. 7229.
4. Закон РСФСР от 06.05.1991 г. “О Конституционном Суде РСФСР” // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. №19. Ст.621. (утратил силу).
5. Беспалова А. Г., Гребнев М. В., Заикина О. А., Левичев Д. С., Юрчук С.В. “Некоторые проблемы подсудности конституционной жалобы” / Беспалова А. Г., Гребнев М. В., Заикина О. А., Левичев Д. С., Юрчук С.В. // Современные инновации. 2017. №5. С. 39-41.
6. Голик Н. М. Конституционная жалоба - гарантия защиты прав и свобод граждан в практике конституционного правосудия Российской Федерации: авторе. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.02 / Голик Нина Михайловна. М., 2008. 276 с.
7. Кухливский В. С. Конституционная жалоба как элемент правозащитного механизма в Российской Федерации и иных государствах-членах СНГ: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.02. / Кухливский Владимир Сергеевич. - М., 2016. - 209 с.
8. Тамазова А. Д. Конституционная жалоба: новеллы законодательства / Тамазова А. Д. // Общество и право. 2021. №2. С. 134-138.
9. Официальный сайт Конституционного Суда РФ: История Конституционного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://ksrf.ru/ru/Info/Pages/default.aspx.
10. Официальный сайт Конституционного Суда РФ: Количество обращений в Конституционный Суд по годам [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic_year.aspx.
11. Конституционный Суд в 2024 году от 25.12.2024 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://constitutional-center.ru/konstituczionnyj-sud-v-2024-godu-prednovogodnie-itogi/.

УДК 349

Юданов Д.Д.
студент 4 курса Института прокуратуры
Научный руководитель: Осипов Р.А., к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ПРОЦЕССЕ ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье представлен системный анализ действующего законодательства в сфере защиты персональных данных в процессе оказания бесплатной юридической помощи. Автором предпринимается попытка толкования особенностей реализации принципа обеспечения конфиденциальности применительно к указанному виду юридической деятельности. Дана оценка эффективности деятельности по обработке и защите персональных данных отдельными субъектами оказания бесплатной юридической

помощи. В целях совершенствования правового регулирования общественных отношений предложено внесение изменений и дополнений в действующее законодательство.

Ключевые слова: защита персональных данных, конфиденциальная информация, политика по защите персональных данных, бесплатная юридическая помощь, субъекты оказания бесплатной юридической помощи.

Abstract. The article presents a systematic analysis of the current legislation in the field of personal data protection in the process of providing free legal assistance. The author attempts to interpret the specifics of the implementation of the principle of confidentiality in relation to this type of legal activity. An assessment of the effectiveness of the processing and protection of personal data by individual entities providing free legal aid is given. In order to improve the legal regulation of public relations, amendments and additions to the current legislation are proposed.

Keywords: personal data protection, confidential information, personal data protection policy, free legal aid, subjects of free legal aid.

Совершенствование института бесплатной юридической помощи и сложившаяся тенденция ежегодного роста обращений граждан по вопросу её получения объективно вызывают потребность в повышении уровня эффективности и качества её оказания, а также в минимизации рисков, сопряженных с осуществлением данной юридической деятельности. Одним из таких рисков можно назвать утечку персональных данных лица, обратившегося за правовой помощью.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400, одним из элементов национальной безопасности обозначена информационная безопасность. Её цель — укрепление российского суверенитета в информационном пространстве. При этом, в упомянутом документе минимизация утечек информации ограниченного доступа и персональных данных, нарушений требований по их защите — одна из задач политики по достижению названной цели.

В Федеральном законе от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» отсутствует отдельная статья, регулирующая защиту персональных данных. В тоже время, в ст. 5 упомянутого закона к принципам рассматриваемого правового института относится обеспечение конфиденциальности в процессе оказания данного вида помощи. При этом, законодатель не перечисляет сущностные характеристики указанного принципа. На это обращают внимание, как и представители научного сообщества, так и юристы-практики, например, Р.Р. Ефаров [1, с. 70-71].

В связи с чем определение содержания названного институционального начала возможно лишь посредством проведения системного анализа действующего законодательства и правовой доктрины. Так, согласно п. 7 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года (ред. от 23 ноября 2024 г.) № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», конфиденциальность определяется как запрет на передачу информации третьим лицам без согласия её обладателя. Содержание обязательного требования конкретизировано в ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «О персональных данных». Так, без согласия субъекта персональных данных оператору или иному субъекту с правом доступа к ним запрещено их не только раскрывать третьим лицам, но и распространять, кроме случаев, предусмотренных действующим законодательством. При этом, Федеральный закон № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи» не предусматривает таких случаев. Указанные положения определяют лишь общие пределы обеспечения конфиденциальности, не учитывая специфику рассматриваемых правоотношений (получение данных связано с оказанием рассматриваемого вида помощи).

Так, по мнению А.С. Остапенко (Плетень), рассматриваемый принцип — индикатор уровня надежности и профессионализма лица, получившего соответствующие персональные данные [2, с. 808]. Она отмечает, что конфиденциальность реализуется посредством запрета разглашения личной информации лица, обратившегося за правовой помощью. При этом автор обращает внимание на отсутствие в законодательстве специальной нормы, устанавливающей ответственность за нарушение данного запрета, адресатом которой были бы все субъекты системы бесплатной юридической помощи.

При этом, санкция за нарушение данных запретов упомянута лишь в п. 13 ст. 17 Федерального закона № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи». Указанная статья посвящена правовому регулированию деятельности по оказанию правовой помощи государственными юридическими бюро. По нашему мнению, в этом случае возможно констатировать ошибку, допущенную законодателем в технике оформления указанного нормативного правового акта, а именно нарушение правил его построения: упомянутая норма должна содержаться в отдельной статье в первой главе анализируемого закона.

В контексте развития электронной системы оказания бесплатной юридической помощи, производимой в дистанционном формате, возрастает необходимость повышения уровня защиты персональных данных. Так, Е.В. Немецкая отмечает, что в целях повышения доступности и качества оказания правовой помощи требуется внедрение в практику субъектов данной юридической деятельности цифровых инструментов и продуктов, что безусловно оптимизирует их работу [3, с. 35]. При этом, обращая внимание на ряд факторов, которые нужно учитывать в процессе достижения поставленной цели, автор подчеркивает важность обеспечения защиты персональных данных граждан, передаваемых через цифровые каналы [3, с. 36]. Такой же позиции придерживается В.В. Россиев. По его мнению, при создании цифровой экосистемы бесплатной юридической помощи должна быть обеспечена надежная защита предоставленной гражданином информации [4, с. 207].

Стоит отметить, что применение цифровых продуктов в процессе оказания правовой помощи должно в обязательном порядке сопровождаться разработкой правил обработки и защиты персональных данных. Примером этого можно назвать практику юридических клиник Саратовской государственной юридической академии и Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина. Следует подчеркнуть, что данные субъекты по-разному подошли к решению вопросов о получении согласия на обработку персональных данных. Так, в юридической клинике СГЮА разработана единая карточка приёма граждан, при заполнении которой лицо даёт согласие одновременно и на оказание помощи, и на обработку его сведений. В юридической клинике МГЮА им. О.Е. Кутафина, напротив, разграничены данные документы. При этом, в указанных структурных подразделения высших учебных заведений разработаны бланки обязательства о конфиденциальности информации, полученной в процессе оказания правовой помощи, которые заполняются и обучающимися (стажерами, консультантами, практикантами), и профессорско-преподавательским составом (кураторами, координаторами), а также отдельные онлайн-формы для подачи обращений.

Таким образом, обеспечение защиты персональных данных лиц, обратившихся за бесплатной юридической помощью, является одним из важнейших векторов развития данного правового института. Стоит отметить, что на официальных сайтах некоторых субъектов правовой помощи в разделе онлайн-приемных отсутствует информация о политике обработки и защиты персональных данных, в том числе, в онлайн-формах нет графы о согласии на обработку данных сведений. Подобные случаи могут негативно сказаться на доверии граждан к оказанию бесплатной юридической помощи посредством электронных ресурсов. В связи с изложенным предлагаем дополнить Федеральный закон № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи» статьей 5.1 следующего содержания:

«Статья 5.1. Обеспечение конфиденциальности при оказании бесплатной юридической помощи

1. Субъекты, указанные в статье 7 настоящего Федерального закона, в процессе оказания бесплатной юридической помощи обязаны:

1) разъяснить обратившемуся к ним лицу права, предусмотренные Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»;

2) в случае получения персональных данных не раскрывать третьим лицам и не распространять их без согласия обратившегося лица.

2. В случае оказания бесплатной юридической помощи в форме дистанционного консультирования, а также создания электронных приемных по оказанию бесплатной юридической помощи, указанные субъекты обязаны разработать Правила обработки персональных данных в процессе оказания бесплатной юридической помощи и разместить их на официальных сайтах с основной информацией об их деятельности.

3. Лица, виновные в нарушении требований в области обработки и защиты персональных данных, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.».

Список использованных источников:

1. Ефаров, Р.Р. Специфика оказания бесплатной юридической помощи юридическими клиниками / Р.Р. Ефаров // Организация бесплатной юридической помощи: теория и практика, модели и перспективы: III Международная научно-практическая конференция, Нальчик, 17 мая 2024 года. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2024. С. 69-72.

2. Остапенко (Плетень), А.С. Принципы оказания бесплатной юридической помощи / А.С. Остапенко (Плетень) // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7(32). С. 797-805.

3. Немецкая, Е.В. Региональное законодательство о бесплатной юридической помощи и практика его реализации / Е.В. Немецкая // Организация бесплатной юридической помощи: теория и практика, модели и перспективы: III Международная научно-практическая конференция, Нальчик, 17 мая 2024 года. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2024. С. 31-37. С. 31-37.

4. Россиев, В.В. Реализация права на бесплатную юридическую помощь в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук / Россиев Виктор Владимирович. Кемерово, 2025. 259 с.